

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

WIDENER
HN S&K5 F

Vol. 340.869.5

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

GIFT OF
LUCIUS NATHAN LITTAUER
CLASS OF 1878

1996

24

Vol. 340.869.5

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

GIFT OF
LUCIUS NATHAN LITTAUER

CLASS OF 1878

1996

24

ВРЕЙСКОЕ ПЛЕМЯ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

Д-ра Адольфа Іеллинека.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

СТОЛѢТІЕ

ЭМАНЦИПАЦІИ Евреевъ

ЕЯ ХРИСТІАНСКІЕ ЗАЩИТНИКИ.

ИСИДОРА КАИМА.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Изданіе А. Е. Ландау.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

Printed in Russia.

Digitized by Google

ЕВРЕЙСКОЕ ПЛЕМЯ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

Д-ра Адольфа Яеллинека.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

СТОЛѢТІЕ

ЭМАНЦИПАЦІИ ЕВРЕЕВЪ

ЕЯ ХРИСТІАНСКІЕ ЗАЩИТНИКИ.

ИСИДОРА КАИМА.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Издание А. Е. Ландау.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

Printed in Russia.

Jud 340.869.5
✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
LUCIUS NATI:AN LITTAUER
1930

Типографія А. М. Ковенна Вознесенскій пр.. д. № 23-81.

У насъ теперь снова наступилъ одинъ изъ періодовъ, такъ называемаго, «еврейскаго вопроса», и, повидимому, весьма серьезный. Толки журналистики, разные проекты, созваніе делегатовъ для ихъ обсужденія, слухи о заграничныхъ ходатайствахъ и, наконецъ, «правительственныя сообщенія» въ официальныхъ органахъ—все это, на нашъ взглядъ, несомнѣнные признаки, что въ этомъ вопросѣ долженъ произойти какой нибудь радикальный поворотъ и что въ настоящемъ положеніи онъ никакъ не можетъ оставаться. Противъ нынѣшняго положенія возстаютъ, и противники, и доброжелатели евреевъ. И не удивительно: Россія представляетъ собою единственный примѣръ государства, въ которомъ собственные граждане ограничены въ правѣ выбора мѣсто жительства и мѣсто пребыванія. Очевидно, такое ненормальное положеніе продолжиться не можетъ, и еврейскому вопросу въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ то или другое рѣшеніе.

Въ виду этого, вовсе не лишне ознакомить русскую публику съ этнографіей еврейскаго племени, его сущностью, его коренными, природными свойствами и тѣмъ вліяніемъ, которое оказало на нихъ послѣдующая судьба его и разныя историческія обстоятельства. Все это читатели найдутъ въ этнографическихъ этюдахъ д-ра Иеллинеба. Съ другой стороны, особенно полезно ознакомиться съ тѣми фазисами, которые такъ называемый еврейскій вопросъ пережилъ во всѣхъ другихъ государствахъ Европы, съ парламентскими рѣчами и сочиненіями, имѣвшими своимъ предметомъ эманципацію евреевъ. Съ этою цѣлію мы присовокупили здѣсь въ высшей степени замѣчательный очеркъ Исидора Кайма: «Столѣтіе эманципаціи евреевъ и ея христіанскіе защитники».

А. Л.

С.-Петербургъ,
29-го декабря 1869 года.

ЕВРЕЙСКОЕ ПЛЕМЯ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

Д-РА АДЛЬФА ІЕЛЛИНЕКА.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Изданіе А. Е. Ландау.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	СТР.
I. Введеніе	1
II. Партикуляризмъ и универсализмъ еврейскаго племени.	5
III. Энтузіазмъ и остроуміе	15
IV. Стойкость и способность къ прогрессу.	20
V. Субъективность и объективное влеченіе	30
VI. Продолженіе. Результаты	38
VII. Журналистика. Военныя способности. Дипломатія.	52
VIII. Юристуриденція. Адвокаты.	63
IX. Медики	68
X. Сценическое искусство	70

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

I. Семейныя чувства еврейскаго племени.	75
II. Телеологическая сторона еврейскаго племени	88
III. Женственность еврейскаго племени.	95
IV. Женскій трудъ	104

	СТР.
V. Оптимизмъ еврейскаго племени	109
VI. Партитуларизмъ и универсализмъ еврейскаго племени въ библейскую и по-библейскую эпоху.	119
VII. Алфавитъ.	127
VIII. Этическіе голоса въ природѣ	133
IX. Библейскія и по-библейскія изрѣченія о еврейскомъ племени	141
X. Еврейское племя по талмудическимъ и еврейско-нѣ- мецкимъ поговоркамъ и пословицамъ	156
XI. Историческія вліянія на развитіе еврейскаго племени.	183
XII. Ново-еврейскій языкъ.	198
XIII. Терпимость еврейскаго племени	202
XIV. Гений еврейскаго племени по преданіямъ о пророкѣ Иліи	212
XV. Этнографическіе моменты еврейскихъ праздниковъ .	205
XVI. Будущность еврейскаго племени.	223

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТР.	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
	сверху		
5	13	всемірности.	универсальности
33	16	спускается, ко дню	спускается ко дню
49	5	носителемъ	носителемъ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемые здѣсь этнографическіе этюды съ одной стороны имѣютъ въ виду содѣйствовать развитію науки, вторая, чтобы пріобрѣсти твердыя основы, расширить этнографическое познаніе и служить социальнымъ практическимъ цѣлямъ, еще сильно нуждается въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ, а съ другой — охарактеризировать племя, которое, вслѣдствіе успѣховъ гуманизма и его побѣдъ, пріобрѣло новое вліятельное положеніе въ большей части европейскихъ государствъ, принимаетъ весьма дѣятельное участіе въ развитіи современной общественной жизни, и понятія о которомъ сильно запутаны, какъ вслѣдствіе предубѣжденій писателей, нападающихъ на это племя, такъ и вслѣдствіе предвзятыхъ взглядовъ, обнаруживаемыхъ нерѣдко писателями, его защищающими.

Предметомъ этимъ занимались уже, впрочемъ, многіе извѣстные изслѣдователи на этомъ поприщѣ, въ особенности же (кромѣ Вильгельма Гумбольдта, Лассена, Эвальда и Гейзе) подробно разбирали его Эрнестъ Ренанъ въ его „Histoire général des langues semitiques“ (Всеобщая исторія семитическихъ языковъ) и Густавъ Бауэръ въ его „Geschichte der alttestamentischen Weissagung“ (Исторія вѣтхозавѣтнаго пророчества). Но первый, при оцѣнкѣ еврейскаго племени, руководствовался общей категоріей семитизма, представлялъ себѣ евреевъ, какъ и арабовъ, чистыми семитами, діаметрально противоположными арійцамъ, и, вслѣдствіе этого, нерѣдко одно-сторонне изображалъ народный духъ евреевъ; послѣдній же, хотя и отличается болѣею осмотрительностью и мѣткостью, и свободенъ отъ предубѣжденій, но онъ пользовался лишь однимъ библейскимъ матеріаломъ. Предлагаемые же этюды обнимаютъ собою гораздо болѣе обширный кругъ. Въ нихъ авторъ прослѣдилъ разнообразнѣйшія откровенія еврейскаго племени въ исторіи, изслѣдовалъ различные фазисы жизни этого племени до новѣйшаго времени, подвергнувъ анализу противоположныя историческія силы, которыя господствовали надъ нимъ въ періодъ его расцвѣтши, со времени потери его національной самостоятельности. Въ этихъ этюдахъ авторъ далѣе разбираетъ литературныя творенія, которыя еврейское племя произвело вмѣстѣ съ другими на-

родами или въ противоположность имъ, и дѣлаетъ ихъ полезными въ этнографическомъ отношеніи; онъ рассматриваетъ еврейское племя въ его индивидуальной, домашней, корпоративной и соціальной жизни, и добытые результаты переноситъ изъ области теоріи въ область практики. Между этими практическими результатами въ особенности важенъ тотъ, который убѣждаетъ насъ, что евреи, составляя собою удивительную смѣсь первоначальныхъ семитическихъ, іафетическихъ и хаметическихъ элементовъ, суть европейцы востока, звено, соединяющее востокъ съ западомъ, посредники, сближающіе ихъ одинъ съ другимъ.

Авторъ.

ЕВРЕЙСКОЕ ПЛЕМЯ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ЕВРЕЙСКОЕ ПЛЕМЯ.

I.

Къ числу величайшихъ приобретений все болѣе и болѣе развивающихся и распространяющихся естественныхъ наукъ, можетъ быть отнесено и вліяніе, которое онѣ уже успѣли оказать на методъ всякаго точнаго и вѣрнаго изслѣдованія, — методъ, который, по замѣчанію Кювье, гораздо важнѣе какого нибудь отдѣльнаго открытія. Естественныя науки укрѣпили въ серьезныхъ мыслителяхъ и ученыхъ, — на какую бы сторону великой области человѣческаго вѣдѣнія ни была обращена ихъ дѣятельность, — то убѣжденіе, что самыя остроумныя и ослѣпительныя гипотезы не могутъ привести къ полному уразумѣнію явленій; что только отъ наблюденія надъ всѣми относящимися къ извѣстной области фактами и явленіями нужно мало по малу восходить къ общимъ принципамъ; что для того, чтобы создать истинно-научный организмъ, нужно начать не съ купола, чрезъ который лучи познанія проникають во внутренность бытія, а съ собиранія и сопоставленія краеугольныхъ кам-

ней, — однимъ словомъ, онѣ провозгласили индукцію, самую надежную путеводительницей во всѣхъ областяхъ человѣческаго познанія.

На этой единственно прочной основѣ, а не на произвольныхъ предположеніяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ, должны основываться и сужденія о значеніи и особенностяхъ народовъ и племенъ, если желаютъ, чтобы сужденіямъ этимъ приписывали научную очевидность. Государственные люди, которымъ вѣрены судьбы различныхъ народовъ, законодатели, старающіеся удовлетворять дѣйствительнымъ потребностямъ какого нибудь племени посредствомъ государственныхъ установленій и законовъ; историки, желающіе раскрыть духъ извѣстныхъ эпохъ въ его причинахъ и дѣйствіяхъ; педагоги, которые имѣютъ своей задачей развивать и направлять силы, присущія данному народу — абсолютный человѣкъ есть ничто иное, какъ идеаль, который выставляется иногда какъ органическій типъ извѣстнаго племени, — всѣ они должны вступить на путь индукціи, если не хотятъ уклониться отъ своей цѣли, если не хотятъ, чтобы ихъ государственныя учрежденія созидались по ложнымъ предположеніямъ, чтобы ихъ законы оказались неспособными къ удовлетворенію народа, чтобы ихъ историческія изображенія были лишены истины, и чтобы способы воспитанія остались безъ всякаго вліянія.

Для того, кто внимательно слѣдитъ за развитіемъ нашего великаго отечества (Австріи), до очевидности ясна будетъ важность того положенія, по которому для упра-

вленія какимъ нибудь народомъ посредствомъ законовъ, для правильнаго о немъ сужденія и для удовлетворенія его истиннымъ потребностямъ, — слѣдуетъ прежде всего изучить его истинную, индивидуальную сущность. Нерѣдко приходится слышать и читать толки и изрѣченія, сужденія и осужденія, основанныя не на ясномъ пониманіи данныхъ національныхъ особенностей, а на субъективномъ произволѣ, на личномъ расположеніи или отвращеніи. Но романтическія времена субъективнаго самодовольства уже прошли; народъ имѣетъ такое же право, чтобы его изслѣдовали и изучали, какъ и земля, на которой онъ живетъ и которую слѣдуетъ обрабатывать, если желаютъ чтобы она была плодородной.

Я избралъ предметомъ своихъ изслѣдованій еврейское племя съ тѣмъ, чтобы представить его друзьямъ и недругамъ и изобразить его на прочномъ основаніи наблюденій, опытовъ и фактовъ, которые, какъ и самыя выводы изъ нихъ, всякимъ могутъ быть подвергнуты повѣреѣ и критикѣ, — не потому, что я самъ принадлежу къ этому племени, а потому, что это племя представляетъ обильный матеріалъ для изслѣдованій, что будучи разсѣяннымъ по всему земному шару, оно значительно облегчаетъ провѣрку нашихъ заключеній, потому что ни о какомъ другомъ племени не существуетъ столько противоположныхъ мнѣній, и, наконецъ, потому, что ни одному образованному человѣку не можетъ быть совершенно чуждъ матеріалъ этого этнографическаго изслѣдованія.

*

Спрашивается, какииъ именно матеріаломъ долженъ пользоваться этнографическій изслѣдователь для того, чтобы понять и изобразить какое нибудь племя въ его истинной, внутренней сущности съ тою вѣрностью, которая дается опытомъ въ области естественныхъ наукъ? Языкъ, религія, письменность историческое развитіе, характеристическія особенности и нравы, — вотъ та область, на которой должны быть совершаемы опыты и дѣлаемы наблюденія. Понятно, что кому хоть сколько нибудь дорога истина, тотъ не можетъ не считать въ высшей степени безразсуднымъ, несправедливымъ и даже безчеловѣчнымъ образъ дѣйствія того сонма писателей, которые судятъ о евреяхъ зря и вовсе не зная ихъ.

Языкъ народа есть зеркало его способа мышленія; его религія показываетъ, какъ онъ чувствуетъ; его письменность есть отраженіе его творческой силы; его исторія показываетъ намъ послѣдовательность его развитія; его характеръ ручается за его дѣятельность; наконецъ, его нравы представляютъ намъ картину его жизни. И такъ какъ способъ мышленія, чувства, творчество, саморазвитіе, дѣятельность и образъ жизни составляютъ собою тотъ кругъ, внутри котораго двигается народность, то изучившій этотъ кругъ изучилъ вѣстѣ съ тѣмъ и самый народъ.

Подвергнуть подробному анализу отдѣльныя составныя части, изъ которыхъ слагается еврейская народность — это выходило бы изъ предѣловъ цѣли, которая поставлена этому очерку, и объема, который ему

предназначенъ. Достаточно будетъ указать на тѣ характеристическіе признаки, которые раскрываютъ собою существо народа, и изъ которыхъ я буду брать свои доводы для подкрѣпленія поставляемыхъ мною положеній и изображаемыхъ племенныхъ особенностей. Я поэтому приведу лишь нѣкоторыя извлеченія изъ болѣе подробнаго изслѣдованія, при чемъ преимущественно буду имѣть въ виду то, что соответствуетъ современнымъ потребностямъ. Быть можетъ, мнѣ удастся исправить надлежащимъ образомъ иное мнѣніе, побороть иной предразсудокъ, вразумить друзей и заставить быть осторожнѣе враговъ.

Начну съ исключительности и всемірности еврейскаго племени. Его одновременно обвиняютъ и въ томъ и въ другомъ. Оно, говорятъ одни, слишкомъ замкнуто и малодушно удаляется отъ всякаго другаго народа; еврей слишкомъ универсаленъ, онъ — космополитъ, не имѣетъ отечества, говорятъ другіе. Кто же изъ нихъ правъ?

II.

Если бы при сотвореніи человѣка призвали на общій совѣтъ не однихъ только архангеловъ — какъ гласитъ еврейская легенда, — но и берлинскаго философа Гегеля, и если бы послѣдній обратился къ творцу вселенной съ просьбой: „Господи, сотвори породу людей, спо-

собную особенно блестящимъ образомъ олицетворить собою и осуществить мой діалектической методъ съ его тремя концентрическими кругами — тезисомъ, антитезисомъ и синтезисомъ“, — то Богъ навѣрное отвѣтилъ бы ему: „Вотъ тебѣ, мой философъ, еврейское племя. Взгляни, — его внутреннее существо я сложилъ изъ противоположностей; онѣ составляютъ тайну его специфической натуры, и законъ его развитія состоитъ въ разрѣшеніи этихъ противоположностей въ высшемъ синтезисѣ. Твоя философія падетъ подъ ударами твоихъ противниковъ, но евреи останутся, и сохранится твой діалектической методъ въ ихъ мірѣ, полномъ тезисовъ и антитезисовъ“.

Оставляя въ сторонѣ тонъ древнихъ легендъ и новаго философа Гегеля, мы должны сознаться, что еврейское племя дѣйствительно состоитъ изъ однихъ только противоположностей; отсюда такое разнообразіе сужденій о немъ, нерѣдко равно одностороннихъ, какъ въ восхваленіи, такъ и въ порицаніяхъ; отсюда же его подвижность, похожая на подвижность стрѣлки вѣсовъ, чашки которыхъ не всегда находятся въ равновѣсіи. Въ великомъ ряду противоположностей универсальность и партикуляризмъ еврейскаго племени занимаютъ не послѣднее мѣсто. Германецъ по природѣ своей универсаленъ; покуда онъ не носитъ черно-красно-золотой ленты, не читаетъ воинственныхъ статей газеты „Patrie“ *), не слышитъ звука французскаго оружія и не поетъ пѣсни Арндта,

*) Официозный органъ французскаго правительства.

до тѣхъ поръ онъ не чувствуетъ въ себѣ ничего особеннаго, партикулярнаго и преспокойно мечтаетъ о всѣхъ угнетенныхъ національностяхъ, кричить „Eljen“, „Slawa“, „Evviva“, думаетъ о себѣ послѣ всѣхъ другихъ. Вотъ почему христіанство, въ его крайней всеобщности, находитъ лучшихъ своихъ представителей въ германскомъ народѣ, между тѣмъ какъ романскія племена менѣе склонны къ чистому католичеству. Мадьяръ — партикулярень до мозговъ костей; у него его собственный мадьярскій богъ, его собственная священная мадьярская земля и его собственный всеспасающій мадьярскій языкъ. У него нѣтъ того всеобъемлющаго духа, при помощи котораго ему можно было бы погрузиться въ воззрѣнія, свойства и особенности чужаго народа, и быть вполне справедливымъ въ отношеніи племенъ, ему противоположныхъ. Венгерскій крестьянинъ, потребовавшій въ одномъ магазинѣ художественныхъ произведеній, чтобы ему дали венгерскій глобусъ, лучшій естественный представитель народа, который хотѣлъ бы слить весь міръ съ собою, но не себя съ міромъ. Еврей соединяетъ въ себѣ германскую универсальность съ мадьярскимъ партикуляризмомъ, — Западъ съ Востокомъ *), и потому ему еще придется исполнить великую миссію въ тѣ грядущія времена, когда этимъ

*) Итальянскій писатель Джіоберти говоритъ слѣдующее о древнихъ еврейхъ въ своемъ сочиненіи: «*Del primato morale e civile degli italiani*» («О моральныхъ и гражданскихъ началахъ итальянцевъ»), стр. 424): «Евреи тогдашняго времени по нрав-

двумъ мірамъ, вслѣдствіе разрѣшенія восточнаго вопроса, понадобится посредствующее звено. Вѣдь были же евреи еще въ средніе вѣка посредниками между арабской и европейской образованностью!

Большее или меньшее проявленіе той или другой противоположности зависитъ отъ вліянія времени и мѣста. Въ положеніи замкнутости, въ „гетто“, при господствѣ исключительныхъ законовъ, подъ эгидой красныхъ пятенъ и сицихъ билетовъ, ярче проявляется обособленная сущность еврея; но на свѣжемъ воздухѣ свободы, въ социальномъ общеніи съ другими народами пріобрѣтаетъ перевѣсъ его универсальная сторона. Умъ еврея, взятый въ отдѣльности, отличается склонностью къ партикуляризму, его сердце, наоборотъ, — универсально; но при равномѣрной и совокупной дѣятельности обоихъ образуетъ высшее единство. Мы имѣемъ въ іудаизмѣ цѣлыя группы, которыя представляютъ собою эти двѣ отличающія все еврейское племя противоположности: обра-

ственному состоянію ихъ національности, вѣры и учреждений были западомъ восточнаго міра, такъ сказать посредствующимъ звеномъ между отдаленнымъ востокомъ и европейскимъ западомъ. Сочинители священныхъ книгъ принадлежатъ востоку по смѣлости своихъ образовъ, возвышенности мысли и живости воображенія. Но они отличаются простотою формъ и красокъ, точностью и вѣрностью опредѣленій, и не смотря на всю смѣлость ихъ подражаній не имѣютъ даже и тѣни той превыспренности и многословія, которыя встрѣчаются въ другихъ азіатскихъ литературахъ, и которыя впоследствии перешли на другую половину земнаго шара. Поэтому-то, библейскій слогъ такъ удивительно походить на слогъ гомеровскихъ твореній».

довой законъ, религіозныя учрежденія и Галаха *) — партикуляристичны; законъ моральный, пророчество и Гагада **)—универсальны. Въ первыхъ преобладаетъ разумъ, въ послѣднихъ—сердце. Эти противоположности отражаются и во внѣшности еврея, въ его особенной типичности. Онъ процвѣтаетъ повсюду, независимо отъ почвы и климата; статистическій законъ рожденія и смертности для него не измѣняется подъ различными широтами и долготами, и при всемъ томъ, онъ вездѣ сохраняетъ свой племенной типъ, который усиливается или слабѣетъ, смотря потому, замыкается ли онъ, или размыкается, живетъ ли онъ густою массою въ „гетто“, или свободно и разбросано между другими народами.

Но пусть лучше факты говорятъ сами за себя; обратимся къ указаннымъ нами основнымъ элементамъ, составляющимъ сущность всякой народности.

Въ эпоху существованія втораго храма евреи усвоили себѣ арамейскій языкъ, но сразу придали ему еврейскій оттѣнокъ, подобно тому, какъ англичане наложили свою печать на содержащіяся въ нихъ языкѣ романскіе элементы. Въ Талмудѣ и Мидрашѣ ***) встрѣчается весьма много греческихъ и латинскихъ существительныхъ, множественное число которыхъ образуется, однакожъ, по законамъ языка еврейскаго, а также и глаголы, спрягающіеся по правиламъ еврейской же грамматики. Съ другой стороны,

*) Религіозные законы.

**) Преданія.

***) Коментарій къ Св. Писанію и Талмуду.

еврейское племя имѣетъ замѣчательную способность изучать чужіе языки, понимать особенности другихъ народовъ и усваивать себѣ чужія формы, и кто знаетъ, можетъ быть безъ этого универсальнаго таланта оно давно уже погибло бы, вслѣдствіе своей разбросанности между всѣми народами во всѣхъ странахъ земнаго шара. Быстро евреи выступили греческими писателями въ Александріи; Евмейская Сивилла, — говорящая языкомъ александрійскаго еврея, — распространяетъ подъ греческимъ покровомъ заимствованныя у Исаи мессіанскія картины, проникающія до самаго Виргилія и находящія себѣ мѣсто къ его четвертой эклогѣ; Филонъ соперничаетъ съ Платономъ; еврей Фускъ Аристъ, другъ Горация, и Феодоръ, остроумный еврейскій рецензентъ Марціала пишутъ, какъ римляне, Самуиль-Ибнъ-Адиha уже въ VI столѣтіи по Р. X. своими арабскими стихами возбуждаетъ удивленіе арабовъ, и врачъ Исаакъ-Ибнъ-Сулиманъ-Израили пишетъ медицинскіе трактаты на арабскомъ языкѣ въ томъ же столѣтіи, въ которомъ Саадія перевелъ на арабскій языкъ Пятикнижіе. Самуиль-бенъ-Меиръ во Франціи, въ своемъ комментаріи къ Пѣсни Пѣсней, ссылается на пастушескія пѣсни трубадуровъ; нѣмецкія миннезингеры считаютъ въ своихъ рядахъ еврея Зискинда-фонъ-Тримберга; Эммануиль изъ Фермо подражаетъ Дятевскому „Аду“ и „Раю“, и Моисей Мендельсонъ, никогда не носѣщавшей нѣмецкой школы, пишетъ по нѣмецки лучше, чѣмъ берлинская христіански-германская „Крестовая Газета“. Формы, чуждыя евреямъ, скоро ими

усвояются. Греческій гексаметръ, арабская макама, арабскій теджнисъ и газела, соннеты, сестины, октавы, канцоны нисколько не затрудняютъ ихъ универсальнаго духа.

Въ религiи, — но здѣсь, во избѣжаніе недоразумѣній, я долженъ — предпослать объясненіе. Иной читатель, быть можетъ, найдетъ неумѣстнымъ, что я съ религіею откровенія обращаюсь, какъ съ этнографическимъ матеріаломъ. На это я отвѣчу слѣдующее: Есть правительства, которыя, провозглашая новые, либеральные и превосходные принципы, оставляютъ, однакожь, въ силѣ старыя органы исполненія, компрометирующіе весьма часто высшую власть, и представляющіе самый обильный матеріалъ для запросовъ въ парламентъ. Но, я не думаю, чтобы подобныя обстоятельства сопровождали появленіе на свѣтъ еврейской религiи, которая есть религія откровенія. Если Богъ открываетъ себя какому нибудь народу, то вѣрно послѣдній заключаетъ въ себѣ всѣ условія для того, чтобы быть, такъ сказать, исполнительнымъ органомъ или представителемъ этой религiи, и вотъ въ этомъ-то смыслѣ и говорится, что евреи — народъ бого-избранный. Возвратимся теперь къ нашему предмету. Религія, какъ уже выше было замѣчено, въ еврейскомъ обрядовомъ законѣ представляется обособленной и исключительной, а въ законѣ нравственномъ — универсальной. Справедливость, любовь, благотворительность, человѣческое право и человѣческое достоинство, по ученію іудаизма, обнимаютъ собою и евреевъ и неевреевъ, и — тирольское религіозное единство, совершенно

исключающее приверженцев чужих исповѣданій, на еврейской почвѣ рѣшительно невозможно. Законоучители и истолкователи законовъ, поэтому, болѣе замкнуты и исключительны, чему много способствуетъ самый родъ ихъ занятій; въ пророкахъ же, гагадистахъ и ораторахъ, дѣйствующихъ по большей части въ области этической, преобладаетъ универсальность еврейскаго племени. Универсальныя наклонности этого племени, его стремленія выступить изъ себя и применить къ другимъ народамъ, обусловливаются тою средою, въ которой оно вращается. Такъ, на примѣръ, въ протестантскихъ земляхъ еврей менѣе склоненъ къ внѣшней религіозной пышности и обрядности, чѣмъ въ земляхъ католическихъ; тамъ онъ охотно слушаетъ проповѣди о догматическихъ, даже въ высшей степени абстрактныхъ вопросахъ, между тѣмъ, какъ здѣсь сфера религіознаго мышленія ему внушаетъ извѣстнаго рода боязнь.

Литература евреевъ, не смотря на ея частный еврейскій покровъ, — универсальна; ей равно знакомы какъ Платонъ и Аристотель, такъ и Альфараби и Авиценна, Альбертъ Великій и святой Тома Аквинскій, Кантъ и Гегель, Шиллеръ и Лессингъ. Она свидѣтельствуешь, что еврейское племя весьма легко и весьма охотно заимствуетъ у мыслителей всѣхъ народовъ, стараясь слить заимствованное съ иудаизмомъ. Поэтому, все духовное творчество еврейскаго племени въ періодъ его развѣянности можетъ быть опредѣлено однимъ словомъ, одною формулою: синкретизмомъ, — впрочемъ, совер-

шенно не похожимъ на французскій синкретизмъ, напр. Кузена.

Между этими же двумя указанными противоположностями движется также и исторія евреевъ. Въ Александри, въ Аравійской Испаніи, а въ новыя времена — во Франціи и Германіи обнаруживается съ постоянно возрастающею силою стремленіе ихъ къ универсальности; въ Галиціи же и Польшѣ преобладаетъ исключительный характеръ. Тамъ замкнутость устраняется равенствомъ предъ закономъ, а здѣсь неравенство постоянно доставляетъ ему новую пищу.

Тоже самое можно сказать и о нравахъ еврейскаго племени. Какъ только его не отталкиваютъ, оно стремится къ подражанію и усвоенію чужихъ нравовъ. Филонъ жалуется на многихъ изъ своихъ одноплеменниковъ за то, что они совершенно отрекаются отъ нравовъ своихъ предковъ; въ Испаніи евреи соперничали съ рыцарскими гидальго, въ Венгріи они самыя усердные поклонники шпоръ и венгерокъ, и нѣмецкое суевѣріе еще нѣсколько столѣтій тому назадъ нашло себѣ отголоски въ такъ называемомъ завѣщаніи раби-Іегуды-га-Хасида. Все это коротко выражается извѣстною народною поговоркой: „wie es sich christelt, so jüdet es sich;“ (какъ по христіански, такъ и по еврейски). Здѣсь мы не можемъ не указать еще на одну характеристическую черту: ничто такъ не льститъ еврейскому самолюбію, какъ похвала и признаніе ихъ достоинствъ со стороны

другихъ народовъ. Это ясно видно, какъ въ библейскую эпоху, такъ и еще въ наши дни.

Постараемся же теперь вывести заключеніе изъ разсмотрѣнной нами первой противоположности въ еврейскомъ характерѣ и укажемъ на результаты, которые она можетъ имѣть для жизни.

Правительства, серьезно желающія смягчить исключительность, присущую и дѣйствующую въ средѣ ихъ еврейскихъ подданныхъ, должны имъ дать свободу. Твердая сталь замѣнотости легко поддается теплomu лучу свободы, но свободы полной, не помрачаемой никакими исключеніями. Сами евреи должны остерегаться съ одной стороны поверхностности въ своихъ заимствованіяхъ и сужденіяхъ, а съ другой — своего исчезновенія въ туманной универсальности. Еврейское племя, по своей природѣ, безъ всякихъ усилій усваиваетъ себѣ чужіе элементы, и поэтому часто случается, что иной еврей дѣлается многообъемлющимъ, но въ тоже время и поверхностнымъ, и боясь труда погрузиться въ глубь предмета, несправедливо судить объ усиліяхъ другихъ. Такъ какъ это племя, олицетворяетъ собою такія противоположности, то иной членъ его съ замѣчательной быстротою дѣлаетъ скачокъ отъ самаго рѣзкаго партикуляризма къ совершенно безформенной универсальности и при этомъ теряетъ всякую внутреннюю опору.

Перейдемъ теперь къ другой противоположности: къ энтузіазму и остроумію еврейскаго племени.

III.

Противоположности, покоящіяся непосредственно другъ возлѣ друга, составляютъ существенную основу, субстанцію еврейскаго племени, и дѣлаютъ его живымъ, подвижнымъ существомъ, олицетворяющимъ отрицаніе одновременно съ положеніемъ. Первый контрастъ, который мы прослѣдили въ различныхъ проявленіяхъ его духовной дѣятельности, показалъ намъ его въ разнообразнѣйшихъ отношеніяхъ къ окружающей его средѣ; стоитъ только прибавить ко всему этому, что общая всему человечеству мессіанская идея развилась въ средѣ этого племени, что попытка къ созданію всемірной исторіи впервые была сдѣлана въ книгѣ пророка Даніила, что большая часть новѣйшихъ сочиненій по исторіи права, разсматривающихъ предметъ свой съ всемірно-исторической точки зрѣнія, вышли изъ подъ пера авторовъ, принадлежащихъ къ еврейскому племени (Гансъ, Унгеръ, Кенигсвартеръ, Майеръ), — чтобы появилось у насъ самое существенное доказательство универсальности еврейскаго ума. Противоположность, на которую мы теперь обращаемъ наше вниманіе, а именно энтузіазмъ и остроуміе еврейскаго племени, вводитъ насъ въ его сокровеннѣйшій міръ, въ тайную мастерскую его внутренней дѣятельности.

Слово „сердце“ не случайно играетъ такую значительную роль въ древне-еврейскихъ произведеніяхъ.

Еврейское племя, при усиленной возбужденности, все обнимаетъ своимъ живымъ, кипучимъ сердцемъ, — и быстро приходитъ въ экстазъ. Его преданность, удивленіе и воодушевленіе, его похвала и порицаніе, признаніе и отверженіе, — все въ немъ восторженно. Во время своего обособленія, даже въ самыя лучшія минуты, ему не удавались пластическія изображенія, въ которыхъ выражается удовлетворенное и успокоившееся вдохновеніе, но онъ всегда оставался вѣренъ своему пламенному паоосу. Его языкъ отъ природы патетиченъ и Шиллеръ — любимый поэтъ гетто, Гипербола, часто употребляемая въ Талмудѣ и Мадрашѣ, до сихъ поръ блестятъ въ образной рѣчи еврея. Его искусство предпочитаетъ область лирическаго слова и звука; онъ любитъ все возвышенное, могучее, величественное; въ поэзіи онъ не можетъ совладать съ стихотворнымъ размѣромъ, въ искусствахъ ему недостаетъ пластичности; въ научной композиціи — органическаго спокойствія, а въ духовномъ творествѣ — разнообразія формъ.

Мы охотно прощаемъ старику Гете, который однажды выразился, что языкъ евреевъ уже слишкомъ патетиченъ; однако гиперболы Талмуда не должны быть понимаемы въ буквальномъ смыслѣ. Возлѣ левиафана и бегемота, возлѣ безмѣрнаго украшенія престола царя Соломона, который, по увѣренію талмудической легенды, владычествовалъ надъ всѣмъ міромъ „съ одного конца свѣта до другаго“, — и сужденія объ иномъ народѣ теряютъ много изъ своего буквального значенія. Вообще, хвалу и порицаніе вос-

тѣрженнаго племени нельзя вѣсить на аптекарскихъ вѣсахъ. Выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „богатство Кору“, „Аристотелева голова“, „non plus ultra“, „этого свѣтъ еще не видалъ и не слышалъ“; „онъ живетъ по-царски“, „второй Шиллеръ“; „онъ знаетъ Талмудъ и казуистовъ наизусть“; „единственный мужъ своего вѣка“, „чудо изъ чудесъ“; „онъ готовъ отдать свой послѣдній грошъ“ — принадлежать этому племени.

Но энтузіазмъ есть источникъ благородства, щедрости, великодушія, воспримчивости ко всему великому и возвышенному, воодушевленія гениальными произведеніями, трагической поэзію, онъ источникъ самаго пылкаго патриотизма, геройскаго духа Маккавеевъ, источникъ несломовъ, распѣваемыхъ въ синагогахъ, церквахъ и мечетяхъ!

Рядомъ съ пламеннымъ энтузіазмомъ, мы видимъ въ еврейскомъ племени и холодное остроуміе. Быстро мыслить, рѣзко отдѣлять, разлагать и сопоставлять, отыскивать самую сущность дѣла, поставяль сравненія, различать синонимы, и дѣлать конечные выводы — вотъ отличительные признаки его ума. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Игерингъ (Духъ римскаго права, Т. I, стр. 8) въ талмудической юриспруденціи находитъ болѣе остроумія и послѣдовательности, чѣмъ въ римской.

Древне-еврейскій языкъ не знаетъ гласныхъ буквъ, ни связки для подлежащаго и сказуемаго, ни нарѣчій для предыдущихъ и послѣдующихъ предложеній; равнымъ образомъ у него нѣтъ предлоговъ и союзовъ. Талмудъ и Мидрашъ не знаютъ точекъ препинанія, — и при всемъ

томъ еврей всегда понималъ свою библію и свой Талмудъ, при помощи своего проніцательнаго остроумія, лозунгъ котораго гласить: „eo ipso“ — „это само собою разумѣется“, — и нѣтъ никакой надобности въ ближайшемъ опредѣленіи особенными знаками. Онъ позаимствовалъ изъ талмудическаго языка отдѣльныя слова, замѣняющія ему цѣлый рядъ предложеній; его рѣчь кратка и сжата, и не терпитъ лишняго слова, ни даже лишней буквы. Онъ любитъ остроу и игру словъ, которыя обѣ встрѣчаются въ самыхъ древнихъ его сочиненіяхъ, и которыми славились древніе гагадисты. Излагая свои ученія талмудисты очень часто имѣли цѣлью только — изошрять умъ учениковъ; мнемоническіе знаки имъ извѣстны были еще задолго до нашихъ мнемониковъ, и что касается отыскиванія аналогій и различенія синонимовъ, то въ этомъ они мастера! Весьма вѣроятно, что еврейское племя, съ своею обычною проніцательностью, создало знаки алфавита изъ египетскихъ іероглифовъ, это всемірно-историческое произведеніе блистательнѣйшаго остроумія!

Но эти два достоинства, энтузіазмъ и остроуміе, имѣютъ также свои темныя стороны для соціальной жизни посреди другихъ племенъ. Еврей воодушевляется быстро; быстро совершается у него процессъ мышленія. Неудивительно поэтому, что, при его природныхъ свойствахъ, его рѣчь иногда бываетъ стремительна, быстра и подъ часъ отрывиста и безсвязна; что онъ начинаетъ новое предложеніе, не кончивъ прежняго; что онъ перебиваетъ рѣчь другихъ; что онъ составляетъ силлогизмы, не указывая сред-

нихъ посылкъ; что французскій строй рѣчи онъ предпочитаетъ нѣмецкому; что онъ сегодня превозноситъ до небесъ, а завтра низвергаетъ въ пропасть; что его хвала и порицанія не знаютъ границъ; что въ своемъ быстромъ мышленіи онъ не охотно позволяетъ останавливать себя дисциплиной медлительной систематики; что при всей пылкости онъ часто пренебрегаетъ подробностями, второстепенными вещами, посредствующими переходами; что онъ аналитическій методъ предпочитаетъ синтетическому, и что въ протестантскихъ проповѣдяхъ, — дѣйствительно не отличающихся особенной бойкостью, возвышенностью и тонкостью, — онъ находитъ мало удовольствія. Что само собою разумѣется, того ему не нужно доказывать! Но тутъ ему помогаетъ его универсальный смыслъ. Всѣ эти рѣзкія угловатости его природы сглаживаются отъ ученія, чтенія, сближенія и общенія съ индо-германскими племенами. Поэтому, усовершенствованіе еврейскаго племени въ обособленномъ и замкнутомъ состояніи невозможно; съ другой стороны для общества весьма важно вліяніе его, какъ животворнаго элемента. На англійскую флегму можетъ имѣть весьма полезное вліяніе еврейскій энтузіазмъ, а на германскую мечтательность — еврейское остроуміе.

На указанныя особенности еврейскаго племени, обращаю я преимущественно вниманіе еврейскихъ педагоговъ. Ихъ задача должна состоять въ томъ, чтобы съ самыхъ раннихъ лѣтъ приучать еврейское юношество къ умѣренности и спокойствію, развивать и укрѣплять въ немъ способность цѣнить формальную сторону пред-

мета, и приучать его къ полному и подробному, а не отрывистому и пикантному выраженію мысли. Равнымъ образомъ и еврейскій проповѣдникъ не долженъ упускать изъ виду этихъ особенностей своихъ единоплеменниковъ, ему лучше руководствоваться Гаррисомъ, чѣмъ Рейнгардомъ, — Воскрэтомъ, чѣмъ Бурдалу, — Пэркеромъ, чѣмъ Чаннингомъ, — Мангеймеромъ, чѣмъ Клеешъ, но самое лучшее руководство для проповѣдника — Мидрашъ.

Обратимся теперь къ стойкости и способности къ усовершенствованію, присущимъ еврейскому племени.

IV.

Приглашаю благосклоннаго читателя послѣдовать за мною въ учебную комнату стараго раввина тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. За длиннымъ столомъ сидятъ приверженцы Талмуда; они то погружаются въ развернутые передъ ними фоліанты, то обращаютъ свои взоры на своего преподавателя.

Предметъ настоящей лекціи — ученіе о дѣйствительности или недѣйствительности письменнаго духовнаго завѣщанія, которое, хотя и неизвѣстно моисееву законодательству, но въ послѣдствіи времени было принято и евреями и вошло въ составъ талмудической юриспруденціи. Часто повторяющіяся слова: *diatheka* (вошедшее въ талмудъ греческое названіе духовнаго завѣща-

нія), *epitropos* (опекунъ) и *hypotheke*, а также и отголоски аттического права могли бы заставить слушатели думать, что онъ имѣеть дѣло съ греческими колонистами, если бы живость и угловатость ихъ жестовъ (волнообразная линія чужда большому пальцу, котораго назначеніе — доказывать) не напоминали ему востока. Въ глубинѣ, позади всѣхъ, на послѣдней скамейкѣ сидитъ ученикъ, погруженный въ какую-то думу; въ разсѣянности онъ придерживаетъ лѣвою рукою карманъ своего сюртука. Я познакомлю читателя съ содержаніемъ этого, столь боязливо придерживаемаго кармана. Слушатель талмудической казуистики держитъ подъ столомъ Шиллерова Донъ-Карлоса, и онъ колеблется между свободой мысли маркиза Позы — предметъ его тайныхъ мечтаній, и между невыразимо-тонкими умозаключеніями своего учителя. Возлѣ этого пламеннаго поклонника Шиллера сидитъ его товарищъ, который въ настоящую минуту находится въ сильномъ волненіи: у него важный вопросъ *in petto*; онъ охотно перебилъ бы рѣчь учителя, еслибъ это допускало приличіе. Но вотъ кончается отдѣлъ; одинъ изъ старшихъ учениковъ стремительно поднимается съ своего мѣста и съ торжествующимъ видомъ гнѣвнаго Ахилла восклицаетъ: „Скажи (то маръ) на оборотъ!“ Этихъ двухъ словъ достаточно, чтобы дать понять всей аудиторіи, что онъ считаетъ вѣрнымъ, какъ разъ противоположное только что выведенному изъ лекціи заключенію, причемъ предоставляетъ быстрому соображенію cadaго изъ своихъ товарищей обнять весь

предметъ въ совершенно противоположномъ смыслѣ. Не будемъ однакожъ останавливать развитія диспута, сверкающаго отрывистыми предложеніями, намеками, полусловами, замѣняющими цѣлые періоды, остроумными сравненіями и опроверженіями; не станемъ также мѣшать восторженному поклоннику Шиллера, который между тѣмъ украдкой читаетъ про себя слѣдующее мѣсто, при мѣнномъ между прочимъ и ко многимъ еврейскимъ обществамъ:

Dahin also war' es
Gekommen? Dahin? Und ein Augenblick
Zertrümerte was wir in Jahren bauten?
Und Sie so ruhig, so gelassen? *)

Познакомился лучше съ нѣкоторыми книгами изъ не очень богатой бібліотеки раввина. Рядомъ съ критическими и рационалистическими комментаріями Ибнъ-Эздры стоятъ нѣсколько мистическіе и аскетическіе комментаріи Альшейха; рядомъ съ иностраннымъ словаремъ римлянина Натана — грустная элегія Іереміа, которая читается 9-го Аба, въ день разрушенія Іерусалима; рядомъ съ синонимикой Урбино, Паппенгейма и Вессели, — разсужденія о философіи религіи Альбельды и рядомъ съ полукабалистической книгой Разіель — полемическія брошюры о гамбургскомъ молитвенникѣ.

*) Ужели впрямъ до этого
Дошло? До этого? И мигъ одинъ
Разрушилъ то, надъ чѣмъ мы годы цѣлые трудились?
А вы—вы такъ спокойны, равнодушны?

Для насъ достаточно было этихъ нѣсколькихъ минутъ, проведенныхъ нами въ учебной комнатѣ раввина для того, чтобы увидѣть вблизи полный противоположностей міръ еврейскаго племени. Юридическая полемика и вообще вся исторія его права носить на себѣ характеръ исключительности, между тѣмъ, какъ иностранныя слова и философія религіи, восходящая до Аристотеля и Ибнъ-Рошда, невольно напоминаютъ объ его универсальности; въ паосѣ его грустныхъ пѣсней и въ восторженномъ почитаніи Шиллера, мы легко узнаемъ его энтузіазмъ; въ этихъ критическихъ и синонимическихъ сочиненіяхъ и въ оживленныхъ словопреніяхъ мы узнаемъ его племенное остроуміе, а во всѣхъ этихъ сферахъ, вмѣстѣ взятыхъ — его стойкость и способность къ дальнѣйшему развитію.

Подобно широкому основанію пирамиды, стойкость составляетъ основу еврейскаго племени. Оно упорно сохраняетъ принципы, однажды имъ принятые, формы, имъ самимъ выработанныя, духовныя вспомогательныя средства, которыми оно пользуется, нравы, въ которыхъ оно ужилося, и міросозерцаніе, которое оно себѣ составило.

Отъ періода Нибелунговъ до Мартина Опица прошло почти столько же времени, какъ и отъ исхода евреевъ изъ Египта до царя Соломона; но какой переворотъ совершился въ этотъ періодъ времени въ нѣмецкомъ языкѣ, и какъ не измѣненъ остался весь строй языка еврейскаго. Кто понимаетъ первые листы Книги Бы-

тія, тотъ безъ малѣйшаго труда пойметъ и послѣдніе листы „Хроники“, — до того мало измѣнился основной характеръ еврейскаго языка! Ново-еврейскіе поэты нашего времени стараются подражать языку псалмовъ, а между тѣмъ ни одному французу не придетъ въ голову воспроизводить формы рѣчи Монтаня, или нѣмцу — воскрешать рѣчь Ульриха фонъ-Гуттена. И древняя еврейская письменность въ цѣломъ мало измѣнилась, и всякій канторъ, знающій только по-еврейски, нынѣ легко прочтетъ свитокъ Торы времени Маймонида! Нынѣшніе потомки испанскихъ евреевъ говорятъ языкомъ тѣхъ испанцевъ, которыми праотцы ихъ были изгнаны въ 1492 году; польскіе евреи еще донинѣ не отказались отъ ідиома своей прежней нѣмецкой родины. Но, при всемъ томъ, ни одинъ безпристрастный человѣкъ не станетъ утверждать, что еврейское племя не способно къ прогрессу. Не говоря объ универсальности его характера, обуславливающей собою способность расширять умственный кругозоръ, — уже одна литература евреевъ показываетъ, что они всегда готовы воспользоваться лучшими умственными произведеніями всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ. Да ужъ одинъ тотъ фактъ, что не смотря на раздробленіе еврейскаго племени, разрушеніе храма и выселеніе евреевъ изъ Палестины, талмудисты продолжали развивать еврейское ученіе, — ясно свидѣтельствуетъ, что оно обладаетъ силою и способностью вступить на путь прогресса и историческаго развитія. Этотъ рѣзкій контрастъ находитъ свое объясненіе въ слѣдующемъ.

Ходъ развитія еврейскаго племени похожъ на процессъ образованія земнаго шара: еврейское племя также имѣетъ свои первичные, вторичные, третичные періоды, и оно также имѣетъ свои слои и пласты, образовавшіеся послѣдовательно одинъ надъ другимъ. То, что оно разъ создало своею собственною силою или вслѣдствіе сообщеннаго ему толчка извнѣ, становится его неотчуждаемою собственностью; новыя приобрѣтенія оны, подѣ влияніемъ быстрого теченія времени, историческихъ переворотовъ и неумолимой силы обстоятельствъ, — присоединяетъ къ существующему и снова покрываетъ ихъ новыми слоями. Вслѣдствіе этого, историческое развитіе языка, литературы, нравовъ и обычаевъ еврейскаго племени имѣютъ совершенно своеобразный характеръ.

Стволы еврейскаго языка образуются изъ простыхъ корней, прибавленіемъ къ нимъ въ началѣ или въ концѣ гласныхъ буквъ, такъ напр. изъ простыхъ корней *pa* и *gas* образуется длинный рядъ стволовъ, прибавленіемъ къ нимъ, такъ сказать, новаго слоя. Усиленіе качества въ именахъ прилагательныхъ и отношеніе дѣйствія въ глаголахъ выражаются удвоеніемъ, присокупленіемъ или сліеніемъ нѣкоторыхъ буквъ. Выразить особыми знаками тонкія отличія дѣйствительности, возможности и условности дѣйствія, еврейское племя, по живой дѣятельности своего ума, считаетъ излишнимъ, такъ какъ наклоненіе глагола само собою понятно изъ отношенія предложеній другъ къ другу; формы: „могъ-бы“, „хотѣлъ-бы“, „былъ-бы“ и т. д.

чужды еврейскому языку. („Не былъ (будь) со мною Богъ моего отца—ты меня отпустилъ (бы) съ пустыми руками“, говоритъ Иаковъ Лавану); между тѣмъ, какъ причину или присвоеніе дѣйствія онъ выражаетъ особымъ прибавленіемъ къ стволу, такъ—сказать, новымъ слоемъ. Равнымъ образомъ, остается въ употребленіи первоначальное вещественное значеніе слова, рядомъ съ новымъ отвлеченнымъ понятіемъ, которое получило слово въослѣдствіи, на что уже обратили вниманіе, хотя съ другой точки зрѣнія, Эрнстъ Ренанъ и Гейзе.

Въ литературѣ еврейское племя имѣетъ свои первичные періоды развитія, съ которыми оно связываетъ свое прогрессивное развитіе. То, что оно испытало, собрало и приобрѣло во время своего скитальчества, философскія теоріи грековъ и арабовъ, результаты латинской схоластики,—все это ложится вокругъ библіи. Это придаетъ большей части позднѣйшей еврейской литературы особенный отпечатокъ, рѣзко отличающій ее отъ другихъ въ исторіи всемірной литературы. Кто-то, напримѣръ, слышалъ о камнѣ Сизифа, который постоянно скатывался съ вершины горы, на которую его подняли съ страшными усиліями,—и тотчасъ же примѣнилъ эту легенду къ библейскому разсказу о пастухахъ, которые откатывали камень съ колодца, чтобы напоить свои стада, и потомъ клали его на прежнее мѣсто, — это занятіе пастуховъ сравнено въ Мидрашѣ съ дѣятельностью еврейскихъ проповѣдниковъ того времени. Пастухъ — проповѣдникъ, камень — дурные по-

мысли (iezer hara). Камень откатывается и открывается колодець Теры, подается освѣжительное питье ученія, но вотъ проповѣдь окончена, — и все остается по старому; такимъ образомъ Мидрашъ по своему объясняетъ преданіе о Сифизовомъ камнѣ, которое именно и рисуеть непрерывную борьбу слабого человѣка противъ дурныхъ помысловъ. Другой опять какъ-то узналъ, что обладатели міра, римляне, боятся воинственныхъ германцевъ, и тотчасъ же примѣнили въ этому обстоятельству текстъ изъ псалмовъ, въ которомъ говорится объ Эдомѣ (т. е. Римѣ, по толкованію Мидраша). „Не внимай изъ тѣла его желѣзнаго гвоздя“ (140, 9), онъ восклицаетъ: „Здѣсь пророкъ говоритъ о храбрыхъ германцахъ, которые, точно желѣзный гвоздь, вцѣпились въ тѣло Рима, и заставляютъ его трепетать передъ собою“. Философскія изслѣдованія еврейскаго племени, начиная отъ Саадія до Моисея Мендельсона, имѣютъ тѣсную связь съ бібліею и съ основными понятіями іудаизма, и, такимъ образомъ, евреи ознакомились съ идеями величайшихъ не-еврейскихъ мыслителей, отъ Платона до Лейбница. Въ новѣйшее время, тѣмъ же процессомъ была введена въ еврейскія сферы Шеллингъ-Гегелевская философія тождества, и одинъ изъ глубочайшихъ и благороднѣйшихъ еврейскихъ мыслителей новыхъ временъ, галичанинъ Брохмаль, никогда не покидавшій своей родины, пытался доказать, что идеи Гегеля уже были извѣстны Аврааму Ибнъ-Эздрѣ; кроме того, онъ самъ въ своихъ сочиненіяхъ позаимствовалъ

нѣкоторыя мысли изъ философіи Гегеля, видоизмѣнивъ ихъ, сообразно съ религиозными воззрѣніями евреевъ, и облекши ихъ въ еврейскія формы. Подобно тому, какъ различныя отложенія земли свидѣтельствуютъ о періодическихъ дѣйствіяхъ могущественныхъ явленій природы, такъ точно и на литературѣ еврейскаго племени можно прослѣдить всѣ фазы развитія всемірной исторіи. Болѣе того, еврейская литература будетъ непонятна, если не изучать ее въ связи съ историческими событіями. Поэтому, должно считать крайнимъ невѣжествомъ со стороны тѣхъ ревнителей іудаизма, которые, воображая, что можно понимать талмудъ, не освѣщая его свѣтомъ его времени по отношенію къ языку и событіямъ, запрещаютъ своимъ ученикамъ изученіе языковъ и ихъ литературы, исторіи и быта древняго міра.

И въ образѣ жизни евреевъ, въ развитіи ихъ нравовъ и обычаевъ, и даже самаго права, мы находимъ болѣе чѣмъ третичныя формы, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы встрѣчаемъ поразительное сходство съ исторіей развитія права и свободы въ Англій. Извѣстно, что для полнаго ознакомленія со всѣми подробностями англійскаго законодательства нужно дожить до глубокой старости лорда Линдгерста или лорда Брума. Точно также и для изученія литературы еврейскаго права требуется не меньшее количество лѣтъ. Въ Англій господствуетъ величайшая свобода печати, а между тѣмъ издателямъ „Times“ и „Advertiser“ часто приходилось бы являться на „Queen's bench“, еслибы примѣ-

ялись всё существующіе тамъ законы. Но обычай, мало по малу разившіяся и вошедшія въ сознаніе англійскаго народа,—сильнѣе мертвой буквы. Уже много столѣтій тому назадъ еврейское племя пришло къ сознанію, что обычай (мингагъ) иногда сильнѣе закона, и хотя многія постановленія не прямо отмѣнены, но они устранены были практикой. Я нарочно указываю на этотъ моментъ, чтобы имъ опровергнуть упрекъ, часто дѣлаемый іудизму: еврей, говорятъ, стонетъ подъ гнетомъ своего закона. Но это все равно, что утверждать, будто въ Англии нельзя написать ни одного свободнаго слова, или что тамъ живутъ какіе-то дикари, потому что на пергаментѣ ея старинныхъ биллей до сихъ норъ еще существуютъ самыя варварскія наказанія. Не только въ глубокой древности, но еще понынѣ еврейское племя, рядомъ съ писаннымъ закономъ, имѣетъ и устный, живой, въ которомъ отражается духъ времени; ибо, съ своею стойкостью, составляющею характеристическій признакъ его существа, оно соединяетъ и способность прогресса, то есть способность прибавлять къ существующему новые матеріалы, чтобы получить отложенія для новыхъ формацій. Поэтому принципъ фарисеизма, признающій стойкое и подвижное, неизмѣнное и прогрессивное, и въ своемъ широкомъ, свободномъ толкованіи Св. Писанія, допускающій непрерывность и послѣдовательность развитія, болѣе соответствуетъ основному характеру еврейскаго племени, чѣмъ принципъ караизма, предоставляющій слишкомъ много простора, какъ стой-

кости, такъ и замкнутости, и ошибочно поступало прежнее руское правительство, предпочитавшее караймовъ раввинистамъ. Послѣдніе гораздо воспримчивѣе первыхъ въ дѣлѣ прогресса и цивилизаціи.

По отношенію къ дѣйствительной жизни, весьма важно не упускать изъ виду этихъ двухъ моментовъ. Для того, чтобы повліять на еврейское племя и подвинуть его впередъ по пути прогресса, нужно всякое нововведеніе связать съ тѣмъ, что уже у него есть и чѣмъ онъ самъ дорожить. Если оставить ему его старинную мелодію при наступленіи дня умилоствленія, то оно мало по малу привыкнетъ и къ новому тексту. Если оно сохранитъ ядро какого нибудь религіознаго обряда, то оно наконецъ привыкнетъ и къ болѣе красивой скорлупѣ его. Но отпрыски еврейскаго племени, вслѣдствіе своей племенной стойкости, въ каждомъ государствѣ, гдѣ они только достигнутъ полнаго удовлетворенія своихъ справедливыхъ желаній, будутъ составлять спасительный консервативный элементъ, и нѣтъ ничего несправедливѣе, какъ утверждать, будто бы еврейское племя, по самой своей природѣ, склонно къ революціямъ.

Обратимся теперь къ субъективности и объективнымъ влеченіямъ еврейскаго племени.

V.

Лассенъ, въ своемъ изслѣдованіи объ индѣйскихъ древностяхъ (т. I, стр. 410 и сл.), опредѣлилъ различіе между

сеMITами и индо-германами тѣмъ, что въ первыхъ преобладаетъ субъективное, а въ послѣднихъ объективное направленіе духа. Но, чтобы быть справедливымъ въ отношеніи къ еврейскому племени не слѣдуетъ принагать къ нему, какъ это часто дѣлаютъ, — особенно экзегеты и филологи, — общій масштабъ семитизма, а нужно признать за нимъ специфическую особенность. Въ подкрѣпленіе этого положенія приведемъ нѣсколько примѣровъ. По изслѣдованію Бодена о вліяніи климата на различныя расы въ Алжирѣ, гдѣ главную составную часть народонаселенія образуетъ еврейское племя, т. е. отрасль семитическаго племени, евреи тамъ, какъ и вездѣ, составляютъ исключеніе, особенную породу, неподлежащую климатическимъ вліяніямъ, такъ что Боденъ приходитъ къ тому заключенію, что еврей вездѣ рождается, живетъ и умираетъ по другому статистическому закону, чѣмъ прочіе люди, среди которыхъ онъ живетъ (*nulle part le Juif ne naît, ne vit, ne meurt comme les autres hommes, au milieu desquels il habite*). Я не думаю также, чтобы арабъ могъ такъ легко акклиматизироваться, какъ еврей, который не только поклоняется міровому Богу, сотворившему небо и землю, но и процвѣтаетъ во всякомъ поясѣ и на всякой почвѣ, и, такимъ образомъ, физиологически протестуетъ противъ національнаго бога. По Ренану (*histoire des langues sémitiques*, т. I, стр. 9 и 11, пер. из.), у семитическихъ племенъ совершенно недостаетъ любопытства (*les peuples sémitiques manquent presque complètement de curio-*

sité) и способности къ смѣху '(de le facultè de rire), — что тоже ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть примѣнно къ евреямъ. Что касается любопытства, то мои соплеменники — умалчивая уже о соплеменницах — пожалуй поспорятъ еще въ этомъ отношеніи съ любимымъ индо-германцемъ, а что касается смѣха, то ему-то и обязанъ своимъ именованіемъ второй патріархъ *). Такъ псалмистъ восклицаетъ: „когда Богъ возвратитъ изгнанниковъ Сіона, уста наши наполнятся смѣхомъ“, что предполагаетъ сильную склонность къ смѣху. По разрушеніи Іерусалима, мрачный и угрюмый Бенъ-Иохай хотѣлъ запретить смѣхъ; но евреевъ и до сихъ поръ упрекаютъ въ томъ, что они зачастую смѣются изъ-подтишка; талмудическое выраженіе хуха у-телула (это смѣшно), въ прежнее время было въ большомъ ходу между евреями. По Лассену (тамъ же ст. 412), семиты отличаются нетерпимостью въ дѣлахъ вѣры, — что опять-таки не можетъ быть примѣнено къ евреямъ. Нетерпимость есть только отрицательная сторона фанатической страсти къ обращенію въ свою вѣру, но ни одно племя не такъ чуждо страсти къ прозелитизму, какъ еврейское — о чемъ мы еще будемъ говорить впоследствии, — оно поэтому не можетъ быть нетерпимо! Если кто нибудь считаетъ свое убѣжденіе единственно-истиннымъ и вѣрнымъ, это то еще не значитъ, чтобы онъ былъ нетерпимъ; онъ дѣлается нетерпимымъ только тогда,

*) Исаакъ, по ерейски Ицхакъ, отъ еврейскаго слова цхокъ — смѣхъ. Известно, что Сара разсмѣялась, когда ей сообщили, что черезъ годъ у нея будетъ сынъ.

когда старается навязать свое убѣжденіе другому различнаго рода сочиненьями, книжицами, принужденіемъ посѣщать миссіонерскія проповѣди, что заставляли дѣлать евреевъ гдѣ-то — не могу припомнить въ настоящую минуту гдѣ именно — кострами или мечемъ пророка.

Выдѣливъ такимъ образомъ еврейское племя изъ сферы семитизма и признавъ его за самостоятельную индивидуальность, мы можемъ уже представить его особенную субъективность, безъ всякой связи съ соплеменными ему семитами.

Еврейское племя преимущественно субъективное. Оно не отдается безотчетно внѣшнему міру, а, напротивъ, налагаетъ на него печать своего энергическаго я, которое внутри его работаетъ съ возрастающею силою. Еврей не погружается самоотверженно въ глубину космоса, не несется по безконечному пространству на крыльяхъ мышленія, а спускается, ко дну моря, чтобы достать жемчугъ, и возносится къ верху, чтобы обозрѣть кругомъ все пространство, лежащее передъ нимъ. Все существующее онъ приводитъ въ соотношеніе къ своему я, господствующему въ немъ почти неограниченно, и, какъ властелинъ *dei gratia*, предоставляющему внѣшнимъ явленіямъ одинъ только совѣщательный голосъ. Внѣшній міръ есть для него колоколь, а его я — языкъ; первый выдаетъ звуки только тогда, когда къ нему болѣе или менѣе сильно прикасается его дѣятельное я. Никто такъ сильно не протестуетъ противъ Локковой теоріи о „чистой до-

скѣ“ (*tabula rasa*) человѣческой души, какъ сосредоточенное, еврейское *я*. Изъ всѣхъ Кантовыхъ категорій ему наиболѣе по вкусу категорія причинности. Вопросы, которые его всего болѣе занимаютъ, суть: зачѣмъ? къ чему?—Сообразно съ этимъ еврейское племя отличается благоразуміемъ, практичностью, живучестью, терпѣливостью, сосредоточенностью и любовью къ личной свободѣ; оно неохотно подчиняется авторитету, подавляющему свободныя движенія его *я*, противится всякому подчиненію, мало уважаетъ подобныхъ себѣ, представляетъ мало разнообразія въ своихъ членахъ, не имѣетъ страсти ни къ завоеваніямъ, ни къ обращенію иновѣрцевъ въ свою вѣру, не отличается особеннымъ организаторскимъ талантомъ и мало склоненъ къ мечтательности.

Предоставляя внѣшнему міру надъ собою власти лишь на столько, на сколько допускаетъ это его энергическое *я*, еврейское племя обладаетъ способностью хладнокровнаго размышленія для вѣрной оцѣнки средствъ и цѣлей, и поэтому оно дѣйствуетъ практически-благоразумно. Субъективное направленіе его существа и энергическая сосредоточенность его *я* дѣлаютъ его живучимъ и стойкимъ. Эти свои способности еврейское племя особенно выказало во время своего разсѣянія, когда оно, вопреки всѣмъ тяготѣвшимъ надъ нимъ безчеловѣчнымъ законамъ, сумѣло найти пути и средства къ охраненію своего существованія, и нерѣдко даже къ достиженію вѣса и вліянія. Менѣе заботясь о подробностяхъ, о де-

таляхъ предмета, чѣмъ о его сущности, корнѣ, центрѣ, фокусѣ, однимъ словомъ, о томъ, въ чемъ его могучее я могло бы проявить свою волю и достигнуть своей конечной цѣли — оно стремится все сосредоточивать, все обнимать, и потому мало склонно къ мелочнымъ организаціямъ, менѣе уважаетъ самую бюрократію, чѣмъ ея проявленія и дѣятельность.

Символомъ этой стороны существа еврейскаго племени могутъ служить сжимающіеся въ кулакѣ пальцы руки — форма обозначаемая въ еврейскомъ языкѣ особымъ словомъ (кафъ). Могучая сила его я возмущается противъ всякой преграды, поставляемой его внутренней дѣятельности. Никогда и въ глаза не выдавъ книги Дж. Ст. Милля „О свободѣ“, оно насквозь проникнуто пятью главами ея, не терпитъ никакого ограниченія своей индивидуальности, признаетъ полновластнымъ одно только свое я, не уступающее безъ сопротивленія ни малѣйшей изъ своихъ прерогативъ. Этотъ рѣзкій индивидуализмъ, о которомъ такъ много могутъ разсказать еврейскія общины, мѣшаетъ членамъ еврейскаго племени быть справедливымъ другъ къ другу, взаимно уважать себя и единодушно дѣйствовать. Солидарность евреевъ, о которой такъ часто заявляютъ противники ихъ и которая употребляется этими противниками какъ оружіе противъ эманципаціи евреевъ, относится къ области еврейской мнѳологіи, въ которой престоль миролюбія по сіе время еще не замѣченъ. Одно я старается вытѣснить другое, оспаривая у него *sum cuique*. У

нѣкоторыхъ членовъ этого племени индивидуализмъ извращается въ ту манифестацію, для которой арамейскій языкъ выработалъ слово „chuzra“ (заносчивость), собственно обозначающее „энергію,“ а въ переносномъ значеніи — то качество ихъ, которое часто проявляется во всѣхъ еврейскихъ общинахъ, гдѣ производный звательный падежъ этого слова „chazif“ (нахаль) равносильнъ призванію къ скромности; наконецъ, этотъ индивидуализмъ мѣшаетъ развитію большого разнообразія въ отдѣльныхъ членахъ этого племени, придаетъ послѣднимъ однообразный и общій характеръ, что въ свою очередь дѣлаетъ ихъ болѣе способными быть представителями одинаковыхъ воззрѣній и отстаивать ихъ.

Если прослѣдимъ далѣе субъективность еврейскаго племени съ точки зрѣнія его характера, то намъ представляются еще нѣкоторыя любопытныя явленія. Подчиняясь болѣе своему повелительному я — еврейскому категорическому велѣнію — чѣмъ внѣшнему міру, оно склонно къ предположеніямъ, къ погруженію себя въ міръ другаго человѣка и предугадыванію его мыслей. Объ этомъ всего лучше могутъ свидѣтельствовать слова, сказанныя Моисею однимъ изъ его соплеменниковъ въ Египтѣ: „Не думаешь-ли ты меня убить, какъ убилъ ты египтянина?“ — предположеніе, которымъ увлекается оживленная субъективность. Но, коль скоро его я выдѣляется изъ отношенія къ внѣшнимъ предметамъ и перестаетъ быть связующимъ членомъ между явленіями, еврейское племя отнюдь не вторгается въ внутренній

міръ другого, не навязываетъ чужимъ мыслямъ своего руководства, своего направленія и потому оно не очень склонно къ прозелитизму и мало годится въ миссіонеры. Чтобы получить большаго распространенія, его біблія и большая часть его религіозныхъ истинъ должны были прежде сдѣлаться достояніемъ индо-германскихъ племенъ.

Прежде чѣмъ перейду къ обзорѣнїю языка и литературы еврейскаго племени съ точки зрѣнїя его субъективности, да позволено мнѣ будетъ выставить здѣсь апріорное положеніе, на которое я обращаю преимущественно вниманіе читателей-медиковъ. Я именно полагаю, что еврейское племя менѣе расположено къ умопомѣшательству, чѣмъ другія племена, напримѣръ, германскія или романскія. Такое племя, какъ еврейское, въ которомъ преобладаетъ стремленіе къ цѣлесообразному, къ сущности предмета, къ тому, что имѣетъ извѣстное отношеніе къ нему самому, которое неспособно ринуться слѣпо съ отрицаніемъ своего собственнаго я въ міръ явленій, потому что оно относится къ внѣшнему міру не съ особенной довѣрчивостью, племя, которое имѣетъ мало склонности къ мечтательности и въ которомъ восторженность регулируется разумомъ — такое племя не можетъ такъ легко подпасть умопомѣшательству, какъ племя, преимущественно объективное. По наблюденіямъ Эсквириоля, причиною душевныхъ болѣзней бывають часто несоотвѣтственное употребленіе спиртныхъ напитковъ, несчастная любовь, доведенная до крайности набожность и т. п. По статистическимъ замѣткамъ

Департа о заведеніяхъ Бисетра и Сальпетріера, основаннымъ на девятилѣтнихъ наблюденіяхъ, отношеніе между ремесленниками и людьми, занимающимися свободными промыслами равняется $\frac{2}{3} : \frac{1}{3}$; по Фуксу низшіе классы, въ которыхъ менѣе развиты умственные способности, доставляютъ самое большое число умалишенныхъ; по мнѣнію этого же наблюдателя, въроисповѣданіе имѣетъ также вліяніе на статистику сумасшедшихъ домовъ (сравни объ этомъ предметѣ Кетле: Человѣкъ и развитіе его способностей, русское изданіе О. И. Бакста); все это такія данныя, которыя говорятъ въ пользу евреевъ въ этомъ отношеніи. Но уже особенная организація еврейскаго племени, разсматриваемая съ этнографической точки зрѣнія, въ особенности его субъективность, которая не легко поддается обманчивому вліянію внѣшнихъ явленій, заставляетъ предполагать, что между евреями не такъ часты случаи умопомѣшательства, если причиною его не бываютъ другіе тѣлесные недуги. Не мѣшаетъ замѣтить также, что малѣйшее отступленіе отъ принятаго обычая въ устахъ народа прежде обозначалось словомъ: „сумасшествіе“ (шигаонъ).

VI.

Энергическое, сосредоточенное, своеобразное, выдѣляющееся и сильное я, (которое побудило талмудистовъ сравнить еврейское племя съ орломъ между птицами и

львомъ между звѣрями, и назвать его народомъ аристократическимъ, вполне сознающимъ свое собственное достоинство и знающимъ себя цѣну) или, другими словами, субъективность еврейскаго племени, должна особенно отражаться, и дѣйствительно отражается, въ языкѣ, который составляетъ одну изъ самыхъ субъективныхъ областей дѣятельности человѣка. Намъ пришлось бы слишкомъ далеко углубиться въ лингвистическія изслѣдованія, еслибы мы пожелали исчерпать этотъ предметъ; поэтому я ограничусь нѣкоторыми общими точками.

Еврейскій языкъ имѣетъ много сильныхъ гортанныхъ звуковъ, что, по мнѣнію Гейзе (см. его: Система языкознанія, стр. 118), свидѣтельствуетъ о внутреннемъ движеніи субъективности, о стремленіи выставить, выдѣлить свою субъективность, свое я; между тѣмъ, какъ звуки язычные и зубные выражаютъ указаніе, стремленіе доказать и представить внѣшнее отношеніе къ міру объектовъ. Польскіе евреи и теперь еще произносятъ слово „Ich“, какъ швейцарцы, съ сильнымъ гортаннымъ звукомъ. Между гласными гортанное *a* чаще другихъ встрѣчается въ еврейскомъ языкѣ.

Для личнаго мѣстоимѣнія „я“ еврейскій языкъ имѣетъ двѣ формы, для „мы“ — три. Слово „самъ“, (*ipse, autan, mēte*) по еврейски, передается словами: „лицо“, „душа“ (нефешъ) или „кость“, „скелетъ“ (эцемъ); слова: „рѣчь“, „слово“ могутъ быть выражены на еврейскомъ языкѣ въ двадцати различныхъ формахъ, „думать“ — въ двѣнадцати, „говорить“ и „думать“ въ одной и той

же формъ; „сила“, „могущество“, „вѣрность“, „твердость“, „энергія“ — въ 36; „личное достоинство и почетное мѣсто“ въ 56 — обстоятельство, нѣсколько поясняющее частыя агитаціи въ благочестивыхъ еврейскихъ общинахъ; „скрывать“, дѣйствіе, психологически связанное съ упорствомъ, можетъ быть выражено нагляднымъ образомъ въ двѣнадцати формахъ. Для „видѣть“ — дѣйствіе, заключающее въ себѣ гораздо больше субъективности чѣмъ „мыслить“ — еврейскій языкъ имѣетъ 18 выраженій, а для „слышать“ — только четыре. Для характеристики еврейскаго остроумія надобно замѣтить, что еврейскій языкъ для глагола „искать“, „ислѣдовать“ имѣетъ одиннадцать выраженій, а для глаголовъ „раздѣлять“, „различать“ тридцать четыре; для „связать“, „сосчитать“ пятнадцать, для „спѣшить“ восемь. О еврейскомъ энтузіазмѣ и паеосѣ свидѣтельствуетъ то, что для слова „гнѣвъ“ этотъ языкъ имѣетъ пятнадцать выраженій, для глагола „кричать“ двадцать пять, „разбить“ — тридцать, а для „двигать“ одиннадцать. Слова „умный“ и „мудрый“ обозначаются однимъ и тѣмъ же словомъ, потому что цѣлесообразное, то, что имѣетъ отношеніе къ субъекту, преобладаетъ въ немъ. Сильною субъективностью, энергическимъ участіемъ, которое принимаетъ во всемъ его я, можно также объяснить себѣ, почему еврей опускаетъ связку между подлежащимъ и сказуемымъ, почему его языкъ бѣденъ союзами (простой звукъ *ve* или *u* имѣетъ множество значеній), и почему въ его грамматикѣ играютъ такую

важную роль буквы *б*, *х*, *л* и *м*. Кто хочет понимать еврейскій языкъ, тотъ долженъ расшевелить свою субъективность, мыслить, быть внимательнымъ и привыкнуть постигать своимъ собственнымъ умомъ всякіе тонкіе оттѣнки мыслей и предложеній. Поэтому, изученіе еврейскаго языка представляется отличнымъ вспомогательнымъ педагогическимъ средствомъ, чтобы возбудить способность къ мысленію, усилить и укрѣпить дѣятельность ума и придать свѣжесть и бодрость духу.

Субъективность еврея находитъ себѣ отголосокъ въ его литературѣ. Онъ не любитъ погружаться во внѣшній міръ явленій, не предается имъ безо всякой цѣли, а наоборотъ, все относитъ къ себѣ и подчиняетъ своему выдающемуся *я*; онъ по природѣ не особенно склоненъ къ разрѣшенію философскихъ проблемъ и неохотно пускается въ метафизическія изслѣдованія и розысканія. Евреи — народъ не философскій, и они только тогда начали участвовать въ всемірной философской литературѣ, когда пришли въ соприкосновеніе съ греками. „Кто стремится познать слѣдующіе четыре предмета, именно: что выше неба и ниже земли, что было до свѣта и что будетъ послѣ него — тому лучше было бы не родиться“ — это изрѣченіе Мишны, или слова Эклезіаста: „Чѣмъ больше мудрствованія, тѣмъ больше горя и чѣмъ больше разсужденій, тѣмъ больше досады“, или велѣніе Сираха: „Не думай о предметахъ, непонятныхъ для тебя и не ищи того, что сокрыто отъ тебя; обрати свой умъ на то, что тебѣ дано, ибо не слѣдуетъ тебѣ

размышлять о сокровенномъ.... Многихъ уже свело съ пути ихъ сильное воображеніе, ихъ дерзкія мечтанія свели ихъ съ ума“, (срав. участь спекулятивнаго Бенъ-Зомы, Талмудъ Хачига 14, 6) — всѣ эти изрѣченія суть продуктъ внутренней жизни еврейскаго племени. Его лучшіе философы никогда не пошли дальше аллегорій и символики — двѣ формы, которыя избѣгаютъ чистаго мышленія, области абстракціи, и на горизонтѣ спекуляціи они охотнѣе ищутъ облачныхъ видѣній, занимающихъ воображеніе, чѣмъ ясной лазури и яркаго свѣта. Еврей, вслѣдствіе своей субъективности, довольствующійся удовлетвореніемъ своего я и достиженіемъ цѣли, по натурѣ своей, не склоненъ также и къ систематичности и къ критицизму. Систематика требуетъ полной преданности объектамъ, ихъ взаимнымъ отношеніямъ между собою, анализу всѣхъ мельчайшихъ ихъ подробностей; критика должна быть проникнута интересомъ къ объективной истинѣ; она должна стремиться представить предметъ такъ, какъ онъ есть, безъ отношенія къ другимъ предметамъ и не обращая вниманія на удобства самодовольнаго я. Но субъективность не имѣетъ ни той, ни другой способности; и еврей систематическому возсоединенію и критическому расчлененію должны были научиться у индо-германовъ. С. Д. Луцацато, который замѣтилъ этотъ недостатокъ систематичности въ своихъ единовѣрцахъ и отыскалъ его уже въ составленіи библіи и талмуда (Керемъ-Хемедъ, III, 183), хотѣлъ указать на него, какъ на достоинство, какъ на доказа-

тельство духовной многосторонности и умственного разнообразия. Поэтому Л. Цунцъ *), этотъ послѣ Спинозы наиболѣе систематическій, критическій и организаторскій еврейскій умъ, представляетъ собою самое замѣчательное явленіе. — Субъективность находить больше интереса въ томъ, что уже создано исторіей, чѣмъ въ томъ, что она создаетъ въ данную минуту. Поэтому только въ новѣйшее время, вслѣдствіе столкновенія съ другими національностями, евреи усвоили себѣ историко-генетическій методъ, который раздѣлилъ ихъ на два враждебные лагера. Такъ называемые ортодоксы признаютъ только существующее, готовое, созданное уже исторіей; наоборотъ приверженцы реформы признаютъ также необходимость историческаго движенія и постепеннаго усовершенствованія въ образованіи религиозныхъ учрежденій. Стремящеся къ опредѣленной цѣли, сосредоточенное въ самой себѣ, еврейское я также очень мало склонно къ экстазу, къ мечтательности, къ мистицизму. Съ этнографической точки зрѣнія, вовсе не дѣлая никакихъ справокъ въ критической исторіи литературы, можно навѣрное сказать, что мечтательность Эссеевъ, увлеченіе „Гехалотъ“ и мистицизмъ Каббалы выросли на чужой, не еврейской почвѣ.

Другое литературное явленіе, которое имѣетъ своею причиною субъективность, состоитъ въ томъ, что съ одной стороны еврей, при изученіи языка и литературы другихъ народовъ, тотчасъ же имѣетъ найти то, что сходно

*) Современный еврейскій ученый.

съ его собственными мыслями, вѣрованіями и убѣжденіями, съ другой же часто случается, что онъ впадаетъ въ общее многими изъ его соплеменниковъ ошибочное предположеніе, что все то, что ему кажется знакомымъ, заимствовано изъ еврейской литературы, хотя тоже самое у другихъ народовъ и въ другихъ литературахъ имѣло совершенно особенный процессъ мышленія и историческаго развитія. Часто вы услышите восклицанія: „Да это уже сказано въ талмудѣ — это уже сказалъ Мойсидь“ — хотя талмудъ не знакомъ вовсе съ новыми изслѣдованіями въ области естественныхъ наукъ, а Маймонидъ — съ новыми медицинскими школами.

Знали ли евреи въ древніе времена эпическую и драматическую формы поэзій — этотъ вопросъ — *adhuc sub iudice lis est* — еще не разрѣшенъ окончательно исторіей литературы. Какъ бы то однакожь ни было, надобно замѣтить, что субъективность не представляетъ необходимой нравственной подкладки для безкорыстной преданности обработкѣ эпическихъ и драматическихъ матеріаловъ; она скорѣе склонна къ лирическимъ изліяніямъ, въ которыхъ главную роль играетъ творящее я или къ притчамъ, которыя принадлежать болѣе къ практической сферѣ и которыми еврейская литература дѣйствительно изобилуетъ. И до нынѣ, евреи предпочитаютъ краткое, но мѣткое „словцо“ органической, округленной рѣчи.

Наконецъ, какъ слѣдствіе субъективности, какъ продуктъ энергическаго я, слѣдуетъ привести еще одну ха-

рактистическую черту евреевъ: многіе изъ нихъ въ преніяхъ, дебатахъ, диспутахъ и полемикѣ обнаруживаютъ сильную склонность къ „личностямъ“; это происходитъ отъ того, что они все понимаютъ индивидуально и все относятъ къ своей личности.

Не смотря однакожъ на ярко выдающуюся субъективность, у еврейскаго племени нѣтъ также недостатка и въ способности къ объективному самопожертвованію, въ которой его я удаляется на второй планъ и съ полнымъ samozабвеніемъ предается внѣшнему міру. Доказательствомъ тому служитъ милосердіе и благотворительность евреевъ, исконная привязанность ихъ къ семейной жизни и, не менѣе исконная, страсть ихъ къ подражанію и забота о добромъ мнѣніи о нихъ другихъ народовъ. Последніа два качества совершенно незнакомы арабамъ, и это можетъ послужить новымъ доказательствомъ тому, что еврейское племя несовершенно тождественно съ другими семитическими народами. Въ этомъ отношеніи не мѣшаетъ также замѣтить, что Измаиль, праотецъ арабовъ, происходитъ отъ еврея и египтянки, между тѣмъ, какъ происхожденіе еврейскаго племени приписывается еврейскому отцу и арамейской матери.

Еврейское милосердіе проявляется уже въ пророческихъ рѣчахъ, въ которыхъ, послѣ громоносныхъ предвѣщаній будущихъ несчастій, слѣдуютъ слова утѣшенія и милосердіа. Особенно характеристиченъ въ этомъ отношеніи пророкъ Іеремія. Мы какъ будто видимъ, какъ глаза его наполняются слезами, когда его уста гово-

рять объ ужасахъ, мы слышимъ каждое біеніе его сердца, когда рука его невольнo поднимается для угрозъ. Часто онъ прерываетъ самаго себя и встрѣчаетъ читателя словами глубокаго милосердія. То онъ восклицаетъ: „О, зачѣмъ голова моя не рѣка, а глаза не источникъ — день и ночь плакалъ бы я надъ трупами моего народа“, то онъ предается отчаянію и говоритъ: „Тщетный трудъ! Не пересилить мнѣ моей печали, сердце мое разрывается во мнѣ отъ плача!“ То онъ внезапно прерываетъ свою рѣчь вставкой: „Горе мнѣ, о мать моя, на что ты меня родила!“ Уже осмѣянные равнины опредѣлили различіе между еврейскими пророками и проповѣдниками другихъ народовъ: первые, сказали они, относятся съ милосердіемъ и любовью ко всѣмъ народамъ — все равно, еврейскому и нееврейскимъ, участь которыхъ они предвѣщаютъ (Танхума, глава Балакъ). Даже къ животнымъ евреи относятся съ милосердіемъ и талмудъ считаетъ жестокое обращеніе съ животнымъ библейскимъ запретомъ. Предписанію — не истреблять деревьевъ во время осады непріятельскаго города — талмудъ даетъ самое широкое примѣненіе и запрещаетъ вообще уничтожать безъ пользы какіе бы то ни было предметы. Еврейская благотворительность — безъ различія вѣроисповѣданія — „инородныхъ бѣдняковъ слѣдуетъ точно также призрѣвать, какъ и еврейскихъ“, предписываетъ Тосефта — до того уже всѣмъ извѣстна, что французскій проповѣдникъ Соренъ выставялъ ее своимъ христіанскимъ слушателямъ, какъ примѣръ достойный подражанія.

Склонность къ семейной жизни и любовь къ своему семейству прирождены еврейскому племени. Его первая исторія — это семейная хроника; его патриархи для него — отцы семейства; Богъ для него — „отецъ“, „женихъ“, „мужъ“; онъ самъ — „дѣтя“, „невѣста“, „супруга“; Иерусалимъ — „дочь“, „дѣва“. Только при посредствѣ еврейскаго племени — которое не знаетъ жизни внѣ семейства — индо-германскіе народы научились смотрѣть на Бога, какъ на отца, а на людей, какъ на дѣтей Его. Странно поэтому желаніе обратиться евреевъ къ этому воззрѣнію, которое составляетъ ихъ древнее достояніе.

Страсть евреевъ къ подражанію всегда возбуждала громкія жалобы. Во времена Іереміи, еврейское племя говорило: „О, я люблю чужестранцевъ и за ними послѣдую“, а въ наше время въ еврейскихъ домахъ, въ ночь на Рождество, можно найти самыя красивыя елки. Уже псалмопѣвецъ выказалъ заботу о мнѣніи другихъ народовъ: „Къ чему дать поводъ народамъ говорить: „гдѣ же ихъ Богъ“, восклицаетъ онъ. Въ 1415 году, испанецъ Соломонъ Алами указывалъ евреямъ на торжественное спокойствіе, господствующее въ церквахъ; въ толкованіяхъ Галахи забота о томъ, „что скажутъ другіе народы“ (хилуль-га-шемъ), играетъ весьма важную роль и еврей въ обхожденіи съ неевреемъ всегда вѣжливѣе, любезнѣе и гораздо обходительнѣе, чѣмъ съ своими единовѣрцами. Еще во времена Моисея, евреевъ побуждали къ хорошимъ поступкамъ воззваніемъ: „И скажутъ наро-

ды: „Какое благоразумное и мудрое племя—эта великая нація!“ Что дѣйствовало на евреевъ въ пустынь, остается не безъ вліянія и въ наши времена. Вообще еврей чрезвычайно чувствителенъ къ похваламъ, признанію, отличіямъ и славѣ, для обозначенія которыхъ у него громадное множество словъ; что для француза *gloire*, то для еврея его „кабодъ“ — почетное признание его заслугъ.

Обозрѣвая разсмотрѣнныя нами противорѣчія въ характерѣ еврейскаго племени, мы легко убѣдимся, что всѣ они имѣютъ одну общую связь, тѣсно соединены между собою и переходятъ одно въ другое. Съ одной стороны исключительность, быстрота ума, стойкость и субъективность, съ другой—универсальность, энтузіазмъ, способность къ развитію и объективная преданность представляются только формами одной и той же субстанции, истоками одного и того же родника, варіаціями одной и той же первоначальной основы, дѣйствіями одной и той же силы.

Изъ вышесказаннаго я вывожу слѣдующія общія положенія.

I. Еврейское племя представляетъ собою особенную породу, какъ въ отношеніи своей способности къ акклиматизаціи, случаевъ смертности и рожденій, сохраненія и смягченія первоначальнаго типа, такъ и въ отношеніи его духовной организаціи, основанной на указанныхъ нами противоположностяхъ. Темныя и свѣтлыя стороны его характера, которыя при столкновеніи съ другими народностями то усиливаются, то уменьшаются,

и много споспѣшествуютъ разнообразію жизни народовъ—это достояніе данное ему отъ Бога, а потому оно вправѣ требовать уваженія къ нимъ.

II. Въ силу своихъ особенностей, оно способно быть носителемъ того религіознаго принципа, который ему препорученъ въ исторіи человѣчества. Оно достаточно партикулярно, достаточно стойко и субъективно для того, чтобы не быть поглощеннымъ другими народами; но оно на столько же универсально, одарено воодушевленіемъ, на столько способно къ развитію и на столько же объективно, чтобы не остаться на всегда въ нѣмой и строгой замкнутости. Оно повсюду можетъ жить и процвѣтать и повсюду можетъ служить своему призванію. Оно можетъ сообщать и заимствовать, и потому способно быть посредникомъ между востокомъ и западомъ. Въ этомъ смыслѣ, еврейское племя можетъ по-истинѣ называться избраннымъ. Только оно одно могло видѣть въ „Богѣ Израиля“ Бога всего человѣчества, всей вселенной.

III. Въ процессъ броженія новаго времени, замѣнившаго собой эпоху среднихъ вѣковъ, нѣкоторыя свойства, присущія еврейскому племени, ищутъ всеобщаго признака и распространенія. Метафизическія тонкости философіи и религіозныя мистеріи потеряли большую часть своей привлекательности. Опыты, имѣвшіе цѣлью уравниеніе различныхъ племенъ и созданіе абстрактнаго человѣка, въ видѣ общей схемы для государства и церкви — не

привели ни къ чему; индивидуализмъ сильно борется противъ централизаціи, противъ сословныхъ отличій, привиллегій, раздѣленія на цехи и ограниченія личной свободы: посредствомъ участія въ выборахъ народныхъ представителей, онъ протестуетъ противъ исключительнаго права создавать законы и правовыя нормы для единичныхъ личностей, провозглашаетъ господство большинства, а не безграничнаго авторитета. Вошедшіе въ употребленіе литературныя опыты (essay) индивидуализируютъ цѣлыя направленія и культурныя эпохи. Въ беллетристической литературѣ евреи приняли манеру Сю и Гуцкова, рисующіе отдѣльныя, самостоятельныя картины. Даже военное искусство дѣйствуетъ теперь не посредствомъ массъ, но рассчитываетъ больше на самостоятельность личности и тоже стало индивидуальнымъ. Поэтому, нѣтъ сомнѣнія, что новѣйшая эпоха отнесется съ большей справедливостью къ племени, особенноти котораго споспѣшествуютъ цѣли, къ которой она стремится.

IV. Въ сочиненіяхъ, относящихся къ исторіи развитія еврейскаго племени, въ біографическихъ описаніяхъ выдающихся еврейскихъ личностей, въ комментаріяхъ къ еврейской письменности, до сихъ поръ очень мало обращали вниманія на этнографическіе моменты. Поэтому, однимъ свойствамъ придавалось слишкомъ много значенія, другія были ложно поняты, а третьи представлялись не въ надлежащемъ свѣтѣ. Для этнографическихъ очер-

ковъ представляютъ богатый матеріалъ: Филонъ въ александрійской, Маймонидъ въ испанско-арабской и Мендельсонъ въ новѣйшей эпохѣ исторіи евреевъ.

V. На сценѣ, за исключеніемъ Лессингова Натана, не появился еще ни одинъ еврей, характеръ котораго представлялъ бы собою всю совокупность еврейскихъ племенныхъ особенностей. Великому англійскому знатоку человѣческаго сердца сущность еврейскаго характера была незнакома.

VI. Воспитатель еврейскаго юношества долженъ, для блага послѣдняго и для блага другихъ народовъ, включить въ свое педагогическое руководство главу о еврейскихъ особенностяхъ. Это доставитъ ему возможность однимъ качествамъ дать большее развитіе, другія же ослаблять и такимъ образомъ привести ихъ въ равновѣсіе. Изученіе еврейскаго языка само по себѣ можетъ уже считаться хорошимъ педагогическимъ средствомъ; а какойнибудь индо-германскій языкъ можетъ служить средствомъ реагирующимъ.

VII. Величайшая услуга, которая можетъ быть оказана еврейскому племени, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и всему человѣчеству, состоитъ въ томъ, чтобы вырвать его изъ его исключительности, устранить всѣ препятствія, мѣшающія ему участвовать въ общемъ процессѣ развитія и просвѣщенія всего человѣчества, уравнять его въ правахъ со всѣми другими народностями, и дать ему возможность занимать равное посреди нихъ мѣсто. Его недостатки тогда уменьшатся, его достоинства увеличатся—и жизнь народовъ обогатится.

*

VIII. Въ еврейхъ нѣтъ ничего національнаго, они имѣютъ только племенные особенности. Въ силу своей универсальности, они воспринимаютъ и усваиваютъ многое отъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ они родились и воспитывались. Поэтому, они имѣютъ полное право утверждать, что во Франціи они принадлежатъ къ французской націи, въ Германіи — къ германской и т. д.

VII.

При помощи индуктивнаго метода, мы въ предыдущихъ изслѣдованіяхъ достигли реальнаго познанія еврейскаго племени. Факты и опыты, доставляемые намъ его языкомъ, религіей, письменностію, исторіей, характеромъ и нравами, разобраны нами, рассмотрѣны и сравнены, и на основаніи этихъ данныхъ, а не по произвольнымъ предположеніямъ, мы старались представить тѣ простые элементы, которые присущи этому разсѣянному по лицу земли племени и проявляются въ разнообразныхъ сферахъ жизни. Я не думаю, чтобы меня могли обвинять въ томъ, что я польстилъ своимъ единоплеменникамъ, или умышленно старался выставить ихъ въ лучшемъ свѣтѣ. Серьезное и честное изслѣдованіе, ищущее одной только истины, не знаетъ лести, презираетъ дипломатическіе извороты, не дѣлаетъ никакихъ уступокъ и не торгуется собою. Да я ничѣмъ и не могъ бы лучше доказать свою любовь къ нимъ —

которой я, разумеется, нисколько и не скрываю—как обративъ ихъ вниманіе, посредствомъ серьезнаго самоизученія на то, что имъ необходимо сгладить извѣстныя угловатости, сшлифовать неровности, ослабить крайности; что имъ необходимо позаботиться и о формѣ, объ эстетическомъ элементѣ, о развитіи вкуса, и постараться о большей округленности и порядкѣ; что они обязаны благодарностью народамъ, отъ соприкосновенія съ которыми ихъ образованіе расширилось и чрезъ которыхъ ихъ священныя книги получили большее распространеніе, и что они, наконецъ, вездѣ должны выступить изъ своего изолированнаго положенія для ихъ же собственнаго усовершенствованія и для обогащенія жизни другихъ народовъ. Но, если съ одной стороны правда, что евреи много выиграли отъ столкновенія съ другими народами, что они стали вслѣдствіе этого систематичнѣе, спокойнѣе, объективнѣе и многостороннѣе, то съ другой стороны нельзя также отрицать, что присущее еврейскому племени отвращеніе къ педантизму—въ который такъ часто извращается систематичность и который убиваетъ жизнь—и къ германской метафизикѣ, его пронизательный и критическій умъ, энергичная субъективность и строгая сосредоточенность, его индивидуальность, которая находитъ себѣ удовлетвореніе только въ свободѣ личности; свободѣ слова, печати и ремесла, его универсальность, которая дѣлаетъ его способнымъ быть посредникомъ между странами и націями—нельзя, говоримъ мы, отвергать, что всѣ эти его качества принесли много

пользы и другимъ народамъ. И кто взялся бы вообще высчитать на купеческихъ счетахъ, сколько семиты и индо-германы должны другъ другу?

Но точно также какъ законы природы, открытые при помощи наблюденія и изслѣдованія ея явленій, дѣлаются рычагомъ практической жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объясняютъ традиціонныя понятія о явленіяхъ и восстанавливаютъ ихъ настоящій смыслъ — такъ и открытыя нами качества, особенности, способности и природныя наклонности еврейскаго племени должны поставить насъ въ возможность разрѣшить задачи настоящаго времени и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объяснить смыслъ историческихъ и литературныхъ явленій въ его прошедшемъ. Попробуемъ же сдѣлать это.

Прежде всего обратимся къ журналистикѣ.

Евреевъ упрекаютъ въ томъ, что они завладѣли журналистикой, и кто жилъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ, тому не разъ приходилось слышать и читать о „жидовской печати“ (Judenpresse), „жидовскихъ періодическихъ изданіяхъ“, которымъ недостаетъ любви къ средневѣковому феодализму, къ раздѣленію людей на касты и цехи. Талмудъ (Сукка, 51) рассказываетъ, что въ большой синагогѣ въ Александріи ювелиры, кузнецы, ткачи и др. сидѣли отдѣльными рядами не для того, чтобы представлять отдѣльные цехи, но для того, чтобы бѣдный ремесленникъ могъ легче узнать къ кому въ случаѣ нужды обратиться за помощью. Мы не станемъ распространяться здѣсь объ элементѣ свободы, выражающемся

въ томъ, что каждому должно быть предоставлено право свободно выбрать себѣ занятіе; вмѣсто этого, постарайся разрѣшить вопросъ: способенъ ли еврей по природѣ своей быть публицистомъ? И если онъ способенъ, то не приноситъ ли онъ народамъ громадную пользу тѣмъ, что употребляетъ въ дѣло свои способности надлежащимъ образомъ? Съ этой цѣлью мы должны рассмотретьъ какія качества требуются для публициста вообще, чѣмъ онъ долженъ и чѣмъ онъ не долженъ быть.

Публицистъ, который долженъ изображать событія дня, обсуждать вопросы времени, представлять въ надлежащемъ свѣтѣ отношенія различныхъ государствъ и народовъ между собою, рисовать яркими красками умственное движеніе въ государствѣ, церкви, литературѣ, наукѣ и искусствахъ; который долженъ разрѣшать экономическіе вопросы по мѣрѣ ихъ возникновенія; который имѣетъ дѣло съ кругомъ читателей, за которыхъ ему приходится думать и думать быстро, писать и писать отчетливо, обозрѣвать все и обозрѣвать именно съ одной извѣстной точки зрѣнія, дѣлать комбинаціи со всевозможной быстротой, такъ сказать на мѣстѣ происшествія; который почти ежедневно поставляется въ необходимость защищать одно, порицать другое, то дѣйствовать орудіемъ остроумія, то стараться возбуждать воодушевленіе и энтузіазмъ; который, какъ патріотъ, долженъ имѣть всегда въ виду интересы своего отечества, а какъ политикъ — соображать и взвѣшивать факторовъ возникающихъ событій — публицистъ дол-

жонъ быть подвижныиъ, живнииъ, бойкииъ, долженъ обладать способностью воодушевляться, разлагать, сообразать и воссоединять, долженъ умѣть вникать, что говорится, *in medias res*, схватывать на лету ядро текущаго вопроса, сущность преній, изображать предметъ свой ясными, отчетливыми красками; онъ долженъ быть эпиграмматически краткииъ, быстро дѣлать заключенія и выводы, выяснять свою мысль въ краткихъ, но сильныхъ предложеніяхъ, придавать ей жизнь и некоторымъ паэссонъ, цвѣтъ—меткостью, прелесть—остротою; онъ не долженъ быть педантомъ, который не вступаетъ въ бой иначе какъ вычистивъ предварительно до бѣла все пуговицы на своемъ мундирѣ; не долженъ путаться въ неважныхъ деталяхъ; не долженъ говорить длинными, захватывающими дыханіе періодами, не долженъ начинать издалека, какъ старый нѣмецкій профессоръ. Его патриотическое я должно отличаться энергіею; онъ долженъ умѣть отождествлять его съ дѣломъ родины, но въ тоже время онъ долженъ обладать настолько универсальнымъ духомъ, долженъ быть настолько восприимчивымъ къ справедливымъ требованіямъ и реальнымъ нуждамъ другихъ народовъ, чтобы быть вполне свободнымъ отъ предубѣжденій къ извѣстнымъ національностямъ, чтобы избѣгать, напримѣръ, всякаго французства или германофобства. Если таковы качества публициста, то надобно сознаться, что еврейское племя особенно одарено ими! Поэтому общество можетъ только выиграть оттого, что еврейскія перья работаютъ для пе-

рідической печати, что евреи, которые уже по своему универсальному духу, воспитанному и укрѣпленному въ эпоху ихъ разсвѣянiя, чужды всякой національной ненависти, могутъ безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей обсуждать отношенiя различныхъ народовъ между собою и ратовать въ пользу свободы совѣсти, свободы слова и свободного развитiя всѣхъ человѣческихъ способностей. Конечно, было бы желательно, чтобы склонность къ личнымъ нападкамъ въ полемикѣ и излишняя субъективность въ выставленiи своего я не много поослабли; но недостатки человѣка, и даже недостатки цѣлаго племени, не болѣе какъ изнанка его достоинствъ. Когда солдатъ исполняетъ свой долгъ на войнѣ, его не спрашиваютъ, какъ онъ наносилъ удары непрiателю.

Обратимся теперь къ солдату и къ войнѣ.

Былъ ли это простой случай, что Александръ Великій взялъ съ собою еврейскихъ воиновъ для осуществленiя своей мечты о всемирной монархiи? Простой ли это случай, что Онiй и Досиѳей были побѣдоносными полководцами египетскаго царя Птолемея Фалометра? Случай ли это, что Юлій Цезарь превозноситъ храбрость еврейскаго вспомогательнаго войска и военный талантъ Гиркана? Или опять таки только случайно Римъ, во времена Тита и Адриана, трепеталъ передъ Иудеями? Случай ли то, что Махоммедъ обращается съ особенной молитвой къ Богу, когда собирается на войну съ евреями Хайбара? Случай ли то, что Самуиль Альваленси (см. Номологию Абоаба) воспѣвается какъ славный воинъ?

Случай ли это, что еврей отличаются въ войнахъ за свободу Германіи, при осадѣ Антверпена, между французскими соратниками? Случай ли это, что въ послѣдней американской войнѣ участвовало такое множество евреевъ? Конечно — нѣтъ! Еврей скорѣе рожденъ быть воинномъ, чѣмъ разнощикомъ. „Со времени царствованія Давида до эпохи Маккавеевъ“, говоритъ знаменитый комментаторъ Полибія, Фоляръ, (сравни Сальвадора „Histoire de la domination romaine en Judée“, ч. I, стр. 68 и слѣд.) „еврей должны были выдержать много войнъ. У солдатъ много храбрости, и едва ли найдутся полководцы, которые могли бы сравниться съ этими героями. Ясны и отчетливы рассказы объ ихъ военныхъ дѣйствіяхъ, о методѣ ихъ боеваго строя и способахъ сраженія. Походы, битвы, отступленія, переходы черезъ рѣки, наступленія, укрѣпленіе лагеря, сраженія въ горныхъ мѣстностяхъ, военныя хитрости при нападеніи и при защитѣ, осады, приступы—словомъ, все, что военное искусство имѣетъ возвышеннаго и великаго, можно здѣсь найти въ соединеніи. Пусть противъ Маккавеевъ стоятъ испытанныя въ битвахъ многочисленныя войска, пусть ихъ собственныя силы гораздо меньше непріятельскихъ—ничто не удерживаетъ ихъ, ничто не разстраиваетъ и не въ состояніи поколебать ихъ. Подвиги этихъ великихъ людей многочисленны, и всѣ они вызываютъ удивленіе и въ высшей степени поучительны. Люди войны должны были бы хорошо изучить ихъ исторію; они могли бы извлечь изъ нея большую для себя пользу“.

Все это весьма естественно. Еврейское племя обладает блистательными способностями въ военномъ искусствѣ. Быстро воодушевляющійся энтузіазмъ, способный превратиться въ яркое пламя, расчетливый, разлагающій и быстро соображающій умъ, который, какъ молнія, мгновенно освѣщаетъ темноту, энергическое я, обнаруживающее сильную волю и неудержимо увлекающее все къ избранной цѣли, упорство въ желаніи удержать за собою разъ пріобрѣтенное и быстрота въ обдумываніи и составленіи плановъ; любовь къ славѣ и отличіямъ, стремленіе къ сущности предмета—все это такія условія, которыя образуютъ искусныхъ воиновъ, въ особенности въ наше время, когда побѣды достаются не машинальною силою массъ, но искусствомъ, ловкостью и предприимчивостью отдѣльныхъ личностей. Даже то качество еврея, которое мы въ соціальной жизни причисляемъ къ его недостаткамъ, именно арамейская „shuzra“ (дерзость, заносчивость) во время войны становится достоинствомъ—оно превращается въ смѣлость. Кто разъ присутствовалъ при талмудическомъ диспутѣ въ широкихъ размѣрахъ, тотъ долженъ будетъ сознаться, что великіе военные таланты дѣйствуютъ на этомъ полѣ сраженія. Талмудическій диспутъ (chilluk), самъ по себѣ, есть уже chef d'oeuvre талмудической тактики и стратегіи. Здѣсь вы найдете походы и марши, засады и внезапныя нападенія; здѣсь на едва замѣтномъ холмѣ устраивается ловкимъ бойцомъ сильная позиція, узкій проходъ становится базисомъ для операцій. Въ то вре-

мя, какъ вниманіе оппонента обращается на одну точку, выдвигаются на поле битвы небольшими разсѣянными колоннами новыя точки зрѣнія и непріятель вдругъ видитъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ и не находитъ себѣ выхода. Но тамъ вдали стоитъ молодой талмудистъ, хитрый и ловкій боецъ, который съ хладнокровіемъ геніальнаго полководца даетъ непріятелю развивать свои силы, не выпуская изъ виду послѣдняго рѣшительнаго пункта; но въ ту самую минуту, когда диспутантъ считаетъ себя уже господиномъ всей позиціи, молодой воинъ выступаетъ изъ своего наблюдательнаго поста и, точно второй Наполеонъ, прорывается сквозь непріятельскій центръ, приводитъ въ беспорядокъ лѣвое и правое крылья, пользуется замѣшательствомъ, колебаніемъ, бѣгствомъ, и побѣдоносно укрѣпляетъ онъ свое знамя, на которомъ можно прочесть лозунгъ сраженія: „Маймонидъ — былъ правъ, Авраамъ-бенъ-Давидъ — былъ не правъ!“ — Старый Геттингенскій профессоръ Михаелисъ цѣлыя ночи проводилъ безъ сна надъ рѣшеніемъ вопроса — способны ли евреи къ военной службѣ? Этотъ добрякъ всю жизнь свою занимался еврейскимъ языкомъ, бібліею и позднѣйшей литературой евреевъ, и все таки мало понималъ евреевъ и еврейство. Свою профессорскую мудрость онъ навязывалъ Моисею, заставлялъ его издавать законы по образцу германскихъ шестнадцати-дольныхъ государствъ; онъ рисовалъ евреевъ по своей фантази и мѣрялъ ихъ по своей собственной мѣрѣ. И Ромтокъ также можетъ гордиться сво-

имъ Гартманномъ, который съ государственною мудростью мекленбургскаго бюргера изслѣдовалъ вопросъ о томъ, призваны ли евреи къ тому, чтобы вступить въ великую мекленбургскую армію и принимать участіе въ ея побѣдахъ надъ востокомъ и западомъ. Занималось ли также и великое Рейсъ-Грейцъ-Шлейцское государство еврейскимъ военнымъ вопросомъ — это мнѣ неизвѣстно. Но мнѣ извѣстно, что Франція, по-мимо всякой германской профессорской основательности, дала отвѣтъ на этотъ вопросъ въ своихъ военныхъ хроникахъ и совершенно разсѣяла страхъ бѣднаго ориенталиста, что евреи не подойдутъ подъ требуемую мѣрку, а также и боязнь прусскихъ государственныхъ людей, что евреи не будутъ спокойно стоять во фронтѣ. Еврейскій солдатъ имѣетъ надъ другими еще то преимущество, что врожденное ему милосердіе удерживаетъ его отъ излишней жестокости. Въ высшей степени трогательно еврейское преданіе, въ которомъ вполнѣ отражается народный характеръ во всей его природной чистотѣ, преданіе о томъ, что Давидъ только потому выбранъ былъ Богомъ быть царемъ-героемъ, что онъ, будучи пастухомъ, былъ милосердъ къ своему стаду и выводилъ прежде на лугъ младшихъ овечекъ, чтобы дать имъ щипать мягкую, молодую травку.

Отъ поля битвы въ кабинетъ умной, богатой тонкими хитросилетеніями и остроумными шахматными ходами, дипломатіи — путь не далекъ, и, надобно сознаться,

что еврей, по своему тонкому уму, эластичности и субъективности имѣють не мало способностей для этой области политики. Все ихъ существованіе во время ихъ разсѣянія есть *chef d'oeuvre* дипломатическаго искусства. Разбитые грубою силою, они побѣждали на полѣ переговоровъ. Они умѣли узнавать тайны и приобретать расположеніе извѣстныхъ личностей. Какую дипломатическую ловкость выказывали они въ религиозныхъ диспутахъ, къ которымъ ихъ принуждали въ Испаніи! Съ какою осторожностью нужно было рассчитать здѣсь каждое движеніе! — Въ одномъ изъ такихъ споровъ, имѣвшемъ мѣсто въ Тортозѣ, въ февралѣ 1415 г. въ присутствіи папы Венедикта XIII, крещенный еврей *Geronimo de santa Fé*, защищавшій дѣло христіанства, захотѣлъ дѣлать прыжки и избѣгать главнаго предмета спора. Тогда папа спокойно и съ величіемъ сказалъ ему: „Ты былъ и останешься евреемъ! Ты не долженъ прыгать туда и сюда, но остаться на твоёмъ предметѣ и отвѣчать прямо на предложенный вопросъ“. И развѣ еврейскій посланникъ Карла Великаго къ Гаруну-Аль-Рашиду, государственный министръ Абдуль-Рохмана III, Хасдай-Ибнъ-Шапругъ, который своимъ умомъ и ловкостью побѣдилъ посланника германскаго императора Оттона I, *Iean de Vendières*, и еврейскій герцогъ Донъ-Іосифъ-Наси — развѣ всѣ они не были отличными дипломатами? И развѣ въ наше время дипломатическіе акты, составляемые Исаакомъ Артомомъ, не пользуются всеоб-

щей похвалой? Если бы раскрыть тайны зеленого стола иной еврейской общины, то и тамъ нашли бы даже ужь слишкомъ много дипломатическихъ тонкостей!

VIII.

Отъ дипломатовъ мы обратимся — къ адвокатамъ, которыхъ не знало еврейское судоустройство; оно знало только судей, а не защитниковъ.

„Право и государство“, говоритъ Аренсъ (Юридическая Энциклопедія, стр. 147) „представляютъ собою не только этической, но и этнической порядокъ, т. е. такой, въ которомъ исполнѣ отражаются характеръ и духъ народа во всѣхъ его функціяхъ и органахъ“. Дѣйствительно, духъ еврейскаго племени раскрывается и въ развитіи права, которое мы теперь рассмотримъ съ нашей точки зрѣнія, прежде чѣмъ обратимся къ особенной способности евреевъ къ юридической наукѣ и юридической практикѣ. Намъ могли бы возразить, что такъ какъ Моисеево право — право откровенія, то слѣвательно оно не можетъ служить предметомъ этнографическаго изслѣдованія. Но дѣло въ томъ, что оно было дано для государства земледѣльческаго и рассчитано на такія простыя отношенія, что осталось широкое поле для дальнѣйшаго талмудическаго и раввинскаго права, въ которомъ безпрепятственно могли проявиться всѣ качества еврейскаго племени. Кромѣ того, мы и у того

народа, который имѣлъ всемірное значеніе на развитіи права всѣхъ низеслѣдующихъ временъ, у римлянъ именно, находимъ такую же тѣсную связь между правомъ и религіей, на что уже указываетъ слово *fas* (приговоръ боговъ, отъ *fagi*), въ отличіе отъ *jus*, которое образовалось отъ санскритскаго корня *ju* — связать (срав. Игеринга „Духъ римскаго права“ I, 204, 258). Наконецъ, со времени Куація извѣстно, что на римское право сильно повлияла греческая философія, а именно стоическая (см. Гильдебранда „Исторія и система философіи права и государства“ I, 595 и слѣд.) и при всемъ томъ никто не думаетъ оспаривать особенную способность римскаго народа къ развитію права.

Не простому случаю слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что евреи и римляне выдаются на поприщѣ юридическихъ наукъ, что и тѣ и другіе отличаются критическимъ умомъ и стремленіемъ къ огражденію своего я, своей личной свободы; но первые имѣютъ то преимущество, что имъ ихъ религіозное сознаніе представило болѣе широкую и твердую основу права. Это сопоставленіе евреевъ съ римлянами — не еврейская гипербола, потому что евреи на юридическомъ поприщѣ вполне могутъ помѣряться силами съ римлянами. Гилель и Шамай ни въ чемъ не уступаютъ своимъ современникамъ Капитону и Лабеоу, хотя мы и не можемъ согласиться съ Майэромъ (ср. его „Права евреевъ, ассириянъ и римлянъ“, ч. I, стр. 86), который утверждаетъ, что юстиніановы пандекты составлены по образцу Мишны.

Уже изъ поверхностнаго обзора извѣстныхъ коренныхъ юридическихъ воззрѣній евреевъ, мы должны вынести убѣжденіе, что объяснить ихъ возможно только извѣстными особенностями еврейскаго племени. Такъ въ еврейскомъ правѣ существуетъ общее правило, что показаніе отвѣтчика заслуживаетъ вѣры, когда возможно предположеніе, что онъ, если бы не имѣлъ въ виду возстановить правду, могъ бы легко прибѣгнуть къ лучшему отвѣту и выставить болѣе выгодное для себя обстоятельство, привести въ свое оправданіе болѣе основательные доводы. Эти предположенія (*presumptiojuris*) (по евр. *mittoch*, по арамейски *mitgo*, т. е. „изнутри, оттого что“ „такъ какъ“), которое въ еврейской теоріи доказательствъ играетъ такую важную роль, находится въ связи съ живой субъективностію, которая проникаетъ въ чужую мысль, ставитъ себя въ положеніе другаго, думаетъ за него и какъ будто защищаетъ себя. Вообще, допускаемыя въ еврейскомъ правѣ предположенія—составляющія часть теоріи доказательствъ—бросаютъ яркій свѣтъ на сущность еврейскаго племени. Тутъ наиболѣе проявляется характеръ народа, такъ какъ изъ того какимъ образомъ, и какого рода предположеніе дѣлаетъ судья о подсудимомъ, можно дѣлать вѣрныя заключенія о свойствахъ народа, о его воззрѣніяхъ и характерѣ. Такъ, напр., въ еврейскомъ правѣ предполагается, что должникъ не осмѣлится въ присутствіи заимодавца отвергать весь долгъ; что мужъ не пожелаетъ, чтобы жена его была пристыжена на судѣ; что работодатель не нарушитъ за-

кона Моисея о неудержаніи у себя рабочей платы до утра; что рабочій не нарушитъ заповѣди, запрещающей похищать чужое имущество, и поэтому не станетъ два раза требовать платы.

Еще другія характерическія черты еврейскаго племени проявляются въ области его права. Гласность и устность еврейскаго судопроизводства, обвинительная форма еврейскаго процесса свидѣлствуютъ объ уваженіи къ человѣческой личности, къ ея свободѣ, о гарантіяхъ, предоставляемыхъ обвиняемому, о ненависти къ педантизму, который неминуемъ при письменномъ судопроизводствѣ, и, наконецъ, о понятномъ при живости народнаго характера желаніи не затянуть дѣла и скорѣе покончить съ нимъ. Выставленное еще въ началѣ III в. раввиномъ Самуиломъ положеніе, что государственные законы обязательны для евреевъ — такъ какъ они не живутъ уже въ своемъ собственномъ государствѣ — свидѣлствуетъ о здоровомъ практическомъ смыслѣ евреевъ, объ уваженіи ихъ къ правовымъ нормамъ чужихъ народовъ, и можетъ служить доказательствомъ универсальности еврейскаго племени, которое не упорствуетъ въ національной исключительности. Обозначеніе различныхъ юридическихъ понятій, какъ предположеніе, завладѣніе, давность, владѣніе, однимъ и тѣмъ же словомъ — *chasaka* (удержаніе за собою), указываетъ на соображенія живость и быстроту, которая не нуждается въ обозначеніи различныхъ оттѣнковъ особенными словами — особенность, часто встрѣчаемая въ еврейскомъ

языкѣ, въ которомъ одинъ и тотъ же корень употребляется во многихъ различныхъ значеніяхъ. Юриспруденція занимаетъ самую большую часть еврейской литературы и считаетъ въ своихъ рядахъ остроумнѣйшихъ юристовъ, которые бесплатно творили судъ и ознаменовали себя справедливостью, безпристрастіемъ и любовью къ истинѣ. Еще теперь въ Россіи даже христіане охотнѣе подчиняются приговору раввина, чѣмъ рѣшенію правительственнаго судебного мѣста. Многие изъ нашихъ читателей, по всей вѣроятности, еще помнятъ тѣхъ самоучекъ-адвокатовъ еврейскаго гетто, которые давали юридическіе совѣты спорящимъ сторонамъ — процессы въ гетто были довольно частымъ явленіемъ — и внушали даже патримоніальнымъ судьямъ уваженіе къ еврейскому остроумію. Начиная Эдуардомъ Гансомъ *) и кончая Кремьё **) и Годафроя ***), евреи въ новѣйшее время отличались какъ въ адвокатурѣ, такъ и въ наукѣ права. Прусскіе судьи и профессора юриспруденціи гордятся именами людей, которыя принадлежали къ еврейскому племени. Новѣйшая форма судопроизводства, основанная на гласности и устности, особенно благопріятствуетъ способностямъ еврейскаго адвоката. Здѣсь ему представляется удобный случай выказать свое быстрое соображеніе и остроуміе, выставлять именно тѣ мотивы,

*) Извѣстный германскій юристъ еврейскаго происхожденія.

**) Бывшій министръ юстиціи и членъ временнаго правительства во Франціи.

***) Бывшій министръ юстиціи въ Голландіи.

которые служатъ для его цѣли, овладѣвать сущностью дѣла и выказать свое умѣнье быстро давать отвѣты. Какъ судья и присяжный засѣдатель, еврей и въ наше время послѣдуетъ по стопамъ своихъ предковъ, которые отличались правдивостью, безпристрастіемъ и неподкупностью. Они по своему врожденному милосердію съ ужасомъ отвергали пресловутое *fiat justitia pereat mundus*; они уже осужденнаго на смертную казнь приводили снова въ судъ, если онъ заявилъ, что у него имѣется новое основаніе для своей защиты; въ развитіи своихъ правовыхъ учрежденій они никогда не позволяли себѣ воспользоваться ошибкою подсудимаго, какъ уликою противъ него, и не допускали къ свидѣтельству всѣхъ безъ разбора, не оглашая именъ свидѣтелей, какъ это дѣлала инквизиція!

IX.

Еще гораздо раньше, чѣмъ ультрамонтаны и христіанско-германскіе піетисты стали видѣть въ каждомъ либеральномъ публицистѣ еврея и кричать объ испорченности жидовской прессы, цѣлыя столѣтія прежде, чѣмъ еврейскіе адвокаты выступили публичными защитниками и пользовались всѣми слабостями прокуроровъ для защиты своихъ кліентовъ—еврейскіе *врачи* съ помощью средствъ, доставляемыхъ медицинскою наукою, лечили папъ и прелатовъ, князей и полководцевъ, гражданъ и крестьянъ, и повсюду пользовались уваженіемъ.

Напрасно завистники и враги евреевъ толковали о христіанской медицинѣ и предостерегали вѣрующихъ, чтобы они не облегчали страданія своихъ христіанскихъ тѣлесъ при помощи еврейскихъ рецептовъ—еврейскіе врачи разрушали религіозныя преграды и проникали во дворцы и хижины, чтобы доставлять облегченіе страждущимъ. И въ самомъ дѣлѣ, не простому случаю слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что еврейскіе врачи всегда выдавались въ области медицинскихъ наукъ и въ наше время оказываются отличными фізіологами и хорошими и любимыми практическими врачами. По быстротѣ своего ума, они особенно способны прослѣдить болѣзнь до ея первоначальной причины, сравнивать явленія фізическаго міра, сопоставлять добытыя наблюденіями факты и, по внѣшнимъ признакамъ, заключать о внутреннемъ состояніи больного. Мягкосердечіе охраняетъ еврейскаго врача отъ равнодушія и притупленія, которыя обыкновенно бывають слѣдствіемъ постояннаго ухода за больными и наблюденія за однѣми и тѣми же болѣзнями. Его природная обходительность и гибкость, которая даетъ ему возможность быстро сходиться съ людьми, ставить себя въ ихъ положеніе, проникать съ легкостью въ ихъ образъ мыслей и чувства, открывать ихъ особенности и склонности—гибкость, которая оказала евреямъ такіа громадныя услуги во все время ихъ скитальчества между столькими народами—порождаетъ въ немъ самозабвеніе, которое, само по себѣ, уже помогаетъ страждущему и внушаетъ больному, одержимому

весьма простительнымъ эгоизмомъ, довѣріе къ его врачу. Было бы совершенно излишне приводить доказательства, что между евреями всегда было много хорошихъ практическихъ врачей. Въ средніе вѣка ихъ совѣтами пользовались и бѣдные и богатые, безъ всякаго различія вѣроисповѣданія — рыцари и монахи, въ Ватиканѣ и въ княжескихъ дворцахъ, а въ наше время еврейскіе врачи, имѣющіе богатую практику и пользующіеся хорошей репутаціей, встрѣчаются въ достаточномъ количествѣ во всѣхъ важнѣйшихъ европейскихъ городахъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что хотя прошло всего только нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ стали допускать евреевъ въ университеты въ качествѣ профессоровъ, однако еврейскіе доценты уже успѣли отличиться въ медицинскихъ факультетахъ.

X.

Объективная преданность и универсализмъ еврейскаго племени—это двѣ характеристическія черты его, которыми онъ отличается отъ другихъ семитовъ и которыя даютъ ему возможность быстро перенестись въ область чужихъ мыслей, усвоивать себѣ, безъ особеннаго труда, чужое образованіе, вникать безъ напряженія въ характеръ людей, обзрѣвать обстоятельства, обсуживать ихъ и пользоваться ими. Эти двѣ черты заключаютъ въ себѣ элементы, на которыхъ основывается искусство представлять другія лица, т. е. искусство сценическое.

Актеръ долженъ въ высокой степени обладать способностью отречься отъ своей собственной субъективности и совершенно освоиться съ костюмомъ, который онъ надѣваетъ, и съ обществомъ, въ которомъ онъ вращается. Онъ самъ долженъ перечувствовать все то, что чувствуетъ лицо, имъ представляемое, онъ долженъ воспринимать всѣ особенности, изъ которыхъ складывается его характеръ, переработать существенныя ихъ стороны въ самомъ себѣ такъ, чтобы всецѣло воспроизводить представляемое лицо, въ его языкѣ, обхожденіи, движеніяхъ и даже въ выраженіи лица. Поэтому, это вовсе не случайность, что евреи и еврейки въ Германіи, Франціи и вообще во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ они, уравниваемые въ правахъ съ прочимъ народонаселеніемъ, предаются культурному теченію новѣйшаго времени, отличались и еще до сихъ поръ отличаются на сценѣ. Племя, котораго исторія, религіи, языкъ и литература доставляютъ столько доказательствъ, что оно, какъ никакое другое, обладаетъ способностью съ величайшей виртуозностью усваивать себѣ духовную жизнь другихъ народовъ—такое племя необходимо должно производить также и отдѣльныя личности, которыя способны сжиться съ чужою ролью, обработать ее до мельчайшихъ подробностей и довести ее до полного совершенства. Природныя качества цѣлаго племени, безсознательно дѣйствовавшія въ немъ въ теченіе многихъ вѣковъ, подъ вліяніемъ законовъ искусства въ отдѣльныхъ членахъ его получаютъ большее округленіе, совершенствуются и все болѣе приближаются

къ идеалу. Неслучайно также, что еврейскіе артисты и артистки особенно выдаются въ *трагической* поэзіи. Свойственный еврейскому племени паэось, вызывающій въ обыкновенной жизни явленія, носящія на себѣ восточный отпечатокъ—какъ напр. пѣвучій тонъ въ разговорной рѣчи, частое употребленіе вопросительныхъ формъ и живая жестикуляція, доходящая иногда до смѣшнаго—оказываетъ превосходныя услуги при исполненіи трагическихъ ролей, когда онъ смягчается облагораживающимъ духомъ искусства.

Но не слѣдуетъ также умолчать, что *остроуміе* еврейскаго племени, которое легко вырождается въ страсть къ островамъ и произвело много угловатыхъ явленій въ литературѣ, далеко не благоприятно настоящему искусству, которое округляетъ, а не заостриваетъ, распространяетъ яркій, но спокойный свѣтъ, не блеститъ и не ослѣпляетъ. Это остроуміе уже не разъ сводило съ пути талантливыхъ артистовъ. Такъ Дависонъ на сценѣ часто впадалъ въ остроумную казуистику и иногда обрабатывалъ нѣкоторыя партіи своихъ ролей съ настоящей талмудическою тонкостью, между тѣмъ, какъ въ Рашели еврейскій паэось торжествовалъ блистательнѣйшую побѣду. Библейскія геронны снова воскресали въ этой великой артистѣ.

ЕВРЕЙСКОЕ ПЛЕМЯ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

I.

Семейныя чувства еврейскаго племени.

Если мы хотимъ познать первоначальныя коренныя свойства извѣстнаго племени, то намъ необходимо наблюдать зарю его исторіи, вопрошать первые признаки его появленія, читать тѣ страницы, на которыхъ внутреннее ядро cadaго народа изображено самыми вѣрными, такъ сказать, дѣтскими чертами. Что же мы находимъ въ этихъ первыхъ страницахъ лѣтописей Израиля? Семейныя исторіи, домашнія приключенія, рассказы о томъ, какъ Авраамъ только по смерти своего отца Тераха оставилъ свою родину, какъ онъ взялъ съ собою своего родственника Лота, какъ онъ въ своемъ странствованіи нерѣдко находился въ щекотливомъ положеніи, вслѣдствіе красоты жены своей Сары, какъ онъ жалуется Богу на свою бездѣтность, какъ онъ задаетъ пирь, когда у него на старости лѣтъ рождается сынъ, и какъ Господь Богъ обѣщаетъ ему благодѣнствіе его потомковъ. Мы находимъ далѣе въ этихъ хроникахъ описаніе умной, милой и нѣжной Ревбеки, рассказы о несогласіи братьевъ въ домѣ Исаака, о любви

Такова въ Рахили, о его супружеской вѣрности, когда, вмѣсто любимой Рахили, ему навязываютъ ея сестру Лей, о его заботахъ о будущности своего семейства, о его примиреніи съ жаждущимъ мщенія братомъ, о его привязанности къ землѣ, на которой нѣвогда жили его предки, о его глубокомъ горѣ по случаю потери Іосифа; рассказы о томъ, какъ онъ предъ смертью благословляетъ своихъ дѣтей, и какъ сильно было у него желаніе быть похороненнымъ рядомъ съ его отцемъ и матерью, соединиться съ ними въ могилѣ. Не ту же ли характеристическую черту видимъ мы и теперь у еврейскаго племени вездѣ, гдѣ оно разсѣяно? Что составляетъ и въ настоящее время идеаль еврея, оставшагося вѣрнымъ своей племенной природѣ? Этотъ идеаль — домашній очагъ, жена и дѣти, тихое семейное счастье и четыре аршина (далеко амотъ) земли возлѣ отца и матери! Другіе народы увѣковѣчили геройскіе подвиги своихъ предковъ, описывали войны, которыя велись ими, и восхваляли города, которые были ими построены; подрастающее же еврейское юношество уже пѣльми тысячелѣтія наслаждается простыми рассказами о семейной жизни патриарховъ, которая знаетъ лишь двѣ войны, война изъ-за родственника, имѣвшая цѣлью освободить Лота, и войну за оскорбленную честь сестры Дины, отомщенную ея братьями. Въ то время, какъ изъ книги о войнахъ, веденныхъ еврейскимъ народомъ, мы имѣемъ лишь незначительный отрывокъ, а книга *Гаіашаръ*, также воинственнаго содержанія, и хроники царей израильскихъ

и іудейскихъ потерянн, Тора *) посвятила семейной жизни патріарховъ почти всю первую книгу, которая во всѣ времена услаждала чувства еврейскихъ юношей и старцевъ и украшена была благоухающимъ вѣнкомъ прелестнѣйшихъ преданій. Не есть ли, на примѣръ, прелестный цвѣтокъ изъ міра еврейскихъ преданій этотъ ходячій въ древнемъ Израилѣ разсказъ:

„Когда израильяне хотѣли выступить войною противъ потомковъ Исава, то Богъ сказалъ Моисею: Остановитесь, противъ Исава вы не должны воевать, потому что, не смотря на свое варварство, онъ имѣетъ все-таки одну изъ прекраснѣйшихъ свойствъ еврейскаго племени: онъ почиталъ своего отца Исаака; лучшую одежду, которую имѣлъ, онъ всегда одѣвалъ, когда ему приходилось явиться къ отцу; лучшую добычу, которую ему удавалось захватить на охотѣ, онъ приносилъ домой для своего родителя; и единственныя слезы, которыя проливалъ этотъ дикій человѣкъ, были слезы изъ-за отцовскаго благословенія! Эти дѣтскія чувства, эта сыновняя привязанность дѣлаетъ его родственнымъ Израилю, и поэтому вы не должны воевать противъ него“.

Живыя семейныя чувства еврейскаго племени ясно обнаруживаются также въ именахъ, которыя оно нѣкогда носило и которыя оно теперь еще носить. Египтяне, вавилоняне, мидяне, греки и римляне—всѣ они имѣютъ свои имена отъ тѣхъ странъ, въ которыхъ они жили.

*) Св. Писаніе.

Потомки же патриарховъ всегда называли себя: „домъ Иакова, домъ Израиля, домъ Иуды, дѣти Израиля, дѣти Иуды, или даже просто: Иаковъ, Израиль, Иуда“. Прекрасна была страна, которою нѣкогда владѣли предки Израильтянъ; ее орошали рѣки и источники; она изобиловала цвѣтущими долинами, кедровыми лѣсами и мѣдными рудами; вездѣ какъ будто просвѣчивалъ свѣтлый божественный взоръ. И любили они, предки израилены, эту страну и всюю душою были привязаны къ своей столицѣ, къ Иерусалиму, къ горѣ Сионъ, которую они, вслѣдствіе ея красивыхъ очертаній, назвали радостью вселенной—и при всемъ томъ, ни одно имя не было имъ такъ сладостно и мило, какъ имя ихъ праотца Израиля; это имя они предпочитали всѣмъ другимъ, носили его на родинѣ и въ чужбинѣ, носили его, когда были гражданами свободнаго общества и когда были рабами столькихъ націй.

Блистательно обнаруживаются семейныя чувства еврейскаго племени въ его праздничныхъ торжествахъ и радостяхъ. Въ чемъ же состояли эти радости? Въ спокойномъ и мирномъ сожитіи всѣхъ членовъ семьи, а не въ буйныхъ игрищахъ и травлѣ животныхъ. „Радуйся въ праздникъ кущей“, говорятъ Св. Писаніе, „радуйся виѣствѣ съ твоимъ сыномъ и твоей дочерью“. А твой батракъ и твоя работница? Что они должны дѣлать въ то время, когда ты вкушаешь удовольствія въ миломъ кругу своихъ? Неужели они въ то время должны работать дома или въ полѣ? О, нѣтъ! Прими ихъ съ лю-

бовью въ твою среду и въ праздники считай ихъ членами твоей семьи. Взгляни только на твою первобытную исторію, на исторію твоихъ патріарховъ. Видишь ли тамъ эту плачущую иву? Она стоитъ надъ могилой служанки, надъ могилой Деборы, кормилицы Реввеки, имя которой также чтится, какъ и имя судьи или пророчицы. Слышишь ли ты длинную рѣчь старца? Это слова слуги, слуги Авраамова, которымъ Св. Писаніе дало столько мѣста. — И гдѣ долженъ праздновать день бущей иностранецъ, который чувствуетъ себя одинокимъ? У тебя, при твоёмъ столѣ, въ твоёмъ домѣ, который долженъ быть также гостепріименъ, какъ и домъ праотца твоего Авраама. И у кого одинокія вдовы и сироты должны праздновать этотъ день, въ который всё предаются радости и веселію? О, не спрашивай, израильтянинъ, если твое еврейское сердце еще чисто и неиспорчено! Отыщи мѣсто, скажи дѣтямъ твоимъ, чтобъ они сдвинулись ближе другъ къ другу, и пусть бѣдный сирота и одинокая мать его также участвуютъ въ твоёмъ праздничномъ пиру. Развѣ ты не помнишь уже болѣе что рассказывали въ Израилѣ? Когда Богъ сказалъ Моисею: „И помилую того, кого помилую“. Онъ въ то же время показалъ ему всё тѣ небесныя сокровища, которыя нѣкогда будутъ удѣломъ благочестивыхъ. Моисей же воскликнулъ: О, Господь Всевышній! тамъ, вблизи Тебя, я замѣчаю сокровище удивительной красоты; оно какъ будто соединяетъ въ себѣ блескъ всѣхъ Твоихъ свѣтилъ. Для кого сохранилъ Ты это сокровище? „Это

драгоценнѣйшее изъ моихъ сокровищъ, сказалъ Господь, принадлежить тѣмъ, которые покровительствуютъ бѣднымъ сиротамъ, кормятъ, одѣваютъ, воспитываютъ и ласкаютъ ихъ, какъ отцы и матери. Эти мягкія, нѣжныя души, которыя милостивою рукою восстанавливаютъ то, что разрушила холодная рука смерти, эти души Я хочу имѣть около себя, онѣ должны пребывать около самаго престола Моего“. И послѣ этого скажутъ, что Израиль не проникнуть самыми живыми и нѣжными семейными чувствами!

Если же первобытная исторія, имена и праздничныя торжества евреевъ свидѣтельствуютъ о глубокой и нѣжной семейной привязанности, составляющихъ одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ еврейскаго племени, то это еще сильнѣе подтверждается, если мы станемъ разсматривать начало еврейской народной исторіи, и если мы обратимъ вниманіе на центръ, около котораго вращается исторія евреевъ, т. е. на отношенія еврейскаго племени къ его Богу.

Господь Богъ избралъ Моисея своимъ посланнымъ, и какою картину рисуетъ намъ Св. Писаніе въ жизнеописаніи великаго пророка? Прекрасное дитя, глаза котораго блистаютъ какъ первые лучи восходящаго солнца; сестру съ трепетнымъ ожиданіемъ слѣдующую за плавающимъ ящикою, содержащимъ ея маленькаго брата; дѣтскія слезы, которыя трогаютъ сердце каждаго, а также и сердце египтянки; мать изъ уважаемаго рода, которая

переодѣвается въ платье прислуги и мамы, чтобъ такимъ образомъ имѣть возможность кормить свое дитя въ чужомъ домѣ.

И вотъ что рассказываетъ еврейскимъ матерямъ древнее преданіе о пребываніи евреевъ въ Египтѣ. Когда Фараонъ издалъ жестокой законъ, повѣлевавшій, чтобы всякій новорожденный младенецъ былъ брошенъ въ рѣку, тогда женщины Израиля уходили въ чистое поле, тихо засыпали и безъ боли рождали своихъ сыновей; небо отерывалось, архангелы Божіи спускались на землю, умывали и одѣвали новорожденныхъ, извлекали изъ твердой свалы молоко и медъ, которыми кормили малютокъ; и когда приближался египетскій стражъ, то мать-земля отверзалась и скрывала малютокъ подъ своимъ покровомъ.

Богъ впервые является Моисею, и какъ же Онъ говоритъ съ нимъ? „Я Богъ отца твоего,“ не бойся ничего, довѣрься Мнѣ какъ отцу твоему, который считаетъ Меня своимъ Богомъ. Древніе еврейскіе мудрецы сопровождаютъ этотъ рассказъ слѣдующимъ объясненіемъ: Господь подражалъ голосу Амрама, отца Моисея, заговорилъ нѣжнымъ родительскимъ голосомъ, чтобы тронуть сердце Моисея.

Моисей получаетъ отъ Бога первое порученіе къ израильскому народу. Какъ же онъ рисуетъ Бога, котораго посылаетъ его? „Адонай“, говоритъ онъ, „Господь предковъ вашихъ, Богъ Авраама, Исаака и Якова“, Тотъ, Кому довѣрились отцы ваши и Который за-

ключилъ съ ними союзъ, Онъ не можетъ забыть васъ и желаетъ освободить васъ отъ ига египетскаго.

Какое постановленіе служить первымъ выраженіемъ отношеній, установившихся между освобожденнымъ народомъ и освободившимъ его Богомъ? Постановленіе о пасхальной овцѣ, о праздникѣ, который собираетъ всѣхъ членовъ семьи и соединяетъ ихъ подъ однимъ кровомъ; ибо ничто такъ не могло убѣдить Израиля въ томъ, что онъ свободенъ, какъ веселая и спокойная семейная трапеза, какъ тѣсный союзъ всѣхъ единоплеменниковъ, безъ опасенія египетскихъ угнетателей.

И какъ вообще рисуетъ Св. Писаніе отношенія между Богомъ и Израилемъ? Это — отношенія отца и его дѣтей. Господь — отецъ, а Израиль — сынъ его. И дѣйствительно, Богъ могъ открываться лишь такому народу, въ сердцѣ котораго глубоко вкоренены семейныя привязанности и который все сравниваетъ съ семейными отношеніями. И потому другіе народы этимъ семейнымъ привязанностямъ еврейскаго племени обязаны тѣмъ, что поклоняются отцу въ небесахъ, говорятъ о дѣтствѣ смертныхъ по отношенію къ Богу и считаютъ другъ друга своими братьями, хоть и не всегда какъ братья обращаются другъ съ другомъ. Упрекаютъ Св. Писаніе за его рассказы о томъ, что Богъ разгнѣвался на Израиля, и утверждаютъ, что новѣйшія религіи изображаютъ отношенія между Богомъ и людьми гораздо болѣе чистыми, кроткими и исполненными любви. Но это могутъ утверждать только тѣ, которые восхваляютъ

безбрачное состояніе и никогда не были отцами. Развѣ мы не преисполняемся гнѣва, когда дѣти наши сбиваются съ прямого пути? И развѣ мы перестаемъ любить ихъ горячею родительскою любовью? Господь грозитъ, сердится и караетъ какъ отецъ, который желаетъ исправить свое дитя и возвратить его на путь истинный. Тяжелую борьбу, кипящую въ груди отца, когда онъ вынужденъ причинять боль своему дитяти, горячую любовь, невольно прорывающуюся даже сквозь самый сильный отцовскій гнѣвъ, въ состояніи понимать лишь тѣ, которые сами были отцами, но не тѣ, которымъ чуждо родительское чувство и которые въ своемъ безсемейномъ уединеніи разсуждаютъ холоднымъ умомъ тамъ, гдѣ должны говорить горячее сердце и теплыя чувства.

Еще яснѣе и подробнѣе высказываются нѣжныя семейныя чувства еврейскаго племени въ твореніяхъ пророковъ и псалмопѣвцевъ. Если ораторы и поэты, для того, чтобы дѣйствовать на своихъ слушателей и читателей, должны въ точности знать ихъ симпатіи и антипатіи, ихъ племенной характеръ и любимыя воззрѣнія; если они должны прибѣгать лишь къ такимъ образамъ, которые возбуждаютъ ихъ фантазію, затрагиваютъ чувства и неодолимо привлекаютъ ихъ вниманіе; если греческій ораторъ, для того чтобы достигнуть своей цѣли, обращается къ свободолюбію, а римскій къ властолюбію своего народа; то, само собою, и рѣчи еврейскихъ пророковъ и псалмистовъ должны соответствовать характеру, влеченіямъ и отличительнымъ признакамъ еврей-

скаго племени. Изъ какой же области они чаще всего берутъ самые вдохновенные свои картины и образы?—Изъ области семейной жизни.

Одинъ пророкъ, Госія напимѣрь, высказываетъ надежду, что Израиль вѣчно останется вѣрнымъ своему Богу—и въ какихъ ораторскихъ образахъ выражаетъ онъ эту надежду? Израильтяне, восклицаетъ онъ, придетъ время познанія, и вы увидите, что Господь, какъ любящій супругъ ухаживалъ за вами и заботился, защищалъ и охранялъ васъ, и вы поэтому обязаны ему вѣчною вѣрностью.

Другой пророкъ, Исаія, хочетъ упрекать еврейскій народъ въ его неблагодарности къ Богу—какъ же онъ выражаетъ это? Вы, мужи Сіона, говоритъ онъ, что чувствуете вы, когда дѣти ваши, которыхъ вы вскормили и воспитали, которыя вашею заботливостью приобрѣли почетъ и уваженіе, отварачиваются отъ васъ и забываютъ ваши благодѣянія? Увы! подобно такимъ дѣтямъ поступаете и вы въ отношеніи Бога вашего, который моими устами поднимаетъ громкія жалобы: Я высиль и отличилъ дѣтей Моихъ, Іегуда сталъ великъ въ мірѣ и пересталъ знать Меня, и не находитъ онъ времени для исполненія Моихъ предписаній!

Третій пророкъ, Іезекиль, еще нѣжнѣе и чувствительнѣе рисуетъ эту нѣжную картину. Израиль, восклицаетъ онъ именемъ Бога, какъ часто ты между народами былъ похожъ на ребенка, котораго тотчасъ послѣ рожденія бросили въ чистое поле. Ты бы зачахъ, по-

гибъ, потому что никто не хотѣлъ сжалиться надъ тобою. Но вотъ Я являюсь къ тебѣ, охраняю твою жизнь, воспитываю, одѣваю, украшаю тебя, отличаю тебя такъ, что вездѣ распространяется слава твоя—и что же ты дѣлаешь? Твоя одежда, твое золото и серебро, твои пестрые ковры, картины на твоихъ стѣнахъ дѣлаются твоими богами, которымъ ты поклоняешься, и такимъ образомъ отплачиваешь ты Миѣ черною неблагодарностью!

Четвертый пророкъ, Іеремія, хочетъ выразить свою печаль о погибшемъ еврейскомъ царствѣ, которое называется также царствомъ Іосифа и Ефраима, онъ хочетъ укрѣпить въ своихъ слушателяхъ надежду, что царство это снова воскреснетъ—и къ какимъ выраженіямъ прибѣгаетъ онъ? Слышишь! взываетъ онъ, кто эта женщина, которая такъ горько плачетъ, чьи жалобы такъ раздраютъ сердце! Это мать, это Рахиль, которая не находитъ дѣтей своихъ. Но вотъ умолкаютъ жалобы, не видно слезъ, нѣжные звуки раздаются --- это голосъ Адоная, Который, тронутый столами матери, говоритъ ей: сердце матери не должно терять надежду, если она и слаба какъ тонкая нить; они возвратятся, дѣти твои, и снова жить будутъ на своей землѣ.

Пятый, тотъ великій пророкъ, рѣчи котораго звучатъ нѣжнымъ тономъ утѣшенія, хочетъ возбудить упавшій духъ находящихся въ изгнаніи вавилонскихъ евреевъ, и какими ораторскими приѣмами пытается онъ достигнуть этой трудной цѣли? И ему примѣромъ и указаніемъ служитъ мать. Развѣ вы видѣли когда либо мать,

которая забываетъ свое дитя, которая не сжалилась бы надъ нимъ даже тогда, когда оно ее огорчило! Вѣрите-ли вы, чтобы кто нибудь въ состояніи былъ вытѣснить васъ изъ сердца матери? Богъ вашъ, Который весь любовь и милость, думаете ли вы, что Онъ оттолкнетъ васъ, или забудетъ? — Іеремія ищетъ образа для выраженія грустной картины разрушеннаго Іерусалима — и онъ сравниваетъ его со вдовою. Другой пророкъ хочетъ предсказать конецъ этой печали, и онъ восклицаетъ: Сіонъ, время твоего вдовства прекратится, ибо Господь снова поселится въ стѣнахъ твоихъ! — Псалмопѣвецъ описываетъ счастье, которое Богъ ниспосылаетъ благочестивымъ — и какую картину рисуетъ онъ намъ? Онъ вводитъ насъ въ тихую жизнь семьи, показываетъ намъ плодоносную вѣтвь — жену рядомъ съ мужемъ, а тамъ накрытый семейный столъ, окруженный дѣтьми, убранный свѣжими цвѣтами. Другой псалмопѣвецъ желаетъ доказать, какъ Богъ милостиво управляетъ землею, и для этого онъ спускается въ людскую толпу, показываетъ намъ бѣдняка, котораго Господь возвысилъ и поставилъ на-ряду съ великими міра сего. Но это возвышеніе низшаго для него недостаточно, и онъ, для того, чтобы еще яснѣе доказать божеское управленіе міромъ, рисуетъ намъ мать: на рукахъ у нея ребенокъ, на котораго она смотритъ глазами полными материнской любви и нѣжности. Откуда этотъ полный душевнаго блаженства взглядъ матери? спрашиваетъ онъ у скептика. Кто ниспосылаетъ ей на землѣ это счастье и радость, ко-

торыя болѣе чѣмъ кого либо озаряютъ ее своимъ блескомъ, какъ бы бѣдна она ни была? Въ этомъ взглядѣ нѣжной матери, развѣ не отражается любовь Господа, который создаетъ міръ, питаетъ и охраняетъ его?

Подобными картинами изъ семейной жизни пророки и псалмопѣвцы производили самое глубокое впечатлѣніе на настроеніе еврейскаго народа. Достаточно было напомнить о любящемъ супругѣ, чтобы оживить вѣрность еврейскаго племени; достаточно было напомнить о заботливомъ отцѣ, чтобы оживить благодарность его, достаточно было напомнить о взглядѣ матери, чтобы возбудить надежду народа Израильскаго. Свою разрушенную столицу Израиль сравниваетъ съ плачущей вдовой, въ уходѣ и воспитаніи дитяти онъ видитъ любовь и милость Бога, въ совмѣстной мирной и спокойной жизни отцовъ и дѣтей онъ видитъ идеалъ земнаго счастья. Кто же послѣ этого станетъ сомнѣваться, что самыя живыя и нѣжныя семейныя чувства составляютъ характеристическую черту еврейскаго племени? Можно сказать, что Господь одарилъ еврейскій народъ этими семейными чувствами даже во снѣ; еврейское дитя обнаруживаетъ ихъ, когда оно спитъ еще въ колыбели; оно приноситъ ихъ съ собою въ свѣтъ какъ племенное наследіе. Эти природныя семейныя чувства дѣлаютъ еврея мягкосердечнымъ, великодушнымъ и примирительнымъ, такъ что онъ скоро прощаетъ своихъ угнетателей, и онъ дѣйствительно уже давно простилъ ихъ.

II.

Телеологическая сторона еврейскаго племени.

Племя, подобное еврейскому, въ которомъ такъ рѣзко выражается субъективность и отношенія котораго къ внѣшнему міру управляются его энергическимъ, самосознающимъ „я“, должно быть преимущественно телеологическимъ, руководящимся въ своихъ воззрѣніяхъ, разсужденіяхъ и дѣяніяхъ принципомъ цѣлесообразности. Поэтому еврей, по природѣ своей, не склоненъ къ спекуляціи, мало расположенъ къ вопросамъ метафизики и его можетъ побудить къ дѣятельности только одно конкретное, реальное, практическое и цѣлесообразное. Эта телеологическая сторона еврейскаго племени проявляется въ различныхъ сферахъ жизни.

Еврейское племя по преимуществу воспріимчиво къ религіознымъ воззрѣніямъ, но не къ воззрѣніямъ философскимъ, потому что первая быстро и точно указываютъ намъ на то, что мы, для своего блага, должны дѣлать и чего мы не должны дѣлать, между тѣмъ какъ философія только длинными, окольными путями стремится къ этой цѣли. Но и въ области религіи племя это предается съ особенною любовью не спекулятивному элементу, а этическому, этой практической, конкретной и реальной части религіи. Этикою съ большимъ усердіемъ занимались многіе еврейскіе мыслители,

но не съ спекулятивной точки зрѣнія, въ формѣ отвлеченныхъ разсужденій, а въ видѣ краткихъ и сжатыхъ изрѣченій житейскаго благоразумія. Даже религиозная проповѣдь, издревле употреблявшаяся въ средѣ Израиля и перешедшая отъ него къ христіанскимъ народамъ, есть ничто иное, какъ стремленіе къ практическому прижвненію религиозныхъ истинъ. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени любопытно изображеніе мудрости въ 8-й главѣ Притчей Соломоновыхъ. Она не царствуетъ тамъ въ туманныхъ высотахъ, къ которымъ съ трудомъ можетъ подняться человѣкъ, но странствуетъ по городамъ и селеніямъ, собираетъ вокругъ себя людей простыхъ, изъ низшихъ слоевъ общества, и возвѣщаетъ имъ свои общепонятныя ученія, которыя всякій сразу можетъ употребить въ свою пользу. Вотъ настоящая мудрость еврейскаго племени, безконечно отличная отъ мудрости народовъ арійскихъ; и хотя она въ побиблейскій періодъ, какъ въ Александріи, такъ и въ Палестинѣ, облачилась въ философскую мантию и украсилась метафизическими побрякушками, но не трудно замѣтить, что все это заимствовано ею у мыслителей другихъ народовъ и только скроенное ею по ея собственной мѣркѣ.

Въ еврейскихъ легендахъ мы также замѣчаемъ преобладаніе этическаго элемента, что въ особенности рѣзко проявляется тамъ, гдѣ матеріалъ легенды одинъ и тотъ же у арійцевъ и у евреевъ. То, чему фантазія грековъ придала художественную форму, подъ вліянціемъ еврей-

сваго духа, становится предметомъ этического поученія, содержащаго въ себѣ то предостереженіе, то достойный подражанія примѣръ. Цѣлесообразность еврейскаго племени проявляется не только въ области легенды, но также и въ описаніи историческихъ событій, что уже замѣтно даже въ историческихъ книгахъ Библии, слѣдовательно, въ самой глубокой древности. Событія, случившіяся въ теченіи вѣковъ, перемены въ жизни отдѣльных, выдающихся личностей, равно какъ и судьбы народовъ и государствъ — все это рассматривается съ одной извѣстной точки зрѣнія, въ стройномъ прагматическомъ порядкѣ, и подчиняется одной опредѣленной цѣли. Этотъ телеологическій взглядъ на исторію, перенесенный въ сферу ежедневныхъ событій жизни, порождаетъ наклонность и способность вездѣ искать и находить цѣль и внушаетъ еврею практическое направленіе. Поэтому неудивительно, что у евреевъ еще и нынѣ въ большомъ и частомъ употребленіи слово „Тахлись“ — т. е. цѣль, выводъ, результатъ. Пекущійся о судьбѣ своего дѣтища, нѣжный еврейскій отецъ въ гетто, увѣщевая сына, увлекшагося идеализмомъ Шиллера, говоритъ: „Вѣдь это не Тахлись, дитя мое“, что для него равносильно сотнѣ другихъ аргументовъ.

Телеологическая сторона еврейскаго племени, выражающаяся, какъ мы видѣли, въ избѣжаніи вершинъ чистой абстракціи и метафизики, въ особенной любви къ этикѣ, на сколько она выражается въ формѣ афористической мудрости, въ прагматическомъ пониманіи исторіи и въ

практическомъ направленіи жизни, производитъ весьма любопытное явленіе, которое имѣетъ близкое отношеніе къ методу познанія.

Если внимательно прослѣдить большую часть умственныхъ произведеній евреевъ въ ихъ исходныхъ точкахъ, и подвергать точному наблюденію свободную дѣятельность еврейскихъ мыслителей нашего времени, то мы найдемъ, что живость, быстрая сообразительность, неудержимое стремленіе къ сущности предмета и влеченіе къ практическимъ цѣлямъ заставляютъ евреевъ вступать на путь гипотезъ, ставить общія положенія, чтобы съ помощью ихъ уразумѣть и связать между собою факты — причѣмъ не обходится безъ натянутыхъ объясненій — и предпочитать поэтому дедуктивный методъ изслѣдованія индуктивному. Индуктивный методъ, идетъ впередъ только медленно, не приближаетъ насъ съ каждымъ шагомъ къ удовлетворительному результату и налагаетъ на изслѣдователя обязанность дѣлать многочисленныя опыты, въ успѣхѣ которыхъ онъ вовсе не увѣренъ; индуктивный методъ требуетъ также непоколебимаго спокойствія, стойкой любознательности и терпѣливости въ изслѣдованіяхъ, которыя иногда цѣлые годы остаются безуспѣшными, не принося съ собою ничего, кромѣ разочарованій, онъ требуетъ все большаго и большаго терпѣнія — качество, которымъ еврейское племя не особенно отличается. Оно въ этомъ отношеніи не походитъ на англичанъ, этотъ великій народъ, который произвелъ Бэкона, съ его принципомъ „Hypotheses non fingo“ —

и которому особенно присуща индукція; еврейское племя болѣе сходится съ французами, которыхъ живой умъ и стремительный нравъ влекутъ къ дедуктивному методу, которые, провозгласивъ всеобщія человѣческія права, хотѣли бы на основаніи ихъ преобразовать и устроить всѣ государства, безъ исключенія, и которые только въ недавнее время приобрѣли мощнаго защитника индукціи въ лицѣ главы позитивистовъ, Огюста Конта.

Кромѣ французовъ, еврей, своею склонностью къ дедуктивному способу изслѣдованія, всего ближе подходятъ къ женщинамъ; ибо женщины по природѣ своей—какъ это доказываетъ Бокль въ своемъ изслѣдованіи о вліяніи женщинъ на успѣхи знанія—предпочитаютъ дедуктивный методъ индуктивному. Такъ какъ изслѣдованіе этого превосходнаго англійскаго мыслителя важно для нашего предмета и въ состояніи бросить на него болѣе яркій свѣтъ, то поэтому мы позволимъ себѣ обратиться къ подлиннымъ словамъ его:

„Есть много причинъ“,—говоритъ Бокль въ своемъ „Опытѣ“—„почему женщины предпочитаютъ дедуктивный, и если можно такъ выразиться, идеальный методъ. Онѣ, во-первыхъ, впечатлительнѣе, восторженнѣе и мечтательнѣе мужчинъ, и поэтому живутъ въ идеальномъ мірѣ, между тѣмъ какъ мужчины съ своими болѣе холодными, болѣе твердыми и строгими организаціями—практичнѣе, находятся подъ вліяніемъ фактовъ, которымъ они и приписываютъ высшее значеніе. Вторая причина, почему женщины болѣе склонны къ дедукціи, та, что онѣ въ

большей степени обладают даромъ интеллектуальнаго созерцанія. Они не столь дальновидны, какъ мужчины, но-то, что онѣ видятъ, онѣ видятъ быстро. Поэтому онѣ всегда пытаются сразу постигнуть какую-нибудь идею и разомъ разрѣшить проблему, и этимъ онѣ отличаются отъ индуктивнаго изслѣдователя съ его болѣе медленнымъ и болѣе утомительнымъ восхожденіемъ снизу вверхъ.

Положеніе, что женщины дедуктивнѣе мужчинъ, потому что онѣ быстро мыслятъ, чѣмъ послѣдніе—можетъ многимъ не понравиться, но оно можетъ быть доказано различными способами. Въ самомъ дѣлѣ, ничто не можетъ помѣшать признанію этого положенія, кромѣ того факта, что замѣчательная быстрота мышленія женщинъ, притупляется чрезъ жалкую и пошлую систему, такъ называемаго, воспитанія ихъ, при которой самый полезныя вещи тщательно отъ нихъ скрываются, а навязываются имъ вещи совершенно ничтожныя, такъ что нерѣдко ихъ тонкій и живой умъ повреждается неизлечимо. Вотъ почему у женщинъ низшихъ сословій замѣчается большая живость, чѣмъ у женщинъ высшихъ классовъ.

Эти и еще другія обстоятельства, которыя можно было бы здѣсь привести, какъ напр. присущая женщинамъ способность узнавать характеры, равно какъ и отличающій ихъ тонкій тактъ, доказываютъ, что онѣ дедуктивнѣе мужчинъ, и это по двумъ причинамъ. Во-первыхъ потому, что онѣ живѣе мужчинъ, и во-вторыхъ

потому, что, будучи впечатлительнѣе и восторженнѣе, онѣ живутъ въ болѣе идеальномъ мирѣ, такъ что предпочитаютъ способъ изслѣдованія, исходящаго отъ идей къ фактамъ, предоставляя мужчинамъ противоположный методъ, восходящій отъ фактовъ къ идеямъ.

„Второе мое положеніе состоитъ въ томъ, что женщины, хотя и невольно, оказали наукѣ большую услугу тѣмъ, что онѣ поддерживали и охраняли способность дедукивнаго мышленія, безъ чего люди науки сдѣлались бы слишкомъ индуктивными, а это задержало бы успѣхи нашего знанія“.

Послѣ этого разсужденія Бокля о важности дедукціи для успѣха наукъ, можно смѣло сказать, что еврейское племя, слѣдуя своимъ вражденнымъ наклонностямъ, въ состояніи увеличить количество человѣческаго вѣдѣнія, и что живость его ума, равно какъ его быстрое соображеніе и умѣніе попадать въ *punctum saliens*—что извѣстно въ еврейскихъ кружкахъ подъ именемъ „*mischkol gischon*“, т. е. указать рѣшеніе загадки безъ всякихъ колебаній—еще окажутъ великія услуги развивающимся наукамъ.

Этическая сила этого племени, которая, особенно въ области религіи, выдѣляетъ сверхчувственныя спекуляціи и туманный мистицизмъ, и стремится преимущественно къ этическому выраженію и осуществленію религіозныхъ идей, окажетъ свое благотворное дѣйствіе на прочіе народы и съ теченіемъ времени найдетъ себѣ всеобщее признаніе. Древніе еврейскіе пророки не приглашали своихъ слу-

шателей взбираться на вершины абстрактнаго міра, проникать въ облака непроницаемыхъ таинствъ, а увѣщевали и ободряли ихъ къ осуществленію въ земной жизни высочайшихъ идеаловъ нравственности.

III.

Женственность еврейскаго племени.

По словамъ одной древней еврейской легенды, родоначальникъ человѣчества былъ созданъ въ формѣ гермафродита, другими словами: первый человѣкъ, отъ котораго, по разсказу Библии, произошла женщина, первоначально соединялъ въ себѣ основныя черты мужскаго и женскаго существа, отдѣлившіяся другъ отъ друга впоследствии, по сотвореніи женщины. Въ самомъ дѣлѣ, изученіе различныхъ человѣческихъ племенъ показываетъ, что однимъ изъ нихъ врожденны болѣе мужскіе, а другимъ болѣе женскія качества. Къ числу племенъ, отличающихся болѣе женскими чертами и представляющихъ собою какъ бы женственность между народами, принадлежитъ также еврейское племя*), и параллель, которую мы проведемъ между послѣднимъ и женщиною, должна убѣдить читателя въ истинѣ этого этнографическаго

*) Хотя я далекъ отъ всякихъ физиологическихъ сравненій, однако же замѣчу, что между евреями басы гораздо рѣже встрѣчаются, чѣмъ баритоны.

тезиса. Съ этой цѣлью мы сравнимъ между собою отличительныя черты сердца, ума и воображенія женщины и еврея.

Кто хочетъ изучить своеобразность женщины, тотъ долженъ начать съ ея сердца, составляющаго главный центръ женской жизни; и у еврея сердце тоже образуетъ главный источникъ, изъ котораго протекають его племенные особенности. Какъ женщина, такъ и еврей, по природѣ мягки, кротки и милосерды, потому именно, что ихъ существо имѣетъ свои глубочайшіе корни въ сердцѣ, и отъ него же получаетъ свою пищу; и женщина, и еврей, отличаются самоотверженною преданностью къ семейству и обладаютъ множествомъ домашнихъ добродѣтелей; оба они, наконецъ, легко воодушевляются чувствомъ состраданія и нерѣдко проливають слезы какъ въ печали, такъ и въ радости. Ихъ живое сердце придаетъ имъ много паюса, сильный энтузіазмъ, постоянство, стойкость, мужество и силу сопротивленія, пробуждаетъ въ нихъ надежды, питаемыя и поддерживаемыя ими до тѣхъ поръ, покуда еще видно малѣйшее мерцаніе свѣта, вызываетъ въ нихъ воодушевленіе ко всему возвышенному и могучему, и дѣлаетъ ихъ признательными и благодарными за оказанныя имъ благодѣянія, что въ особенности видно у женщинъ, когда благодѣянія исходятъ отъ мужчинъ, а у евреевъ—когда имъ оказываютъ услуги не-евреи. Эти качества сердца: мягкость, кротость, сострадательность, мужество, постоянство, непоколебимость въ своихъ надеждахъ и пылкое

воодушевленіе соединяются и перенлетаются между собою самымъ возвышеннымъ и прекраснымъ образомъ въ библейскихъ пророкахъ, которыхъ замѣчательное изрѣченіе Мидраша уподобляетъ женщинамъ, и въ рѣчахъ которыхъ слышится сильное біеніе глубоко потрясеннаго сердца. Ни одинъ пророкъ не заканчиваетъ своей рѣчи громоносными словами, поражающими и оставляющими въ страхъ умы; послѣ бури и грозы, пророкъ рисуетъ своимъ слушателямъ свѣтлыя картины, внушаетъ имъ надежду и утѣшеніе. У него не хватаетъ духу отпустить ихъ отъ себя съ гнѣвомъ и неприязнью; подобно матери, онъ, послѣ долгихъ укоровъ и увѣщаній, мягкимъ голосомъ, полнымъ любви, нѣжности и милосердія, старается ихъ успокоить и пролить на нихъ кроткій свѣтъ надежды. Вообще, въ каждой значительной рѣчи пророка, во всей чистотѣ и красотѣ отражаются качества его племени. Полный жизни, паѳоса и вдохновенія, онъ прибѣгаетъ къ заклинаніямъ, вопросамъ, восклицаніямъ, пользуется этими риторическими формами чаще, чѣмъ греческіе и римскіе ораторы, и даже своимъ доказательствомъ онъ придаетъ поэтически-восторженный оттѣнокъ, чтобы воодушевлять и воспламенять своихъ слушателей; тронутый до слезъ, какъ на примѣръ пророкъ Іеремія, онъ потрясаетъ слушателей элегіей, и въ воплѣ разрѣшаетъ свое горе; непоколебимый въ своемъ упованіи, онъ увѣщаетъ быть терпѣливыми и постоянными; и въ радужномъ блескѣ рисуетъ лучшую, свѣтлую будущность!

Но сердце имѣетъ и свои темныя стороны. Кто находится подъ его владычествомъ, тотъ легко вспыхиваетъ, легко дѣлается запальчивымъ, страстнымъ, склоннымъ къ истительности, непоколебимо упорствуетъ въ своемъ предвзятомъ, помраченномъ страстью, мвѣніи, не рѣшается отказываться отъ своихъ взглядовъ въ пользу истины, и въ особенности непримиримъ по отношенію съ себѣ подобными — и всѣ эти мутные осадки сердца встрѣчаются какъ у женщины, такъ и у еврея! Оба они — женщины, въ сравненіи съ мужчинами, и евреи, въ сравненіи съ другими племенами — вспылчивѣе, страстнѣе, упорнѣе и непримиримѣе. Упрямство женщины трудно побѣдить, ненависть ея гораздо сильнѣе, чѣмъ ненависть мужчины; неприязнь ея къ лицамъ собственнаго пола весьма часто неумолима, тогда какъ въ отношеніи мужчинъ она оказывается гораздо примирительнѣе — и всѣми этими женскими слабостями страдаетъ и еврей. Податливый и примирительный по отношенію къ другимъ народамъ, онъ нерѣдко остается твердымъ и непоколебимымъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о прощеніи своихъ одноплеменниковъ или о признаніи своей ошибки. Весьма характеристичны въ этомъ отношеніи два изрѣченія Мидраша. „Царь Давидъ“ — говорится въ Мидрашѣ — „въ 18 псалмѣ потому ударялъ на то, что Богъ спасъ его не только отъ руки его враговъ, но и отъ руки Саула, что еврею имѣть своимъ врагомъ другаго еврея значить имѣть дѣло съ врагомъ упорнымъ и неумолимымъ, превосходящимъ всѣхъ враговъ не-евреевъ, вмѣстѣ взятыхъ!“

Далѣе: „Евреи пребываютъ въ своемъ мнѣніи, и неохотно сознаются въ истинѣ, поэтому то царь Давидъ молилъ Бога, чтобъ Онъ сдѣлалъ его главою народовъ, которые приближаются къ іудейству“. Только тогда, когда весь народъ подвергается нападеніямъ и страдаетъ отъ предразсудковъ, пробуждается сочувствіе отдѣльныхъ членовъ еврейской націи — и въ этомъ еврей опять-таки похожъ на женщину, которая не можетъ относиться равнодушно къ неуважительнымъ отзывамъ обо всемъ женскомъ полѣ, хотя бы съ нею лично и дѣлали исключеніе.

Отъ характеристики сердца перейдемъ къ анализу ума.

Женскій умъ, какъ и еврейскій, благодаря своей стремительности, живости и пылкости, имѣетъ, подобно сердцу, свѣтлыя и темныя стороны. Къ числу первыхъ принадлежатъ раннее развитіе, умѣнье найтись и мгновенно обозрѣть все положеніе дѣлъ, проникательность при обсужденіи чужихъ недостатковъ и собенное присутствіе духа *). Въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ можно видѣть, какъ быстро развиваются умственныя способности женщинъ, а въ еврейскихъ школахъ дѣти поражаютъ тою быстротою, съ которою они различаютъ и соединяютъ понятія. Еврейская легенда рассказываетъ, что патріархъ Авраамъ, трехъ лѣтъ отъ роду уже постигъ болѣе чистую идею божества; подобное образное преданіе возможно только въ средѣ такого племени,

*) Замѣчательные пригѣры присутствія духа показала жена знаменитаго путешественника Самуила Бекера, которая нѣсколько разъ защитила его отъ ярости негритянскихъ племенъ.

члены котораго отличаются поразительно-раннимъ развитіемъ. Многосторонній ученый Леонъ Мадена (род. 1571 г.) рассказываетъ о себѣ, что будучи трехлѣтнимъ мальчикомъ, онъ уже позналъ Бога, понялъ значеніе наукъ и читалъ еженедѣльный отдѣлъ Пятиенижія и Пророковъ съ полнымъ разумѣніемъ. Живость женскаго и еврейскаго ума, располагающая, какъ мы уже сказали выше, женщинъ и евреевъ къ дедуктивному или идеальному способу изслѣдованія, ясно обнаруживается и въ разговорѣ. Безъ долгихъ разсужденій, они вѣрно попадаютъ въ цѣль, и въ преніяхъ отличаются своими импровизованными, мѣткими отвѣтами. И кто можетъ спорить съ женщинами и евреями тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ открытіи слабостей своихъ ближнихъ? У нихъ мѣткій глазъ и острый языкъ, они сразу находятъ точку, удобную для нападенія и столь же скоро произносятъ свой осудительный приговоръ.

Но какъ въ природѣ нѣтъ свѣта безъ тѣни, такъ и умъ этотъ также имѣетъ свои темныя стороны. Онъ не постояненъ въ мышленіи, безсвязенъ въ рѣчи, не знаетъ ни строгой систематики, ни тѣснаго членосопоставленія въ композиціяхъ, и болѣе переимчивъ и подражателенъ; чѣмъ производителенъ и оригиналенъ. Женщины и евреи рѣдко остаются при предметѣ разговора, а большею частью уклоняются отъ него, теряются въ постороннихъ отступленіяхъ, затѣмъ внезапно опять возвращаются къ исходной точкѣ, разрываютъ связующую нить, уничтожаютъ доставляемый имъ для мышленія матеріалъ — и

до сихъ поръ они не отличились никакими произведеніями гениальнаго творчества на поприщѣ наукъ. Но за то они въ значительной степени обладаютъ искусствомъ подражанія и отличаются поэтому въ сценическомъ искусствѣ, такъ что хорошихъ актрисъ относительно больше, чѣмъ хорошихъ актеровъ; что же касается евреевъ, то мы уже выше указали на ихъ сценическія способности.

Наконецъ, фантазія какъ женщины, такъ и еврея восхищается изящнымъ, радужнымъ и блестящимъ, любить то, что бросается въ глаза, что обращаетъ на себя общее вниманіе, и заслуживаетъ себѣ признаніе и одобреніе. Оба, поэтому, имѣютъ замѣчательное влеченіе къ роскоши, любятъ блистать, чувствительны къ похваламъ и любятъ отличаться отъ себѣ подобныхъ и возвышаться надъ ними. Женщина желаетъ нравиться мужчине, а еврей охотно слышитъ похвалу отъ не-еврея. Эта своеобразная фантазія, въ связи съ могучимъ сердцемъ и быстрымъ, подвижнымъ умомъ, вліяетъ также и на художественную дѣятельность какъ женщины, такъ и еврея. Ихъ языкъ исполненъ образности, въ поэзіи они отличаются болѣе на поприщѣ лирическаго, чѣмъ эпическаго и драматическаго искусства, и будущности предстоитъ рѣшить, выйдутъ-ли ихъ произведенія въ пластическомъ искусствѣ за предѣлы обыкновенной талантливости? *)

*) Шнаазе, въ своей «Исторіи образовательныхъ искусствъ», приписываетъ недостатокъ художественныхъ произведеній древ-

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами трехъ точекъ сближенія, есть еще отдѣльныя черты, общія женщипѣ и еврею. Женщины, какъ индивидуы, менѣе отличаются другъ отъ друга, чѣмъ мужчины; равнымъ образомъ и евреи представляютъ менѣе индивидуальнаго разнообразія, чѣмъ члены другихъ народовъ. Племенное родство отдѣльныхъ личностей у евреевъ болѣе тѣсно и однообразно. Жизнь женщины, направляемая сердцемъ, столь же сильно подчинена субъективности, какъ и жизнь еврея. Вопреки своему подчиненному положенію и ограниченной сферѣ правъ, женщины всегда умѣли приобрѣтать вліяніе надъ выдающимися личностями и господствовать какъ въ государствѣ, такъ и въ обществѣ, — а о евреяхъ Рабби Иохананъ въ Талмудѣ (Синедріонъ, 104) говоритъ, что они владѣютъ

нихъ евреевъ ихъ племеннымъ свойствамъ. «Ихъ воображеніе», говоритъ онъ, «слишкомъ подвижно, движенія слишкомъ стремительны, слишкомъ сильны, слишкомъ смѣлы для того, чтобы они могли допустить снокобное созиланіе какого-либо пластическаго произведенія». — Это общее сужденіе можно, впрочемъ, ограничить слѣдующимъ замѣчаніемъ: образы, употребляемые пророками и псалмистами, до того наглядны, что они безъ измѣненія могутъ послужить сюжетомъ для живописца или пластика. Стѣнитъ только сравнить пророчество Исаи (гл. 14) о гибели вавилонскаго царя, или 2-й псаломъ, въ которомъ описывается какъ возстаютъ народы, какъ они шумятъ и бушуютъ, а Богъ въ это время, съ высоты своего престола, спокойно смотритъ и смѣется надъ ними, — и никто не станетъ спорить, что живописцу или скульптору остается только скопировать эту картину для того, чтобы вышло художественное произведеніе. Еврею недостаетъ не артистической концепціи, по спокойствія выполненія ея въ краскахъ или въ мраморѣ. Природа какъ будто хотѣла вознаградить его за этотъ недостатокъ и богато надѣлила его воображеніе живописной и пластической силой.

замѣчательнымъ искусствомъ быть господами своихъ тирановъ. Въ самомъ дѣлѣ, поразительное историческое явленіе представляется намъ въ томъ фактѣ, что евреи въ Александріи, въ Римѣ, въ Испаніи и вообще во всѣхъ странахъ, куда ихъ загоняли, быстро приобрѣтали тайное вліяніе. Даже въ „еврейской улицѣ“, къ которой ихъ приковывали унижительные законы, отдѣльные лица, благодаря своей гибкости и своему благоразумію, дѣлались „господами своихъ тирановъ“. Они такъ хорошо умѣли обращаться съ монархами, государственными людьми и органами исполнительной власти, что всѣ они незамѣтно позволяли евреямъ руководить собою.

Въ великомъ дѣлѣ преобразованія нашего общества не упускаются изъ виду и женщины. Знаменитые люди, дѣятельно и неутомимо стремящіеся къ преобразованію существующаго общественнаго порядка, стараются снять проклятіе, тяготѣющее надъ женщинами и подавляющее ихъ природныя способности; они высказываютъ надежду, что освобожденные отъ гнета и обнаружившіяся способности и особенности женщины, которыя до сихъ поръ бесполезно спали въ ней, окажутъ благотворное вліяніе на успѣхи развитія общества, которое до новѣйшаго времени большею частью зависѣло отъ однихъ мужчинъ. Точно такую же надежду подаютъ и освобожденные отъ оковъ средневѣковаго гнета евреи. Еврейская равноправность въ государствѣ принесетъ прекрасные плоды, которыми будутъ пользоваться всѣ, какъ евреи, такъ и не-евреи.

IV.

Женскій трудъ.

Еврейское племя, съ перваго своего появленія въ исторіи и до нашихъ временъ, заявило себя не теоретически-спекулятивными, но инстинктивно-практическими способностями своими. Его значеніе вытекаетъ изъ его племенныхъ особенностей, и то, что оно производитъ, становится достояніемъ практической жизни. При обстоятельномъ разсмотрѣніи силъ, управляющихъ и подчиняющихъ своему господству наше общество, легко можно убѣдиться, что во всѣхъ областяхъ соціальныхъ стремленій многое, уже давно инстинктивно выработанное евреями, сдѣлалось достояніемъ новѣйшихъ временъ, благодаря лишь побѣдамъ извѣстныхъ теорій. Здѣсь мы ограничимся подтвержденіемъ этого положенія только относительно одного момента — именно, относительно соціального положенія женщины въ области труда.

Какъ въ психическомъ, такъ и въ фізіологическомъ отношеніи, женщина — одна изъ неразгаданныхъ тайнъ творенія, и мнѣнія о томъ, какое мѣсто она должна занимать въ общественномъ организмѣ, далеко расходятся между собою. Еврейское племя издревле смотрѣло на женщину, какъ на примиреніе и разрѣшеніе мужскихъ противоположностей, какъ на творческій синтезисъ дѣйствующихъ въ мужчинѣ антитезисовъ, какъ на пришед-

шія въ спокойное состояніе столкновенія, въ немъ проявляющіяся. Женщина произошла отъ мужчины и носитъ въ себѣ всѣ силы его, но произошла въ то время, когда онъ спалъ, т. е. когда присущія ему противоположности находились въ спокойствіи. Она поэтому сродна, но не равна мужчинѣ, имѣетъ особенную форму бытія, но форму не самостоятельную, не самодовлѣющую, обладаетъ всѣми мужскими силами, но не въ ихъ противодѣйствіи другъ другу. Это еврейское возрѣніе на женщину послужило основой для ея оцѣнки и для устройства ея отношеній и служить объясненіемъ многихъ явленій практической жизни.

Еврейская женщина никогда не была предметомъ рыцарскаго обожанія; ея богатый духовный міръ, глубина ея сердца, ея благородный умъ, полнота ея душевной жизни, мягкость ея существа, неизмѣнность материнской вѣрности—признаны и оцѣнены; болѣе чѣмъ всѣми средне-вѣковыми турнирами, воздававшими честь чувственной сторонѣ женщины, еврейская женщина прославляется пророками, которые изображали самого Бога, „утѣшающимъ народъ свой, какъ мать утѣшаетъ сына“, и возбуждали въ еврейскомъ народѣ упованіе на Господа, „Который столь же мало можетъ забыть его, какъ мать сына“. Трубадуровъ и миннензергеровъ еврейское племя произвело только въ весьма незначительномъ числѣ; но тѣмъ не менѣе „вѣчно женское“, т. е. тѣ благородныя стороны женщины, которыя проявляются при всѣхъ обстоятельствахъ и у всѣхъ народовъ —

чисто женско-человѣческія стороны—всегда и вездѣ возносились и прославлялись еврейскимъ племенемъ. Что осталось отъ обожанія женщинъ средневѣковымъ рыцарствомъ, посвящавшимъ свое вниманіе лишь внѣшней красотѣ, поклонявшимся формѣ, между тѣмъ какъ внутреннія сокровища женщины остались ему совершенно чужды? Оно исчезло, какъ увядшій цвѣтъ, оставивъ лишь нѣсколько сухихъ листьевъ въ пустыхъ формахъ свѣтской вѣжливости; уважаются же нынѣ въ женщинѣ тѣ тонкіе оттѣнки и благородныя движенія, которыя всегда обращали на себя вниманіе еврейскаго племени.

На умственную дѣятельность женщины еврейское племя никогда не смотрѣло съ узкой точки зрѣнія мужскаго высокоштрія. Еврейская женщина является судьейю и въ чрезвычайныхъ случаяхъ руководитъ общественными дѣлами, выступаетъ пророчицей съ громою рѣчью, „открываетъ уста съ мудростью, кроткимъ ученіемъ дышетъ языкъ ея“ (Прит. Солом. 31, 26); она не устранилась, какъ на востокѣ, отъ дѣятельнаго участія въ дѣлѣ своего народа, она не переодѣвается въ мужское платье, и все-таки женскій ораторъ (a female speaker), какъ миссъ Анна Дикинсенъ въ Нью-Йоркѣ, у древнихъ евреевъ надѣлалъ бы мѣтѣ шуму, чѣмъ у практическихъ американцевъ. Исторія еврейской литературы и еврейскихъ врачей посвящаетъ нѣсколько страницъ и женщинамъ.

Религіозныя ученія еврейскаго племени для женщины тѣ же, какъ и для мужчины, различіе установлено только

относительно исполненія религіозныхъ обрядовъ. Многіе говорятъ, что устраненіе этого различія было причиною превосходства не-еврейскаго общества надъ еврейскимъ, что оно повело къ религіозной эманципаціи женщины — теорія, пожалуй, недурная! Только такъ-ли оно въ дѣйствительности? Развѣ мужчина и женщина гдѣ бы то ни было вполнѣ уравниены въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ? Случайно-ли женщины какого бы то ни было вѣроисповѣданія съ благочестивою любовью придерживаются извѣстныхъ религіозныхъ обрядовъ, упускаемыхъ изъ виду мужчинами, равнодушно относясь къ другимъ обрядамъ? Женщина, по природѣ своей, во всѣхъ отношеніяхъ болѣе воспріимчива къ формѣ, болѣе склонна къ опредѣленнымъ формамъ; почему же этому психическому различію не проявляется также въ области религіи?

Трудъ женщины, ея способность къ труду, ея выборъ труда и отношенія ея къ объему общественнаго труда, въ послѣднее время сдѣлались предметомъ подробныхъ социальнихъ изслѣдованій. Въ чемъ долженъ заключаться кругъ дѣятельности женщины? Какой родъ занятій соотвѣтствуетъ ея природнымъ способностямъ? Какимъ образомъ подготовить ее къ будущему ея призванію? На какихъ началахъ слѣдуетъ устроить женскія учебныя заведенія? Возможно-ли направить трудъ женщины такъ, чтобы она была въ состояніи поддерживать семейство, въ случаѣ смерти главы его? Эти вопросы еврейское племя разрѣшило практическимъ пу-

темъ, и еврейская женщина достаточно доказала свою способность къ различнымъ родамъ труда. Въ деревнѣ, въ отсутствіе мужа, въ ея рукахъ находились всё дѣла: покупка и продажа хлѣба, шерсти и фруктовъ, платежи и взысканіе долговъ, хожденіе къ мѣстному судѣ и священнику, бесѣды съ руководителями деревенскаго общественнаго мнѣнія, которыя, хотя не имѣютъ въ себѣ ничего государственнаго, требуютъ, однакожъ, извѣстной дипломатической тонкости, словомъ, по смерти мужа, она умѣла продолжать начатія имъ дѣла. Въ городѣ она была знакома съ мануфактурными издѣліями, умѣла покупать и сбывать ихъ, вела корреспонденцію, записывала активъ и пассивъ, рассчитывала напередъ всё случайности торговли, и еще прежде чѣмъ сдѣланъ былъ опытъ назначенія женщинъ при кассахъ желѣзныхъ дорогъ, еврейская женщина дѣлательно и успѣшно участвовала въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Въ глубокой древности она „помышляетъ о полѣ и пріобрѣтаетъ его“ (Прит. Солом. 31, 16) своимъ собственнымъ трудомъ, а въ наши дни мы встрѣчаемъ много превосходныхъ людей, выкормленныхъ и воспитанныхъ своими овдовѣвшими матерями съ помощью того же самаго рода занятій, который былъ начатъ еще ихъ отцами.

Кто два десятилѣтія назадъ вздумалъ бы распространять кругъ дѣятельности женщины за предѣлы домашняго очага, тотъ подвергся бы обвиненіямъ въ недостатокѣ деликатности и въ оскверненіи германскаго возрѣнія на значеніе женщинъ; теперь же женскій трудъ

составляетъ важную тему для политико-экономическихъ изслѣдованій, и если еврейскія перья мало работаютъ для ея теоретическаго рѣшенія, за то тѣмъ практичнѣе рѣшаютъ ее сами еврейскія женщины. Въ еврейскомъ племени на трудъ смотрѣли, какъ на украшеніе „достойной женщины“, и еще въ настоящее время у евреевъ, которые вовсе не любятъ, подобно германцамъ, безцѣльно философствовать, разсказывается много хорошихъ вещей про „Эшетъ Хайиль“ (славная женщина), которая какъ нельзя лучше осуществляетъ собою добродѣтели еврейскаго племени, еврейское сердце, еврейское милосердіе, семейныя чувства, хозяйственную заботливость, живое радѣніе о доброй славѣ дома и неутомимое прилежаніе.

V.

Оптимизмъ еврейскаго племени.

Не нужно вовсе быть послѣдователемъ Фихте для того, чтобы признать истинность мнѣнія, что особенныя качества, склонности, расположенія и измѣненія каждаго отдѣльнаго „я“ имѣютъ рѣшительное вліяніе на воспріятіе человѣкомъ явленій внѣшняго міра, на установленіе взгляда на земную жизнь и на цѣль ея. Что можно сказать о единичномъ „я“, то оказывается справедливымъ и по отношенію къ цѣлымъ племенамъ.

Оптимизмъ и пессимизмъ не всегда являются продуктомъ философскаго мышленія; по большей части, они бываютъ слѣдствіемъ извѣстныхъ племенныхъ особенностей, которыя, смотря по вліянію климатическихъ и почвенныхъ условій, усиливаются и ослабляются. Объективныя племена, которыя всецѣло предаются впечатлѣніямъ внѣшняго міра, дѣлаютъ ихъ предметомъ протранныхъ и глубокомысленныхъ изслѣдованій и до самозабвенія увлекаются теченіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, — легко склоняются къ пессимистскимъ міровоззрѣніямъ, вслѣдствіе собственнаго печальнаго опыта, вслѣдствіе замѣчаемой повсюду картины бѣдствій и недолговѣчности, которой подвержено все въ мірѣ. Они становятся мрачными, ворчливыми и убѣгаютъ отъ жизни, или въ монастырское уединеніе, или постепенно притупляютъ свои чувства до такой степени, что созидаютъ вокругъ себя скучную, безотрадную пустоту. Индія, съ ея извѣстными объективными племенами, стала поэтому классической почвой пессимизма. Родственныя имъ персидскіе суфты стремленіе избѣгать реальной жизни возвели въ цѣлую систему (см. De Sacy, *Extrait du Journal des Savants*, дек. 1821 и янв. 1822 стр. 16 и мои прибавленія къ исторіи Каббалы I, 77). Эта система различаетъ семь періодовъ въ жизни человѣка, изъ которыхъ первый есть періодъ покаянія, послушанія и божественнаго созерцанія, а послѣдній — періодъ полного исчезновенія или разложенія въ божествѣ. Этотъ послѣдній періодъ есть въ то же время и абсо-

лютное бытіе и небытіе. Они это состояніе сравниваютъ съ каплей воды, которая, падая въ море, теряетъ свое индивидуальное существованіе и за то достигаетъ безконечнаго существованія, отождествляя себя съ моремъ. Субъективныя же племена, которыя находятъ твердую, непоколебимую никакими бурями, опору въ своемъ сильномъ „я“, стремящемся къ удовлетворенію своихъ нуждъ, къ извѣстнымъ удобствамъ въ жизни, къ постоянно увеличивающемуся и цвѣтущему счастью, стоятъ твердо посреди бушующихъ кругомъ волнъ житейскаго моря, даютъ пройти мимо себя всякимъ переворотамъ, не позволяя имъ овладѣть собою, и самой природой предохранены отъ мирового горя, поглощающаго индивидуальное „я“. Еврейское племя, вслѣдствіе дознанной его субъективности, не можетъ имѣть никакой склонности къ пессимистскому мировоззрѣнію.

Еврейскій оптимизмъ, кромѣ того, поддерживается еще двумя причинами: живымъ семейнымъ чувствомъ и свойственной его женственной натурѣ способностью никогда не терять надежды. Кто, какъ еврей, всѣмъ своимъ существомъ, всѣмъ своимъ горячимъ сердцемъ привязанъ къ семейству, тотъ не можетъ сдѣлаться послѣдователемъ мрачнаго франкфуртскаго пустытника Шоппенгауера. Любовь къ своему семейству и сильное желаніе видѣть своихъ дѣтей счастливыми, не позволяютъ ему предаться мрачной мысли, что міръ абсолютно дурно устроенъ и что удѣлъ смертныхъ въ немъ — обманъ и суета. Отецъ и мать отвергаютъ всякую грустную мысль, что дѣти ихъ,

въ которыхъ они привязаны съ такою любовью и которыми они желаютъ всякаго возможнаго счастья, сдѣлаются жертвами дурно устроеннаго человѣческаго порядка. Точно также противится пессимизму способность еврея поддерживать въ себѣ надежду на лучшія времена; еврей никогда не отчаявается, покуда на горизонтѣ жизни видно хоть малѣйшее мерцаніе свѣта.

Этотъ оптимизмъ еврейскаго племени проявляется въ его религіи, литературѣ и исторіи.

Совершенно основательно говоритъ Шоппенгауеръ, что „главное различіе между религіями заключается въ ихъ оптимизмѣ и пессимизмѣ, а не въ монотеизмѣ, политеизмѣ, тримурти, пантеизмѣ или атеизмѣ (какъ буддизмъ). Вслѣдствіе этого Вѣтхій Завѣтъ и Новый Завѣтъ діаметрально противоположны другъ другу и соединеніе ихъ производитъ удивительнаго центавра. Вѣтхій Завѣтъ есть представитель оптимизма, между тѣмъ, какъ Новый Завѣтъ—представляетъ собою пессимизмъ.“ Еврейская религія, которая, какъ уже нами замѣчено, начинается предположеніемъ, что народъ, которому она передается по своей природѣ, соотвѣтствуетъ всѣмъ условіямъ, требующимся для ея пониманія и охраненія, — эта религія представляетъ первое неоспоримое свидѣтельство о внутреннемъ оптимизмѣ еврейскаго племени. Исторія міросотворенія, которая составляетъ введеніе и основу пятикнижія, оканчивается словами: „И видѣлъ Богъ все сдѣланное имъ, и было все хорошо.“ Глав-

ный отдѣлъ Моисеева законодательства, которое представляет собою замѣчательную смѣсь идеализма съ реализмомъ, занимается земными отношеніями, стремится устроить человѣческую жизнь на землѣ на прочныхъ основахъ справедливости и милосердія, любви и братства, на радость и утѣшеніе всѣмъ приверженцамъ его, и общаетъ послушнымъ земное вознагражденіе. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характеристично слѣдующее изрѣченіе Моисея: „Законъ, который я нынѣ даю тебѣ, не скрытъ отъ тебя, не далекъ отъ тебя. Не на небесахъ онъ, чтобы можно было отговориться, кто за насъ взойдетъ на небо, возьметъ его, научить насъ и мы его послушаемся! И не за моремъ онъ, чтобы можно было сказать: кто за насъ поѣдетъ за море, привезетъ намъ его, научить насъ и мы его послушаемъ. Но близко тебѣ это слово, на твоёмъ языкѣ оно, и ты можешь исполнять его.“ Это изрѣченіе требуетъ отъ евреевъ слова, чувства и дѣла въ пользу іудейства, и дѣлаетъ его идеально-реальной религіей, отличающейся отъ христіанскаго спиритуализма и удаляющей отъ себя всякій пессимизмъ. Пророки—это оптимистическіе ораторы, которые въ своихъ рѣчахъ на первомъ планѣ выставляютъ возможность нравственнаго совершенства земной дѣятельности, спасаютъ руководимый ими народъ отъ желѣзной руки отчаянія и поддерживаютъ его надеждой на прекрасную и лучшую будущность. Мессіянская идея, которую они проповѣдуютъ съ такимъ вдохновеніемъ и въ такихъ увлекательныхъ выраженіяхъ, составляетъ

гранитную скалу еврейскаго оптимизма, о которую разбиваются волны житейскаго моря, горе и печаль, нужда и бѣдствія, такъ часто ввергающія душу человѣческую въ пропасть пессимизма. На этотъ-то гранить пророки указываютъ, когда горизонтъ еврейскаго народа омрачается грозными тучами, предвѣщающими близкое несчастье. Такимъ образомъ, основныя начала еврейской религіи дали богатую пищу оптимистическимъ склонностямъ еврейскаго племени и предохранили его отъ мрачныхъ видѣній пессимизма, которыя убиваютъ свѣжую, цвѣтущую жизнь и безъ пощады отнимаютъ у человѣка всякую надежду на лучшія времена, между тѣмъ какъ другія религіи внушаютъ своимъ послѣдователямъ презрѣніе ко всему земному и представляютъ имъ утѣшеніе только въ уединеніи монастырей.

Литература библейскаго періода представляетъ намъ двѣ книги, весьма важныя для насъ во многихъ отношеніяхъ: книгу Іова и Когелетъ, или Соломонову мудрость. Іовъ, хотя и идумейскій выходець, но получилъ гражданство въ Іудеѣ по книгѣ, носящей его имя и составляющей часть Св. Писанія, пессимистъ, но пессимистъ совершенно особеннаго рода. Не мировое горе, не картина всеобщихъ бѣдствій, не скоротечность земнаго счастья возмущаютъ его, не они вырываютъ его изъ тихой, спокойной жизни и вызываютъ у него жалобы на превратности міра, а его собственное горе, его личное печальное положеніе. Обладатель богатыхъ стадъ, окруженный цвѣтущимъ семействомъ, уважаемый и почитае-

ний своими согражданами, наслаждаясь полнымъ здоровьемъ,—Ювъ никогда не впадаетъ въ пессимистское расположеніе духа, уста его не произносятъ ни одной жалобы даже тогда, когда онъ со всѣхъ сторонъ получаетъ извѣстія о бѣдствіяхъ, поражающихъ его семейство; ни одного грустнаго слова разочарованія не вырывается у него при видѣ несчастія, постигающаго столько добрыхъ людей. Только тѣлесная боль, которая постигаетъ его самаго, въ состояніи поколебать его спокойствіе, возстановляетъ его противъ міроваго порядка и вызываетъ у него пессимистскія рѣчи. Но даже и тогда, когда изъ устъ его вырываются горькія жалобы, онъ имѣетъ въ виду свою собственную судьбу, исторію своей собственной жизни. Только изрѣдка являются у него порывы, возвышающіеся до общихъ разсужденій о превратностяхъ человѣческой жизни, какъ напр. въ гл. 14: „Смертный, отъ женщины рожденный, недолговѣченъ и удрученъ горемъ; какъ цвѣтокъ вырастаетъ онъ и увядаетъ, исчезаетъ, какъ тѣнь и—слѣда нѣтъ“. Его собственное „я“, его судьба, его горе, его страданія, его бессонныя ночи—вотъ что составляетъ центръ его мрачныхъ мыслей. Особенность этого пессимизма ярче всего выказывается тогда, когда онъ; при появленіи Бога, пристыженный переходитъ въ состояніе тихаго подчиненія судьбѣ, между тѣмъ какъ еще недавно, онъ дерзко возставалъ противъ дѣйствительности, дурнаго и несправедливаго міроваго порядка. Въ сущности нетрудно замѣтить, что весь Ювскій пессимизмъ имѣетъ оптимистиче-

скую подкладку. Вся книга эта есть ничто иное как самый торжественный протестъ противъ пессимистскаго мировоззрѣнія. Друзья Іова тщательно стараются доказать ему справедливость постигшаго его несчастья, появленіе Бога совершенно уничтожаетъ его пессимистскіе порывы и весь разсказъ заканчивается возвысившимся земнымъ счастьемъ самого Іова.

Въ книгѣ Когелетъ, или Соломонова мудрость, представляется болѣе широкій кругозоръ; не тягость личныхъ несчастій и неудачъ возмущаетъ ея автора и не она приводитъ его къ недовольству земными порядками и грустнымъ размышленіямъ о всеобщемъ бѣдствіи на землѣ. Лице, дѣйствующее и философствующее въ книгѣ — царь, который въ избыткѣ обладалъ всеми благами жизни, составляющими обыкновенно ближайшую цѣль смертныхъ. „Чего желали глаза мои“, признается дѣйствующій здѣсь царь, „ни въ чемъ я имъ не отказывалъ, ни отъ какой радости не удерживалъ я своего сердца“. Первое изрѣченіе вырвавшееся изъ устъ Когелета: „Суета суетъ, всяческихъ суетъ суета, все суета!“ грозно несетъ по цвѣтушимъ нивамъ жизни и превращаетъ прекрасный, радужный міръ въ опустошенную печальную пустыню. И при всемъ томъ, и въ этотъ мыслитель всепрезирающій пессимизмъ не одерживаетъ верхъ. Сквозь мрачныя облака его грустныхъ размышленій, какъ молніи просвѣчиваютъ оптимистическія вставки и противорѣчія; мы видимъ, какъ уста Когелета, то судорожно стягиваются горькой ироніей, то раскрываются для мяг-

вой, доброй улыбки; глаза его, то проливаютъ горькія слезы надъ скоротечностью всего живущаго, то сіяютъ радостью при видѣ мирнаго счастія. Мы видимъ, какъ духъ пытливаго изслѣдованія готовитъ ему безъименныя страданія, какъ онъ иногда, въ своемъ странствіи по всѣмъ областяжъ жизни, съ удовольствіемъ отдыхаетъ, встрѣчая разбросанныя по ней свѣтлыя точки, и какъ онъ, наконецъ, обрѣтаетъ точку опоры въ умѣренности въ наслажденіи мирскими благами и въ достигнутомъ, послѣ продолжительной борьбы, самоограниченіи, и освобождается отъ безутѣшнаго пессимистскаго хаоса. Такимъ образомъ и Кегелетъ, воззрѣнія котораго носятъ на себѣ отпечатокъ чужестраннаго вліянія, не удаляется совершенно и на всегда отъ добраго генія своего племени и не становится добычею пессимизма.

Въ нѣкоторыхъ псалмахъ также иногда слышатся жалобы на творящіяся на землѣ насилія и на народныя бѣдствія; но это только минутные порывы, которые обыкновенно утихаютъ при воспоминаніи о Богѣ. Въ „Притчахъ“ говоритъ и дѣйствуетъ практическая мудрость, которая научаетъ читателя умѣнно пользоваться настоящимъ, и поэтому возвращается въ сферѣ оптимистическихъ воззрѣній на жизнь.

Въ побиблейской литературѣ, въ періодъ среднихъ вѣковъ, представителями пессимистскихъ воззрѣній являются поэты; между ними въ особенности отличается Іеда-га-Пенина Бедареси (въ началѣ XIV вѣка), который въ своей, выдержавшей множество изданій, книгѣ

„Бехиноть-Оламъ“ (Испытаніе міра) рисуетъ всю жизнь съ самой мрачной стороны. Но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Тяжелыя времена вызвали грустное настроеніе этихъ поэтовъ, которое однако быстро снимается при малѣйшемъ мерцаніи свѣтлаго луча надежды на освобожденіе. Идея впрочемъ болѣе риторъ, чѣмъ поэтъ; кто въ состояніи написать длинное стихотвореніе, каждое слово котораго начинается одной и той же буквою (М), тотъ, по всей вѣроятности, не слишкомъ предавался міровому горю. Искусственно-внѣшняя отдѣлка стиха несомнѣтна съ потрясающей печалью о быстротечности всего земнаго!

Наконецъ еврейскій оптимизмъ проявляется во всемъ его величій въ исторіи еврейскаго племени, страницы которой рассказываютъ такъ много о ненависти и гнетѣ народовъ и рисуютъ одну изъ самыхъ ужасныхъ историческихъ драмъ. Никакое бѣдствіе, какъ бы оно велико ни было, не въ состояніи было привести весь народъ въ пессимистское отчаяніе. Полный надеждъ и вѣры въ свое освобожденіе, онъ высоко поднимался послѣ преслѣдованій, осматриваясь кругомъ оптимистическимъ окомъ своего племени. Еврейское племя — это второй Іовъ въ семьѣ народовъ, оно переноситъ безконечныя мученія даже отъ друзей своихъ, которые постоянно упрекали его въ его прегрѣшеніяхъ; но послѣдній актъ той всемірно-исторической драмы, въ которой оно фигурируетъ въ качествѣ главнаго героя, оканчивается въ его пользу. Его оптимизмъ не обманулъ его!

VI.

Исключительность (партикуляризмъ) и всеобщность (универсализмъ) еврейскаго племени въ библейскую и по-библейскую эпоху.

Соединеніе этихъ двухъ противоположностей, которое помогло еврейскому племени сдѣлаться однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ историческихъ народовъ и которое разрѣшаетъ многія кажущіяся противорѣчія въ его жизни, заслуживаетъ того, чтобы мы изучили его нѣсколько обстоятельнѣе, чѣмъ мы это сдѣлали въ первой главѣ. Мы постараемся здѣсь по возможности прослѣдить всѣ его нравственныя измѣненія.

Этотъ контрастъ замѣчается въ каждой изъ трехъ главныхъ частей Библии, но такимъ образомъ, что въ одной сильнѣе выступаетъ партикуляристическій, а въ другой универсалистическій элементъ. Первый въ особенности рѣзко выдается въ Пятикнижii; но представлять его съ абсолютно партикуляристической точки зрѣнія, какъ нерѣдко дѣлаютъ противники еврейскаго племени, значитъ совершенно не понимать его сущности. Историческая часть Пятикнижii занята разсказами о событіяхъ изъ жизни не одного только еврейскаго народа; она начинается съ изображенія сотворенія міра и человѣка вообще, и съ исчисленія всѣхъ племенъ и народовъ. Первая глава Бытія, заключающая исторію міросозданія, и десятая, представляющая таблицу народовъ, служатъ какъ

бы вступленіемъ въ Пятикнижіе и являются вмѣстѣ съ тѣмъ торжественнымъ протестомъ противъ узкаго партикуляризма и несомнѣннымъ опроверженіемъ одностороннихъ историковъ, которые въ священнѣйшей книгѣ еврейскаго народа не видятъ ничего, кромѣ узкой исключительности. Законодательная часть Пятикнижія имѣетъ въ виду ближайшимъ образомъ только народъ еврейскій и занимается устройствомъ его общественнаго и государственнаго быта; но, тѣмъ не менѣе, совершенно несправедливо было бы видѣть въ Моисеевомъ законѣ одно только поощреніе партикуляристическихъ стремленій еврейскаго племени. Въ этомъ законѣ нѣсколько разъ повторено предписаніе любить чужеземцевъ, не обижать, не угнетать ихъ, позволять имъ участвовать въ празднествахъ и въ пользованіи произведеніями земли. Это предписаніе обливаетъ яркимъ лучемъ свѣта исключительный характеръ Моисеева закона, согрѣвая и смягчая сердца тѣхъ, для кого законъ этотъ предназначенъ. Народъ, которому наказано любить чужестранцевъ, никогда не можетъ впасть въ узкую, отталкивающую исключительность. Богъ Израиля не есть абсолютно національный и строго партикуляристическій — онъ Богъ всего человѣчества, и какъ отецъ возложилъ на одного изъ своихъ сыновей, на первенца, который долженъ идти впередъ другихъ дѣтей, особенную миссію. Уже въ началѣ второго вѣка, одинъ изъ еврейскихъ законоучителей замѣтилъ, что еврейскій символъ вѣры „Адонай есть намъ единый Богъ“, означаетъ только,

что Богъ Израилевъ есть Богъ всего живущаго и что всеобщее признаніе Его совершится черезъ посредство еврейскаго народа.

Но въ особенности въ Книгѣ Пророковъ, рѣчи которыхъ заключаются во второй части Библии, универсализмъ прорывается съ силою бурнаго потока. Времена Мессіи, возвѣщаемыя въ нихъ восторженными, полными надежды, словами, увлекають всѣ народы земли въ кругъ еврейскихъ вѣрованій и ниспровергають стѣны, отдѣляющія Израиля отъ остальнаго человѣчества. Обнимаемая пророческимъ взоромъ широчайшій горизонтъ, они устремляютъ его также и на великіе и мелкіе народы Азіи, изображая будущія судьбы ихъ въ пламенныхъ рѣчахъ, соперничающихъ между собою въ богатствѣ образовъ. Пророки Исаія и Іеремія открываютъ намъ элегическія струны своего сердца, звучащія подобно арфѣ и лютнѣ, когда они вынуждены предрекать гибель Моаву. Правда, пророкъ никогда не позабываетъ, что онъ сынъ своего народа, посланникъ Бога Израилева и вождь своего племени, но въ немъ еврейскій партикуляризмъ и человѣческій универсализмъ соединяются и становятся единымъ духомъ. Рядомъ съ пророкомъ стоитъ священникъ, хранитель закона, строго соблюдающій и истолковывающій его. Силы, которыми онъ дѣйствуетъ, суть память и разумъ, упражняемые на данномъ предметѣ, который можетъ быть развитъ не иначе, какъ путемъ строгихъ логическихъ выводовъ и опредѣленныхъ правилъ; поэтому священникъ заботливо и трезво, какъ адвокатъ

религій, охраняеть главнымъ образомъ партикуляристическую сторону ввѣреннаго его надзору ученія.

Мудрено-ли, что, какъ мы увидимъ впоследствии, изъ этой холодной умственной дѣятельности священника развился юридическій методъ, не отступающій отъ буквы, изощренный до безконечности въ своихъ умозрѣніяхъ, казуистически истолковывающій движенія сердца и схоластически относящійся къ требованіямъ ума? У пророковъ же, напротивъ того, господствуетъ фантазія съ ея универсальными крыльями, уносящими за предѣлы замкнутаго міра на высоты, откуда взоръ свободно устремляется въ даль; у пророковъ дѣйствуетъ сердце, отвергающее, подъ наплывомъ чувства и страстей, всякія партикуляристическія стѣсненія и препятствія. Христіанство развилось изъ пророческаго универсализма, но расширило его стремленія до отрицанія всякихъ различій, происходящихъ отъ характера племенъ и отъ разнородныхъ вліяній, обуславливающихъ ихъ національный бытъ. Католицизмъ отказался признать даже разумные элементы партикуляризма и обратился къ первобытному чловѣку, существующему въ идеѣ, но не въ дѣйствительности. Слѣдствіемъ этихъ крайностей, не признающихъ реальныхъ основъ чловѣчества, было то, что католицизмъ, впоследствии, принялъ въ себя языческіе элементы, которыхъ держались народы, поплатился расколомъ за прервѣніе къ національно-партикуляристическимъ инстинктамъ въ чловѣкѣ и вѣчно долженъ былъ вести борьбу съ народными стремленіями. Пророки, при всемъ своемъ

универсализмъ, говорятъ о народахъ, какъ объ отдѣльныхъ группахъ человѣчества, признають, какъ историческій фактъ, раздѣленіе ихъ на націи и отдѣльныя общества, и далеки отъ созиданія идеальнаго царства на развалинахъ этихъ великихъ историческихъ формаций. Ихъ царство отъ мира сего, поэтому ихъ фантазія сохраняетъ извѣстную мѣру, и душа ихъ не стремится въ безпредѣльную, туманную даль.

Третья книга Библии почти сплошь имѣетъ характеръ всеобщности, за исключеніемъ ея историческихъ отдѣловъ. Правда, нѣкоторые изъ псалмовъ имѣють исключительно національный отгвнокъ, но это собраніе нѣсноувнй принадлежитъ различнымъ эпохамъ и различнымъ авторамъ; въ нихъ отражаются самыя разнообразныя, частью личныя, частью національныя настроенія; однако, многіе изъ нихъ возвышаются до универсальной точки зрѣнія. Притчи, принаровленные къ общему строю человѣческой жизни и служащіа совѣтомъ въ разнообразныхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности, чужды всякаго исключительнаго характера. Мало того, въ 8 главѣ мы встрѣчаемъ философскія размышленія, не подходящіа подъ еврейскія воззрѣнія и олицетворяющія мудрость, проявляющуюся въ законахъ вселенной. Исторія Гоа—это не только чисто человѣческая исторія, объясненіе и оправданіе страданія на землѣ, но и самое мѣстодѣйствіе ея внѣ Іудей; дѣйствующія въ ней лица—идуеяне. Въ Пѣсни Пѣсней воспѣвается чистая и цѣломудренная любовь, и пытливый глазъ Коге-

лета, уста котораго ни разу не произносятъ имя Адонай, изучаетъ жизнь и дѣятельность человѣка на всѣхъ точкахъ земли. Даже книга Даниила заключаетъ въ себѣ рѣзко выдающійся универсалистическій элементъ; его исторія распадения всемирныхъ монархій громко свидѣтельствуетъ о его дальновидномъ универсалистическомъ взглядѣ. Такимъ образомъ, библейскія книги составляютъ удивительное соединеніе національнаго партикуляризма съ чисто человѣческимъ универсализмомъ, и такъ какъ онѣ вліяютъ на все пооднѣйшее развитіе еврейскаго племени, то оно измѣняется смотря потому, исходитъ ли оно изъ того, или другаго момента Библии.

И дѣйствительно, мы, въ талмудическую эпоху, встрѣчаемъ въ умственномъ развитіи еврейскаго народа два главныхъ направленія, представляющія, одно—исключительность, другое—всеобщность. Это—Галаха и Гагада. Галаха растолковываетъ и развиваетъ національный законъ, какъ священникъ, съ холоднымъ и трезвымъ разсудкомъ, склоннымъ къ эгоизму не только личному, но и народному; свои задачи рѣшаетъ она съ помощью логики и герменевтики и естественно усиливаетъ партикуляристическое сознаніе. Гагада, напротивъ того, вступаетъ на путь философіи, украшается цвѣтами поэзіи, изучаетъ творенія природы, защищаетъ евреевъ отъ нападеній другихъ народовъ, порицаетъ слабости и пороки націй, разсуждаетъ о семейныхъ дѣлахъ, о превратностяхъ человѣческой судьбы, старается ободрить опечаленныхъ, поднять приниженныхъ, остановить

потокъ человѣческихъ страстей, и возжечь въ сердцахъ любовь къ прекрасному и нравственному—словомъ Гагада, обращаясь, подобно пророкамъ и поэтамъ, въ сердце и воображенію человѣка, поощряетъ чувство всеобщности и доставляетъ ему обильную пищу. Въ кабинетѣ Галахистовъ остаются, съ теченіемъ времени, однѣ увядшія категоріи и высохшія схемы, тогда какъ въ саду Гагады цвѣтетъ золотое дерево жизни и приноситъ драгоценные плоды.

Въ эпоху, слѣдовавшую за талмудической, въ которую господствовали эти двѣ силы—Галаха и Гагада—арабская философія внесла въ еврейское племя новый элементъ броженія, а такъ какъ философія вообще беретъ предметомъ для своихъ умозрѣній природу или духъ, такъ какъ она носитъ широкую мантию, а не узкій національный костюмъ, и выступаетъ смѣло и свободно, то и вліяніе арабской философіи на евреевъ направило ихъ къ универсализму. Дѣйствительно, философская мысль вызвала въ исторіи развитія народовъ въ высшей степени важный общечеловѣческой элементъ. Въ XII вѣкѣ, Іегуда га-Леви и Маймонида высказали мнѣніе, что христіанство и магометанство предшествуютъ будущей всемірной религіи, что въ нихъ кроются зачатки великаго религіознаго синтеза, имѣющаго обнять всѣ народы. Такая широкая мысль могла родиться только въ головѣ философа.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами литературныхъ матеріаловъ, для полноты нашего обзора, слѣдуетъ упомянуть

еще о двух моментах еврейской жизни: о торговлѣ и разбросанности еврейскаго племени. Торговля, служа съ одной стороны эгоистическимъ цѣлямъ, съ другой образуетъ сильную связь между націями, сближаетъ ихъ и, посредствомъ частыхъ сношеній, сглаживаетъ рѣзкія племенные различія. Торговый народъ, не привязанный, подобно земледѣльческому, къ извѣстному клочку земли, расширяетъ свой кругозоръ и смягчаетъ національную рѣзкость. Торговлѣ, къ которой принудила ихъ необходимость, евреи обязаны тѣмъ, что въ нихъ племенномъ характерѣ развилось общечеловѣческое влеченіе. Наконецъ, разбросанность по всемъ странамъ свѣта, вмѣстѣ съ сознаніемъ, что у нихъ нѣтъ родины—сознаніемъ, постоянно возбуждаемымъ нетерпимостью другихъ народовъ, хотя и препятствовали имъ полному сліянію съ другими націями, но, съ другой стороны, не дали выработаться въ нихъ и рѣзкой исключительности, которой способствуютъ замкнутая территория и отдѣльный бытъ. Вообще, въ тѣхъ странахъ, гдѣ евреи были принуждены жить въ отдѣльных частяхъ города, подъ управленіемъ своихъ старшинъ или раввиновъ, исключительность развивалась въ нихъ сильнѣе, но эта исключительность не могла пустить слишкомъ глубокіе корни уже потому, что кругъ ея развитія былъ всегда слишкомъ мелочень и положеніе слишкомъ не обезпечено. Неопредѣленность, неустойчивость условій жизни плохо содѣйствуютъ живучести партикуляризма.

VII.

Алфавитъ.

Да не подумаетъ читатель найти въ подлежащей главѣ лингвистическое или палеографическое изслѣдованіе; еврейскій языкъ и его своеобразная исторія будутъ здѣсь разсматриваться только какъ матеріалъ для характеристики еврейскаго племени.

По Ольсгаузену (О происхожденіи алфавита) и Гитцигу (Изобрѣтеніе алфавита), честь одного изъ важнѣйшихъ, вліятельнѣйшихъ и остроумнѣйшихъ изобрѣтеній человѣческаго ума принадлежитъ евреямъ, а не финикіянамъ. Гитцигъ заключаетъ свое изслѣдованіе слѣдующими словами: „Если изобрѣтеніе это дѣйствительно принадлежитъ народу израильскому, то онъ познаніемъ разумнаго, отдѣльнаго отъ міра божества, не только отдѣлилъ духъ отъ природы вообще, но; путемъ такой же абстракціи, выдѣлилъ его, въ языкѣ, изъ непосредственной связи съ неосмысленной жизнью“.

Съ этнографической точки зрѣнія, это мнѣніе представляется весьма основательнымъ. Алфавитъ образовался изъ упрощенія сложныхъ египетскихъ іероглифовъ, а къ подобной операціи—къ очищенію и разъясненію запутанной системы письменности—еврейское племя выполнѣ способно. Что прежде выражалось фигурой, стало теперь выражаться абстрактными звуками

и единичными знаками. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о времени, въ которое сдѣлано это изобрѣтеніе, равно какъ и о правѣ собственности на него, мы должны, однако-же, допустить, что во всякомъ случаѣ еврейское племя прежде всѣхъ имъ воспользовалось, прежде всѣхъ усвоило себѣ эту важную основу цивилизаціи, что можетъ служить яснымъ доказательствомъ его способности къ образованію и прогрессу. Мало того, безъ алфавита, безъ упрощенной системы письменности, не могла осуществиться его религія, и не могъ удовлетвориться его дѣятельный индивидуализмъ. Въ Египтѣ не было религіи, основанной на идеальномъ равенствѣ людей, такъ какъ одни только жрецы были посвящены въ религиозныя таинства; тамъ не было индивида, не было проявленія личности, а всякій имѣлъ значеніе только какъ членъ своей касты.

Этимъ отношеніямъ соотвѣтствовали и іероглифы, которые были доступны однимъ только жрецамъ, но не употреблялись въ обыденной жизни народа. Еврейская же религія была доступна каждому индивиду, она была понятна всякому простому израильтянину, отъ котораго требовала, чтобы онъ читалъ и списывалъ законы, и потому она нуждалась въ алфавитѣ, въ простой письменной системѣ; которую всякій могъ бы легко понимать. Индивидуализмъ и субъективность стремятся къ свободному развитію своего „я“, которому существенно способствовать письменность. Кто не умѣетъ писать, тотъ лишенъ части своей индивидуальности; у того не до-

стаетъ средства управлять своими мыслями, приводить ихъ въ порядокъ, сосредоточивать ихъ и, такъ сказать, находить свое второе „я“. Прекрасны и характеристичны слѣдующія слова Гагады: „Двадцать двѣ буквы алфавита блистаютъ и пылаютъ огнемъ въ міровой коронѣ, украшающей божество“ (сравни мой „Ветъ га-Мидрашъ“ III, 50).

Въ еврейскомъ языкѣ согласная буква представляетъ стойкій, а гласная—подвижной элементъ; первая выражаетъ понятіе, сущность, ядро, объектъ явленія, а послѣдняя означаетъ оттѣнки, тонкія различія, тонъ и цвѣтъ *). Еврейское племя, слѣдуя своей стойкости, и побуждаемое живою субъективностью и остроуміемъ, удовольствуется знаками для обозначенія лишь согласныхъ, предоставляя обозначеніе оттѣнковъ гласными субъективной энергіи и дѣятельности ума.

Еврейскій алфавитъ имѣетъ своеобразную исторію, которую мы изложимъ въ общихъ чертахъ, для характеристики еврейскаго племени.

Нерѣдко высказывается мнѣніе, что женщина въ средѣ еврейскаго племени занимала низкое положеніе и что только новѣйшими религіями указано ей надлежащее мѣсто—и все-таки этимъ племенемъ сочинена древнѣйшая пѣснь о доблестной женщинѣ, заканчивающая собою Притчи Соломона! Пѣснь эта составлена въ ал-

*) Въ кабалистическихъ сочиненіяхъ Багиръ и Согаръ, в еще до нихъ Абрамомъ Ибнъ-Эзроп, согласныя уподобляются тѣлу, а гласныя—душѣ.

фавитномъ порядкѣ, т. е. буквы алфавита, по порядку, образуютъ начало стиховъ. Это, вѣроятно, сдѣлано съ тою цѣлю, чтобы ее легче можно было выучить наизусть, такъ какъ память тутъ находить опору въ алфавитномъ порядкѣ,—а это составляетъ древнѣйшее мненоническое вспомогательное средство евреевъ.

Еще во времена пророка Іереміа, въ Іудеѣ извѣстно было искусство расшифрованія, съ которымъ халдеи, какъ видно, не были знакомы, такъ какъ пророкъ, опасаясь сѣверной державы, употреблялъ въ своихъ рѣчахъ слово *lwkmi* вмѣсто *csdim* (*casdim*, халдеи), и прибѣгалъ къ переложенію буквъ *J*, вмѣсто *c*, *b* вмѣсто *s*, и т. д.). Этотъ же пророкъ написалъ свои элегіи о разрушеніи Іерусалима въ алфавитномъ порядкѣ, чтобы народъ сохранилъ ихъ въ памяти.

Къ Гиллелю разъ явился язычникъ съ просьбою принять его въ лоно іудейства, съ тѣмъ однакожъ, чтобы ему не нужно было признавать устный законъ — традицію. Еврейскій мудрецъ въ первый день сталъ преподавать ему еврейскій алфавитъ въ обыкновенномъ порядкѣ; на слѣдующій же день въ обратномъ порядкѣ. Это крайне удивило язычника. „Вѣдь это совсѣмъ не то, что я слышалъ отъ тебя вчерашній день!“ воскликнулъ онъ. „Вотъ видишь-ли“, возразилъ мудрый рабби, „ты ссылаешься на мое вчерашнее устное ученіе, а между, тѣмъ отказываешься принять мое устное поясненіе закона!“

Талмудъ рассказываетъ, что въ еврейскихъ элементар-

ныхъ школахъ названіе и форма буквъ алфавита истолковывались и объяснялись въ этическомъ смыслѣ, а объясненіе это — кратчайшій катихизисъ благотворительности, которая внушалась еврейскимъ дѣтямъ уже въ ранней ихъ молодости.

Рабби Симеонъ бенъ-Лакишъ — рассказываетъ далѣе — замѣтилъ, что изъ первой, средней и послѣдней буквъ алфавита составляется слово „правда“ (эметъ); изъ этого можно заключить, что рабби Симонъ былъ рѣшительнымъ противникомъ Талейрана, который, какъ извѣстно, утверждалъ, что человѣку данъ языкъ для того, чтобы онъ скрывалъ свои мысли.

Пнеагорейцы считали число началомъ міра. Одинъ еврейскій мудрецъ воспользовался для этой цѣли алфавитомъ, и сочинилъ въ этомъ духѣ книгу Іецира, которая, кромѣ декады, приводитъ еще 22 еврейскихъ буквы для объясненія и приведенія въ органическую связь законовъ и явленій міра. Этимъ, впоследствии, воспользовались каббалисты.

Массореты сосчитали стихи и буквы пятикнижія, чтобы предохранить его отъ поддѣлки *).

*) Любопытно въ высшей степени, что и индейцы знаютъ нѣчто въ родѣ массоры. Л. Гейгеръ («Происхождение и развитие человѣческаго языка и разума» I, 470) говоритъ слѣдующее: «Всякому должно показаться страннымъ то поразительное сходство между приемами индейцевъ при составленіи Пратисаки и Анукрамани и приемами массоретовъ. Мысль сосчитать части священной книги, начиная съ стиховъ и кончая элементами словъ, безъ сомнѣнія, составляетъ нѣчто такое, вторичное появленіе чего должно возбуж-

Какое терпѣніе и какой піэтизмъ!

Въ праздникъ пятидесятницы — такъ рассказываетъ рабби Елеазаръ изъ Воргиса — начиналось обыкновенно обученіе дѣтей чтенію. Преподавали имъ алфавитъ въ прямомъ и обратномъ порядкѣ, и затѣмъ давали лизать намазанныя медомъ буквы. Всякое еврейское дитя такимъ образомъ выучивалось читать. Даже въ наше время нѣтъ народа, кромѣ еврейскаго, всѣ члены котораго, безъ исключенія, умѣли-бы читать по крайней мѣрѣ на одномъ языкѣ. Этому господствовавшему обычаю обязанъ своимъ происхожденіемъ Мидрашъ, истолковывающій буквы алфавита, и особенно прославляющій данную въ пятидесятницу Тору. Это алфавитный Мидрашъ рабби Акибы.

Подобно тому, какъ въ библейскую эпоху пѣснь о доблестной женщинѣ, многіе псалмы и элегіи Іереміи

дать удивленіе. И цѣль въ обоихъ случаяхъ одна и таже, а именно—предохранить текстъ отъ поддѣлки. Если же принять во вниманіе сходство, которое при всемъ ихъ различіи, проявляется въ отношеніяхъ Брамановъ къ ихъ гимнамъ, и Талмудистовъ къ Библии, то трудно будетъ объяснить это одной только внѣшней причиной. Въ то именно время, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, около 100 лѣтъ послѣ Александра, все устрѣмляется къ тому, чтобы выставить въ яркомъ свѣтѣ умственные отношенія южной Азіи къ Востоку».—Съ этимъ мнѣніемъ автора я не могу согласиться. Сходство двухъ историческихъ явленій у двухъ различныхъ племенъ не всегда должно быть сведено къ умственному соглашенію и подражанію. Массоретическая и талмудическая дѣятельность предполагаетъ священныя книги, каждая буква которыхъ заботливо охраняется, и отмѣчаетъ собою фазисъ умственной дѣятельности, въ который ея первоначальная производительная сила уже начинаетъ ослабѣвать.

сочинены въ алфавитномъ порядкѣ, такъ и ново-еврейскіе поэты сочиняли свои свѣтскія и духовныя пѣсни весьма часто въ порядкѣ алфавитномъ и, большею частью, съ акростихами, содержащими имя автора. Этотъ стѣснительный для поэта обычай оказываетъ большія услуги исторіи литературы.

И чужіе языки, которые евреи изучали во время своего разсвѣнія, они переложили на еврейскій алфавитъ. У насъ есть арабскія, персидскія, испанскія, нѣмецкія и даже татарскія книги, напечатанныя еврейскими буквами. Здѣсь партикуляризмъ и универсализмъ слиты въ высшее единство.

VIII.

Этические голоса въ природѣ.

Впечатлѣнія природы дѣйствуютъ различно не только на отдѣльныхъ личностей, но и на цѣлыя племена. Однѣ обоготворяютъ ея величественную безыскусственность; другія побуждаются къ изслѣдованіямъ и владутъ основанію наукъ; третьи смотрятъ на нее поэтическими глазами и воспроизводятъ свои впечатлѣнія въ поэтическихъ образахъ; четвертые стараются подражать ея объектамъ въ пластическихъ изображеніяхъ. Евреи, какъ народъ телеологическій, и потому, какъ уже сказано выше, преимущественно этический, находятъ

въ ея многочисленныхъ предметахъ этическіе намеки, способные направить человѣческую волю къ добру. Баснописецъ, для поученія людей, тоже заставляетъ говорить природу, планеты, минералы, растенія и животныхъ, но у него поученіе рѣдко истекаетъ изъ самой природы, изъ сущности ея, изъ качествъ и особенностей ея предметовъ; посредствомъ поэтической фикціи онъ ихъ превращаетъ въ существа разумныя, одушевленные страстями, которыя, какъ римскіе актеры, носятъ различныя маски и играютъ тѣ роли, которыя предписываются имъ воображеніемъ поэта. Совершенно иначе поступаетъ еврейскій наблюдатель, извлекающій нравственные примѣры изъ предметовъ природы. Отдѣльная жизнь cadaго предмета, какъ реальнаго явленія природы, въ томъ видѣ, какъ онъ представляется нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, а не въ поэтическихъ украшеніяхъ вымысла, возбуждаетъ этическое чувство еврейскаго наблюдателя и доставляетъ ему пищу для нравственныхъ поученій. Ничего человѣческаго не вноситъ онъ въ природу, онъ не приписываетъ человѣческихъ качествъ и страстей міру растеній и животныхъ и не требуетъ, чтобы наше воображеніе переносилось въ міръ вымысла, но обращаетъ наше вниманіе на то, что въ дѣйствительности происходитъ вокругъ насъ и, имѣя въ виду извѣстную цѣль, указываетъ намъ на пользу, которую мы можемъ извлечь изъ явленій и дѣвій природы.

Пророкъ Исаія упрекаетъ еврейскій народъ въ неблагодарности къ Богу, который воспиталъ и возвысилъ его и, чтобы пристыдить его, восклицаетъ: „Знаетъ

воль своего хозяина, и осель корыто своего господина, Израиль же ничего не знает и не понимает ничего!“

Пророкъ Іеремія жалуется на то, что Израиль не соблюдаетъ божескихъ законовъ, которые предписаны человѣку, какъ высшій законъ природы и должны быть вѣчно памятны ему. „Даже аистъ въ небѣ, восклицаетъ онъ, знаетъ свое время, голуби, ласточки и журавли строго соблюдаютъ сроки своего возврата, а народъ мой не знаетъ путей Предвѣчнаго!“

Виблейскій мудрецъ, желая побудить человѣка къ дѣятельности и къ предусмотрительности, ставитъ ему въ примѣръ муравья.

Благонравію ты можешь научиться у кошки, говорить Талмудъ, честному труду у муравья, скромности у голубя, супружескому обхожденію у пѣтуха.

Горькій листъ во рту голубя, высланнаго Ноемъ изъ ковчега, сказано въ Мудрашѣ, напоминаетъ тебѣ, что скромная пища, при свободной и самостоятельной жизни, лучше сластей, приобрѣтаемыхъ цѣною свободы.

Какъ листья винограда закрываютъ и защищаютъ грозды, точно также должны люди непросвѣщенные защищать и заботиться о благородныхъ и просвѣщенныхъ мудростью народныхъ дѣятеляхъ, поучаетъ Талмудъ.

Рабби Елеазару, сыну Гиркана — рассказывается въ книгѣ „Пирке де-рабби-Елеазаръ“ — пришлось обработывать ваменистое поле, которое онъ долженъ былъ превратить въ плодоносное, и когда его тяжелый трудъ увѣнчался успѣхомъ, то онъ, не смотря на свои 28 лѣтъ,

рѣшилъ посвятить себя наукамъ. Если мнѣ удалось превратить эту твердую, каменистую почву въ плодородное поле, сказалъ онъ себѣ, то почему же невозможно, при помощи прилежанія и выдержанности, образовать свой умъ и сдѣлать его воспримчивымъ для сѣмянъ науки?

Рабби Акибѣ, рассказываетъ „Аботъ-де-рабби Натанъ“, было сорокъ лѣтъ отъ-роду, когда ему однажды случилось увидѣть большой камень, лежавшій у колодца. Кто выдолбилъ этотъ камень? спросилъ онъ, указывая на него. Волянная капли, которыя падаютъ на него ежедневно, было ему отвѣтомъ. И такъ, сказалъ онъ, если твердый камень не можетъ устоять противъ маленькой капли воды и съ теченіемъ времени становится мягкимъ, то почему черствое человѣческое сердце не должно поддаться постепенному вліянію науки и не стать въ концѣ концовъ способнымъ къ воспріятію ея духа? И онъ тотчасъ же отправился въ школу, гдѣ началъ учиться азбукѣ, а впоследствии сталъ великимъ учителемъ во Израилѣ.

Въ Мехильтѣ сказано: Когда бьютъ одну овцу, все стадо дрожитъ; точно также и весь еврейскій народъ чувствуетъ, когда одинъ членъ его подвергается преслѣдованію.

Какъ вода съ высоты течетъ въ равнину, такъ и духъ истинной науки протекаетъ только въ сердца такихъ людей, которыя не ослѣпляются гордостью, а отличаются смиренной искренностью, говоритъ Гагада.

Когда Іовъ, подъ бременемъ тяжелыхъ тѣлесныхъ

страданій, увлекся размышленіями, подвергалъ сомнѣнію существованіе справедливаго закона, управляющаго судьбами міра и людей и, наконецъ, сталъ обвинять Бога въ томъ, что Онъ жестоко играетъ съ людьми, тогда Богъ, по словамъ еврейской легенды, указалъ дерзкому обвинителю на одинъ его волосъ и сказалъ: „Взгляни, каждый волосокъ на твоей головѣ, имѣетъ свое углубленіе, изъ котораго онъ сосетъ влагу, питающую его ростъ; ни одинъ волосъ не можетъ захватить мѣсто другого; и такъ -- на тебѣ самомъ, на малѣйшей частичкѣ твоего тѣла оказываются существованіе и сила строгаго и неумолимаго закона, и ты можешь думать, что жизнь и страданія человѣка стоятъ внѣ всякаго закона и предоставлены деспотическому и жестокому произволу?“

Такимъ образомъ всѣ предметы, явленія и законы природы телеологическій духъ еврейскаго племени превращаетъ въ этическое руководство, для споспѣшествованія возвышенію нравственности въ жизни. Эта еврейско-этическая энергія, которая, не поддаваясь любознанію и художественному чувству, выдвигаетъ на первый планъ практическую мораль, вызвала даже своеобразное литературное явленіе, извѣстное подъ названіемъ „Пирке Шира“. Въ этомъ твореніи влагаются въ уста всѣхъ предметовъ и явленій природы — небу и землѣ, солнцу, лунѣ и звѣздамъ, дню и ночи, облакамъ, дождю, молніи, вѣтру, росѣ, водѣ, родникамъ, рѣкамъ и морямъ, степи и нивѣ, множеству растеній и животныхъ — извѣстные тексты изъ библіи, которые, или соот-

вѣтствуютъ свойствамъ этихъ предметовъ, или содержать въ себѣ ихъ названія, и служатъ религіозно-нравственнымъ поученіемъ людей. Это маленькое литературное твореніе есть, такъ сказать, библия природы.

Однако, ошибочно было бы, изъ склонности еврейскаго племени пользоваться явленіями природы для этическихъ цѣлей, вывести заключеніе, что оно вообще лишено чувства и способности воспринимать прелести природы, или что природа для него ничто иное, какъ этическое руководство. Александръ Гумбольдтъ говоритъ объ этомъ предметѣ слѣдующее: „Семитическія и арамейскія націи представляютъ въ древнѣйшихъ памятникахъ ихъ поэтическаго духа и творческой фантазіи доказательства глубокаго пониманія природы. Особенно величественно и животворно оно выражается въ пастушескихъ сказаніяхъ, въ храмовыхъ и хоральныхъ пѣсняхъ, въ блескѣ лирической поэзіи временъ Давида, въ твореніяхъ пророковъ, высокое вдохновеніе которыхъ почти чуждо прошедшаго и направлено на будущее. Еврейская поэзія, помимо ея внутренняго, божественнаго величія, представляется для народовъ западныхъ странъ особенно привлекательною еще и потому, что она тѣсно связана съ мѣстными воспоминаніями приверженцевъ трехъ весьма распространенныхъ религій — моисеевой, христіанской и магометанской. — Характеристическая черта еврейской поэзіи природы заключается въ томъ, что она, какъ рефлексія монотеизма, обнимаетъ всегда всю цѣлостность вселенной въ ея единствѣ, какъ земную жизнь, такъ и небесныя сферы.

Она рѣдко останавливается надъ индивидуальными свойствами явленій и охотно наблюдаетъ большія массы. Природа не изображается, какъ нѣчто самостоятельное, возвеличенное собственною красотою; еврейскому поэту она представляется всегда въ связи съ высшей, руководящей силою. Природа для него — созданіе, живое выраженіе вездѣсущаго Бога въ твореніяхъ чувственной природы. Поэтому еврейская поэзія, уже по одному своему содержанію, величественна и полна серьезной торжественности, она становится грустной и чего-то страстно ожидающей, когда касается земнаго состоянія людей. Замѣчательно также, что эта поэзія, не смотря на свою величественность, даже при самомъ возвышенномъ и полномъ вдохновеніи, вызываемомъ чарующимъ дѣйствіемъ музыки, почти никогда не лишается размѣра, какъ поэзія индійская. Преданная чистому созерцанію божественнаго, образная въ языкѣ, но ясная и простая въ мысляхъ, она любитъ прибѣгать къ сравненіямъ, которыя почти римически повторяются въ одномъ и томъ же видѣ. Какъ описаніе природы, книга Вѣтхаго Завѣта представляетъ отраженіе свойствъ страны, въ которой жилъ еврейскій народъ, и частыхъ смѣнъ пустыни съ плодородными нивами и ливонскими лѣсами, которые представляетъ почва Палестины“ . —

Кромѣ Пѣсни-Пѣсней, можно найти у многихъ псалмопѣвцевъ, въ книгѣ Іова, въ особенности же во второй части книги Исаія, самую нѣжную и живую воспримчивость къ красотамъ природы, ея явленіямъ и жизни.

Пророкъ взбирается на вершины горъ, спускается въ глубокія долины, наблюдаетъ дѣйствіе дождя и росы, направляетъ свой взоръ на свѣтящіяся небесныя тѣла, на многоцвѣтную радугу и мимопроходящія облака, проникаетъ въ капарисовые и миртовые лѣса — и повсюду отыскиваетъ сравненія и образы для своихъ утѣшительныхъ рѣчей, ласкающихъ слухъ своею нѣжностью и мелодичностью.

Позднѣйшіе литургическіе стихотворцы обнаруживаютъ также живое чувство къ воспріятію красотъ природы, что встрѣчается въ особенности въ цѣвняхъ, читаемыхъ въ праздники пасхи, или весны, и кущей, или осени. Если же у евреевъ въ гетто мы не встрѣчаемъ того явнаго сочувствія прелестямъ природы, не видимъ украшенія жилищъ цвѣтами, то не слѣдуетъ забывать, что въ душевной сферѣ всеобщаго презрѣнія, частыхъ и безпрестанныхъ мелкихъ преслѣдованій, посреди вѣчныхъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ, необходимо должна была притупляться живая воспримчивость къ мирному теченію природы и ея освѣжающему и оживляющему дѣйствію.

Еще менѣе способствовала къ развитію подобныхъ чувствъ торговля, которой евреи принуждены были исключительно заниматься и которою они занимались съ свойственнымъ имъ увлеченіемъ. Торговля дѣлаетъ человека существомъ разсѣяннымъ, вѣчно комбинирующимъ, и съ многообѣщающимъ видомъ обращаетъ его вниманіе только на такіе продукты природы, каковы хлѣб-

ные амбары и магазины шерсти. — Въ наше же время стоитъ только посѣтить мѣста прогулки около Вѣны, чтобы убѣдиться, что восприимчивость евреевъ къ красотамъ природы пробудилась отъ тяжелаго сна рабства и подъ вліяніемъ изученія естественныхъ наукъ начинаетъ терять свой древне-библейскій характеръ.

IX.

Библейскія и по-библейскія изрѣченія о еврейскомъ племени.

Хотя этнографія, какъ по методу, которому она слѣдуетъ, такъ и по цѣлямъ, въ которыхъ она стремится, принадлежитъ къ самымъ новѣйшимъ наукамъ, однакожь и въ древности можно встрѣтить случайныя сужденія и афоризмы о характерѣ и особенностяхъ племени, потому что извѣстныя особенности, присущія имъ и проявляющіяся при различныхъ случаяхъ, бросаются въ глаза всякому безпристрастному наблюдателю. Литературное произведеніе, которое по древности своей не уступитъ Мишиѣ, именно Мехильта, представляетъ характеристику идумеевъ, аммонитовъ, моабитовъ и аравійскихъ бедуиновъ. И о еврейскомъ племени также встрѣчаются характеристическія изрѣченія въ библіи и въ произведеніяхъ по-библейской литературы, которыя

мы приведемъ здѣсь для подтвержденія воззрѣній, изложенныхъ нами въ нашемъ настоящемъ изслѣдованіи.

„Взгляни, народъ этотъ упрямъ“. (2 кн. М. 32, 9.)

Здѣсь выставляется постоянство, терпѣливость и устойчивость еврейскаго характера; эти свойства съ одной стороны обнаруживаются въ исторіи какъ упрямство и строптивость, слишкомъ часто доводящія пророковъ до отчаянія, съ другой же стороны вызываютъ извѣстную упругость характера, которая выражается въ неуклонное стремленіе къ достиженію разъ поставленной цѣли, во что бы то ни стало, и не взирая ни на какія препятствія и затрудненія. Это характеристическая черта еврейскаго племени въ эпоху перваго храма стоила много заботъ и усилій его руководителямъ, которые поставили себѣ задачей отвлечь его отъ чувственныхъ соблазновъ язычества и воспитать его для высшаго призванія; но эта же самая черта придавала ему силы переносить самый тяжкій гнетъ и самыя страшныя преслѣдованія, и остаться вѣрнымъ религіи предковъ, а въ обыденной жизни эта же черта помогаетъ еврею доводить до счастливаго окончанія практическія предпріятія.

„Гешурунъ разширѣлъ, и бодливъ сталь“. (5 кн. М. 32, 15).

Эта поэтическая картина, употребленная Моисеемъ въ его предсмертной пѣсни, представляетъ нагляднымъ образомъ болѣе темную, чѣмъ свѣтлую сторону еврейскаго характера, которая, къ сожалѣнiю, часто проявляется и въ наше время. Еврей въ счастiи и изобилiи часто становится высокоумѣреннымъ и дерзкимъ, какъ это высказано еще въ Библии (5 кн. 8, 12—4): „Когда ты наѣшься и насытишься, выстроишь себѣ дома и будешь въ нихъ жить, и стада твои умножатся, и много у тебя будетъ серебра и золота, и все твоё умножится — остерегайся, чтобы сердце твое не возгордилось, и не забылъ бы ты Господа Бога твоего“. Его энергическое „я“ обнаруживается съ стремительностью, и его восторженный духъ не хочетъ покоряться и подчиняться. Осушествленiе этого библейскаго текста можно встрѣтить въ средѣ еврейскихъ общинъ, гдѣ выбранные для общественныхъ должностей люди, по большей части богатые, съ оскорбительной гордостью относятся къ людямъ, гораздо болѣе ихъ заслуживающимъ уваженiя, въ особенностяхъ къ ученымъ и образованнымъ, не осущая при этомъ никакихъ угрызений совѣсти.

„Они (израильтяне) раздражили Его (Бога) чуждыми богами“. (V кн. М. 32, 16).

„Но ты говоришь: напрасно! нѣтъ! я люблю чужихъ и за ними пойду я“. (Перем. 2, 25).

Не смотря на свою стойкость и свой партикуляризмъ,

еврейское племя весьма склонно подражать всему не-еврейскому и превозносить все то, что носит на себя печать чужаго. Еврей охотно устраиваетъ свою жизнь, одѣвается, держитъ и ведетъ себя такъ, чтобъ не было замѣтно слѣдовъ его происхожденія; похвала и признаніе со стороны не-еврея имѣютъ для него гораздо большее значеніе, чѣмъ похвала и признаніе со стороны его единовѣрца; уваженіе къ чужимъ скорѣе внушитъ ему воздержность, чѣмъ сужденіе его соплеменниковъ; поэтому многіе законы, обычаи и запрещенія должны были удержатъ его отъ поглощенія язычествомъ и чужими элементами. Богумилъ Гольцъ, въ своихъ „Человѣкъ и люди“, рассказываетъ, что четырехлѣтній еврейскій мальчикъ, котораго учили азбукѣ, ни за что не хотѣлъ выговорить „алеф“, потому только, что христіанскія дѣти произносятъ только „а“.

Эта особенная склонность ко всему чужому отразилась отчасти и въ еврейской литературѣ, гдѣ ораторы Гагады считаютъ особеннымъ украшеніемъ своей рѣчи употребленіе греческихъ и латинскихъ словъ, вмѣсто еврейскихъ, или же соединеніе ихъ съ еврейскими, и еще въ наше время очень часто встрѣчаются евреи, которые въ своихъ рѣчахъ о сочиненіяхъ выказываютъ особенную любовь къ иностраннымъ словамъ.

Однако, это стремленіе ко всему тому, въ чемъ отражаются чужія краски и слышатся чужіе звуки, расширяетъ его способность воспринимать въ себя все хорошее отъ другихъ народовъ и охраняетъ его отъ той

рѣзкости, которая съ дѣтскимъ упрямствомъ отказывается признать преимущество другихъ племенъ и ассимилироваться съ ними. Эта склонность ко всему чужому, нѣсколько смягченная и ослабленная, развила также тѣ психическіе задатки, изъ которыхъ разцвѣла религіозная терпимость по отношенію ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ.

„Кто не смилуется надъ ближнимъ, тотъ навѣрно не происходитъ отъ праотца Авраама“. (Талмудъ, тракт. Беца, 32).

„Милосердіе и благотворительность суть отличительные признаки еврейскаго народа“. (Талм. тр. Тебаматъ, 79).

Еврейское сердце, какъ и женское; оно доброе, мягкое и кроткое; его легко тронуть и оно полно состраданія; поэтому благотворительность евреевъ не есть только слѣдствіе ихъ религіи, вмѣняющей имъ благотвореніе, состраданіе и искреннее сочувствіе ко всѣмъ страдающимъ, но и наслѣдственное достояніе ихъ благородной природы. Всякое чужое горе возбуждаетъ ихъ участіе, и еврей не знаетъ никакого, ни племеннаго, ни религіознаго различія, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы подать помощь бѣднымъ или облегчить участь несчастнымъ. Какъ бы ни былъ разгнѣванъ еврей, гнѣвъ его тотчасъ же укрощается, когда ему указываютъ, что у двери его ждетъ бѣдная вдова съ своимъ ребенкомъ.

Въ еврейско-нѣмецкомъ жаргонѣ есть слово, которое и теперь очень часто употребляется необразованными евреями и которое магически дѣйствуетъ на сердце каждаго еврея, растрогиваетъ его и внушаетъ ему глубокое страданіе. Это слово: „Niebich“, о происхожденіи котораго нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Ни одинъ языкъ не имѣетъ междометія, которое произвело бы такое дѣйствіе; когда еврей, при видѣ какого-либо горя, восклицаетъ „небихъ“, то въ этомъ сосредоточивается все его сочувствующее сердце, изъ устъ его вырывается глубокой вздохъ, глаза его наполняются слезами, а рука его, подвигаемая какою-то невидимою силою, опускается въ карманъ или открываетъ кассу, чтобы матеріальною помощью утѣшить и облегчить страждущихъ.

Іосифъ Вертгеймеръ этому еврейско-нѣмецкому слову, призывающему къ человѣколюбію и милосердію, посвятилъ слѣдующія строфы:

„Ein Wörtchen geht von Mund zu Munde —
 Sein Ursprung blieb uns unbekannt —
 Doch Zeugniss gibt's vom Bruderbunde,
 Dem Mitleid tief in's Herz gebrannt.
 Wo sich ein menschlich Weh erschlieszet,
 Wo schwer und bang die Pilgerfahrt,
 Das „Näbich“ wie's der Lipp' entflieszet,
 Sagt: Liebe sei hier fromm gewahrt.

Die Furchen, die der Gram gezogen,
 Füllt aus das Wort mit seiner Saat;

Denn rasch wie abspringt Pfeil vom Bogen,
 Vom Wort sich löst die gute That.
 Ob's trübes Alter gilt zu ehren,
 Ob früh gebeugt ein Jugendmuth,
 Ob Jud', ob Christ, vergieszt die Zähren,
 Das Wort ertönet mild und gut“.

„Золота довольно для святыни Предвѣчнаго и для изготовленія тельца“. (Комм. Сифрэ къ 5 в. М. гл. I).

„Еврей“, сказалъ одинъ мудрецъ временъ Мишны, „съ такою же охотою жертвовали свое золото для скинии завѣта, какъ и для изготовленія тельца“, потому что ихъ энтузіазмъ быстро увлекаетъ ихъ, дѣлаетъ ихъ тароватыми и готовыми на жертвы, и не даетъ разыграться холодному расчету. Если кто умѣетъ возбудить энтузіазмъ еврея, то онъ, въ продолженіе извѣстнаго времени, въ состояніи сдѣлать изъ него что угодно: еврей принимаетъ тогда самыя благородныя рѣшенія, не знаетъ никакихъ препятствій, готовъ взять на себя всевозможный трудъ, жертвовать всевозможныя суммы—пока трезвая обдуманность и разумный расчетъ не возьмутъ въ немъ верхъ. Характеристиченъ въ этомъ отношеніи рассказъ Библии, какъ еврей въ пустынѣ на вопросъ Моисея: будутъ-ли они слѣдовать велѣніямъ Вождимъ и сохранять-ли они союзъ съ нимъ? единогласно отвѣтили: „Все, что Предвѣчный повелитъ, это

мы исполнимъ“. Однако, лишь только прошло нѣкоторое время и Моисей не было при нихъ, то это легко воспламеняющееся племя уже танцовало около золотого тельца. Энтузіазмъ—это живительный огонь еврейскаго сердца, и въ бурныя времена, когда народы вдохновлены стремленіемъ къ свободѣ и борются за нее словомъ и оружіемъ, тогда нерѣдко можно найти еврейскихъ ратниковъ въ самыхъ переднихъ рядахъ боевой линіи.

„Дерзокъ, какъ песь между животными и пѣтухъ между птицами, еврей между народами. Но это не темная сторона его, а напротивъ, похвальная: или еврей, или мученикъ“. (Мидрашъ Рабба ко 2 кн. М. гл. 42, и Талм. тр. Беца, 25).

Стойкость, дерзость и упорство еврейскаго племени не безъ основанія разсматривается здѣсь, какъ преимущество и свѣтлая сторона его. Религіозное мученичество, которое свело на костеръ тысячи еврейскихъ мужчинъ и женщинъ—это историческій фактъ, въ которомъ еврейская дерзость отражается въ величайшемъ ея блескѣ и вызываетъ удивленіе историковъ.

„Стыдливость—это признакъ еврейскаго народа“. (Талм. тр. Иебамать, 79).

Это прекрасное качество еврейскаго племени есть слѣдствіе присущаго ему женскаго элемента (ср. стр. 95), охраняющаго его отъ животной грубости и дивости и присвояющаго ему ту мягкость и кротость, которыя составляютъ лучшее его украшеніе. По библейскому разсказу, первая человѣческая чета, лишь только вкусила изъ древа познанія, тотчасъ начала стыдиться своей наготы, и въ Гагадѣ мы находимъ изреченіе: „Это хорошій признакъ, если кто стыдливъ“. Моисеевъ законъ и талмудическое преданіе укрѣпляютъ и поощряютъ прирожденную еврейскую стыдливость, которая нашла себѣ высшее выраженіе въ одномъ каббалистѣ. Объ немъ разсказывается, что онъ постоянно раздѣвался въ темнотѣ для того, чтобы не видѣть своего собственнаго нагаго тѣла. Даже для супружескаго сожитія мужа и жены Талмудъ и Каббала содержатъ особня предписанія, чтобы не оскорблено было чувство стыдливости.

„Бѣдность украшаетъ еврея, какъ красныя узды шею бѣлаго коня“. (Ком. Мидрашъ въ Пѣснѣ Пѣсней, гл. I).

Какъ соловей особенно увлекательно поетъ тогда, когда онъ болѣнъ, какъ женщина въ своемъ страданіи раскрываетъ самыя лучшія стороны своего нѣжнаго и мягкаго существа, такъ и еврей въ горѣ и бѣдствіи чаще всего обнаруживаетъ самыя благородныя свойства

своего драгоценнаго наслѣдственнаго достоянія, своего сердца. Онъ рѣдко вырождается, не дѣлается одичалымъ, не попадаетъ на крайнюю ступень грубости, напротивъ того, онъ дѣлается мягче, сострадательнѣе, смиреннѣе, воспріимчивѣе и чувствительнѣе къ праву и неправу. Ни одинъ судья не можетъ такъ тонко выяснить причиненную страдалцу несправедливость, какъ бѣдный еврей, и часто случается, что онъ проситъ для другихъ, когда ему самому что нибудь дали. Такъ мнѣ одинъ русскій разсказалъ про слѣдующую сцену, которой онъ былъ очевидцемъ. Раввинъ подаль бѣдняку монету съ тѣмъ, чтобъ онъ размѣнялъ ее и принесъ ему сдачи. „Сейчасъ, рабби“, отвѣтилъ бѣднякъ, вышелъ на улицу, привелъ съ собою другаго нищаго и сказалъ: „Зачѣмъ, добрый рабби, еще сдачи; я отдамъ этому бѣдняку то, что вамъ слѣдуетъ“.

„Лишь только исчезаютъ тѣни угнетенія и начинается свѣтитъ солнце освобожденія, тотчасъ же и еврейскій народъ расцвѣтаетъ, какъ роза, и распространяетъ ароматъ всего добраго и благороднаго“. (Ком. Мидрашъ къ Пѣснѣ Пѣсней, гл. 2).

Еврейское племя имѣетъ весьма эластичную натуру и эту свою эластичность оно въ особенности доказываетъ быстротою, съ которою оно, едва свергнувъ съ себя иго рабства, уживается въ свободномъ положеніи

и умѣть пользоваться имъ. Новѣйшая исторія евреевъ представляетъ тому тысячу доказательствъ. Вчера еще рабъ, еврей сегодня уже такъ ужился съ свободой, какъ будто онъ никогда не слыхалъ голоса угнетателя, или никогда не платилъ особыхъ налоговъ за свое еврейство. Его живость, его могущественное я, стремящееся къ независимости; его демократическій принципъ права, требующій равенства всѣхъ, и его неразрушимый оптимизмъ, который всегда держитъ себя на готовѣ вступить въ обѣтованную землю свободы, все это вмѣстѣ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что онъ такъ быстро уживается съ свободой и тотчасъ же пользуется ея плодами. Какъ быстро евреи во Франціи, Англіи, Голландіи, Италіи и Австріи достигли высокаго почета и какъ мало времени нужно было имъ для того, чтобы утвердиться на почвѣ свободы! Въ разбогатѣвшемъ еврей тотчасъ можно узнать парвени; его манеры, его роскошь, его сиѣсь, его рѣчи, его обезьяничанье и подражаніе природной аристократіи—все обнаруживаетъ въ немъ выскочку, который неохотно продолжаетъ сношенія съ прежними своими знакомыми и товарищами. Напротивъ того, еврей, ставшій свободнымъ, носитъ одежду свободы такъ, какъ бы она прямо для него была предназначена и какъ бы онъ никогда другой одежды и не носилъ. Истинно трогательно, какъ еврей въ гетто, подъ бременемъ особыхъ и исключительныхъ законоположеній, въ Пасху провозглашаетъ тосты за свободу. Мѣткое слово австрійскаго государственнаго ми-

нистра фонъ-Шмерлинга: „Мы можемъ ждать!“ служило и служить лозунгомъ евреевъ!

Кромѣ этихъ разсѣянныхъ повсюду изрѣченій, прямо характеризующихъ еврейское племя, мы въ древнихъ твореніяхъ гагадистовъ находимъ еще отрывки публичныхъ чтеній, которыя весьма интереснымъ образомъ рисуютъ евреевъ; въ особенности интересна обличительная сторона этихъ отрывковъ, которая во всемъ находитъ что нибудь порицать и осмѣивать, и возстаетъ даже противъ самыхъ высшихъ еврейскихъ авторитетовъ.

Такъ одинъ изъ ораторовъ-гагадистовъ разсказываетъ слѣдующее въ Мидрашѣ Танхума: „Когда Моисей окончилъ въ пустынѣ скинію завѣта, то онъ сказалъ: „Я знаю острые языки и злые толки моего народа, и потому я ему дамъ подробный отчетъ о пожертвованномъ имъ золотѣ и серебрѣ“. И вотъ онъ началъ съ мельчайшей подробностью излагать свой отчетъ предъ всѣми израильтянами, но къ ужасу своему замѣтилъ, что недостаетъ 1775 сиклей серебра. „О, Господи“, воскликнулъ онъ, „теперь злые языки поднимутся противъ меня, и кто знаетъ, что они будутъ разсказывать обо мнѣ другъ другу!“ Но Богъ просвѣтилъ память своего вѣрнаго слуги Моисея, и онъ вдругъ вспомнилъ, что крючки у столбовъ сдѣланы изъ расплавленного серебра, и громкимъ голосомъ продолжалъ:

„а 1775 сиклей серебра употреблены для крючковъ на столбахъ!“

Само собою разумѣется, что это не болѣе, какъ ораторская фикція гагадиста, который имѣлъ въ виду картиной прошлаго дать понять современникамъ неумѣстность ихъ толковъ противъ ихъ учителей; однако, это тѣмъ не менѣе остается матеріаломъ для характеристики быстрой, подвижной, порицающей и критикующей еврейской рѣчи, и достойно замѣчанія, что еще и теперь во всѣхъ еврейскихъ синагогахъ чтець, при чтеніи пятиквижія, особенно ударяетъ на словъ „а тысяча“, которыми начинается упомянутый стихъ Св. Писанія (2 кв. М. гл. 38, 28), чѣмъ какъ бы напоминаютъ еврейскимъ общинамъ, чтобъ они немного попридержали свои языки при осужденіи своихъ учителей и руководителей.

Въ еще гораздо болѣе древнемъ твореніи гагадистовъ, въ комментарий Сифрэ къ 5 кв. М. гл. I, одинъ еврейскій мудрецъ причину, почему Моисей свои карательныя рѣчи всегда говорилъ всему народу, объясняетъ тѣмъ, дабы отсутствовавшіе не говорили. Если бы мы были въ числѣ слушателей Моисея, то не разъ, а пять разъ сдѣлали бы ему оппозицію и опровергали всякій его упрекъ!

Эта склонность къ порицанію, къ критикѣ и злословію, которая во всѣ времена порицалась еврейскими моралистами, иногда въ весьма гипперболическихъ выраженіяхъ, направленныхъ противъ „злаго языка“ (Лощонъ гора), кроется, однако, вовсе не въ зломъ сердцѣ

еврея, а въ его остромъ умѣ, который охотно все подвергаетъ критикѣ и анализу, въ живой его натурѣ и въ стремленіи къ субъективности, которая какъ бы чувствуетъ себя стѣсненной всякимъ не-я, и потому возбуждается къ оппозиціи. Стремленіе евреевъ къ оппозиціи рисуется въ Мидрашѣ весьма оригинальнымъ образомъ: „Когда Богъ приказалъ Моисею, чтобы всякій помѣстился у своего знамени“, рассказываетъ гагадистъ, „то Моисеємъ овладѣло весьма непріятное чувство. Я же знаю еврейскій народъ, думалъ онъ; онъ не охотно подчиняется вынужденному порядку; всякій еврей имѣетъ свое мнѣніе и свою волю. всякій хочетъ быть на верху, хочетъ быть первымъ! Господь Богъ! воскликнулъ онъ, какъ же я установлю дѣленіе въ Израилѣ? Не будетъ конца спорамъ и неудовольствію! Если я, напримѣръ, скажу колѣну Іуды, чтобы оно расположилось на востокѣ, то оно отвѣтитъ: мнѣ бы лучше оставаться на югѣ. Точно также отвѣтитъ и Рувимъ, и Ефремъ, и всякое другое колѣно. Что же я теперь сдѣлаю?“ „Успокойся, мой вѣрный слуга“, сказалъ Господь; „есть средство, которое никогда еще не преминуло оказать свое дѣйствіе на мой народъ и которому всѣ охотно подчиняются: это — указаніе на ихъ праотцевъ, на священное чувство семьи, на несокрушимую вѣрность семейнымъ преданіямъ. Гдѣ нибудь должно быть завѣщаніе Іакова, въ которомъ точно указывается, въ какомъ порядкѣ его сыновья должны носить гробъ его изъ Египта въ Ханаанъ. Прочти имъ это, скажи имъ,

что порядокъ, который ты имъ предписываешь, уже установленъ Иаковомъ, что это велѣніе ихъ праотца, священное воспоминаніе объ Израилѣ, и ты увидишь, какъ эти, обыкновенно такіе строптивые, недовольные и упорные люди, сдѣлаются совершенно покорными, довольными, проникнутся однимъ чувствомъ и подчинятся твоимъ приказаніямъ“.

Въ по-талмудической и по-мидрашной литературѣ я нашелъ два весьма рѣзкихъ сужденія объ особенностяхъ еврейскаго племени. Одно принадлежитъ жившему въ XV столѣтіи итальянскому еврею Elia del Medigo, профессору падуанскаго университета, а другое—испанскому еврею XVI столѣтія Іудѣ Лермѣ. Первый, въ своемъ сочиненіи „Бехинатъ га-датъ“ (анализъ закона), говоритъ между прочимъ: Это особенное свойство еврейскаго племени, что большая часть евреевъ, если они только обладаютъ самыми незначительными познаніями, тотчасъ же осмѣливаются нападать на первыхъ авторитетовъ религіознаго и свѣтскаго значія, наставлять и поучать ихъ. Это одна изъ главныхъ причинъ, почему у насъ такъ много несогласія, въ особенности, если обратить вниманіе на мелкую зависть, злость и страсть тоже казаться чѣмъ нибудь. Недостатокъ единства и уступчивости, говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ, составляетъ, повидимому, особенность нашего народа, которая, смотря по различію странъ и ихъ вліянію, то усиливается, то ослабляется, и которая, можетъ быть, происходитъ отъ того, что всякій изъ насъ счи-

тается рожденнымъ правителемъ, между тѣмъ, какъ искусство правленія состоитъ именно въ охраненіи порядка. Гуда Лерма, въ своемъ комментарий къ „Изрѣченіямъ отцевъ“, къ замѣчанію, что еврейскій народъ имѣетъ какую-то особенную организацію, присовокупляетъ длинное разсужденіе, и старается доказать это положеніями, граничащими съ матеріалистическимъ воззрѣніемъ на человѣка или съ аристократической теоріей о голубой крови, причежъ онъ ссылается на своего соотечественника, Исаака Араму.

X.

Еврейское племя по талмудическимъ и еврейско-нѣмецкимъ поговоркамъ и пословицамъ.

Поговорки—это неподдѣльный vox populi, эпиграматическое проявленіе народнаго опыта, неподкупный судъ разнообразнѣйшихъ классовъ общества, представляющія самый надежный матеріаль для этнографическихъ изслѣдованій. Я, поэтому, приведу и поясню нѣсколько талмудическихъ и еврейско-нѣмецкихъ поговорокъ, содержащихъ нѣкоторый матеріаль для характеристики еврейскаго племени.

Талмудическія поговорки.

„Заслуги предковъ (Сехуть аботъ)“. Во многихъ талмудическихъ поговоркахъ выражено господствующее понынѣ между евреями вѣрованіе, что заслуги, доброе имя и благочестивыя дѣянія предковъ впоследствии зачтутся ихъ потомкамъ. Вѣра эта коренится въ библейской древности, когда израильтянамъ возвѣщено было, что Богъ будетъ поддерживать ихъ во все времяна, ради патріарховъ, — и она только могла зародиться въ сердцѣ народа, проникнутаго столь могучею любовью къ семейству, любовью, воспроизведшей такіе прекрасные обряды благочестиваго поминовенія умершихъ родителей. Словно смерть не въ состояніи разорвать узы между предками и потомствомъ, и семейныя чувства образуютъ невидимую нить, связывающую между собою небо съ землею и отдаленныя другъ отъ друга эпохи.

Эта вѣра въ долговѣчность заслугъ предковъ напла яркое выраженіе въ древне-еврейской легендѣ, по смыслу которой пророкъ Іеремія, при первомъ разрушеніи Іерусалима, спѣшитъ къ могиламъ патріарховъ, будитъ ихъ и заклинаетъ заступиться у Бога, дабы онъ отвратилъ отъ Израиля зло. Но все мольбы его не въ состояніи измѣнить божественный рокъ. Тогда Рахиль встаетъ изъ своего гроба, исчисляетъ предъ Богомъ свои заслуги, и горько плача, умоляетъ Его сжалиться надъ ея дѣтьми — и вотъ слезы матери смягчаютъ

строгаго судью, и онъ ей возвѣщаетъ, что ея потомки со временемъ снова возвратятся въ землю отцовъ своихъ.

Этой же сильной семейной привязанности слѣдуетъ приписать то, что евреи такъ высоко цѣнятъ хорошее происхожденіе (ихусъ). Талмудъ Іерусалимскій рассказываетъ еще, что еврейскимъ юношамъ въ Іерусалимѣ, отправлявшимся въ опредѣленный день года за городъ, для избранія себѣ женъ изъ числа собранныхъ тамъ дѣвицъ, кричали въ слѣдъ: „Обратите вниманіе на семейство и на хорошее происхожденіе жены“; и даже въ наши дни богатые евреи въ Польшѣ выдаютъ своихъ дочерей за потомковъ извѣстныхъ семействъ, чтобъ часть славы послѣднихъ перешла на ихъ собственное потомство.

Это выражено нагляднымъ образомъ еще въ другомъ изрѣченіи талмуда (Талм. Іерус. тракт. Берахотъ, глава 4): „Благо тому, у кого гвоздь, на который можно что нибудь повѣсить“, т. е. у кого есть предки, на заслуги которыхъ онъ можетъ сослаться.

Противуположный этому образъ представляетъ поговорка: „Укусъ — сынъ вина“ (Баба Меція, 84), означающая, что сынъ ведетъ жизнь несоотвѣтствующую его благородному происхожденію. Наконецъ, на семейное чувство евреевъ указываютъ слѣдующія двѣ образныя поговорки: „Дождь есть мужъ земли“ (Таанитъ, 6), и „Если мѣсяць тебѣ (девабрь) овдовѣтъ (ibid.), (т. е. когда въ теченіе этого мѣсяца нѣтъ дождя), то это предзнаменованіе, что годъ будетъ хорошій“. (Ср. Л. Дукесъ, Rabbinische Blumenlese, стр. 208).

„Онъ не нашель своихъ рукъ и ногъ въ храмѣ науки“. (Лебамоть, 96).

Евреи и французы отличаются живостью въ разговорѣ и сопровождаютъ свои слова сильными жестикующими. У первыхъ это проявляется особенно тогда, когда предметомъ обсужденія служатъ талмудическія темы, богатая остроумными поворотами, діалектику которыхъ они въ тоже время хотятъ представить въ пластической формѣ посредствомъ сильныхъ движеній рукъ и ногъ — причеиъ главную роль играетъ большой палецъ правой руки. Приведенная поговорка означаетъ, поэтому, что такой-то не устоялъ въ спорѣ и не умѣлъ защитить свои ученныя положенія.

„Не бросай камня въ колодезь, изъ котораго ты иишь воду“ (Баба кама, 92).

Женщины и евреи весьма благодарны за оказанныя имъ услуги, потому что они находятся главнымъ образомъ подъ влияніемъ своего мягкаго, добраго и кроткаго сердца. Талмудъ въ сильныхъ выраженіяхъ караетъ неблагодарность, и у еврейскихъ лѣтописцевъ мы встрѣчаемъ очень часто весьма гипперболическія выраженія благодарности, когда они вспоминаютъ имена монарховъ, извѣстныхъ своимъ расположеніемъ къ евреямъ. Турецкіе султаны, которые, въ качествѣ преемниковъ халифовъ, своимъ гуманизмомъ нерѣдко заставляли краснѣть христіанскую любовь преемниковъ апостола Петра, удостоены во многихъ еврейскихъ сочиненіяхъ эпитета „Государи милости“ (малхэ хеседь). Равнымъ образомъ,

евреи относятся съ самою искреннею признательностью къ памяти Іосифа II и къ Наполеонидамъ, снявшимъ съ нихъ иго рабства, и чувствуютъ себя обиженными, когда просвѣщенный и вѣротерпимый австрійскій императоръ подвергается нападкамъ со стороны клерикаловъ.

„Одно зернышко крѣпкаго перцу лучше полной корзины тыквъ“. (Мегилла, 6).

Быстрая находчивость, остроумныя истолкованія, колкія слова, поражающія комбинаціи, рѣшеніе и разъясненіе трудныхъ задачъ — болѣе приходятся по вкусу острому уму евреевъ, чѣмъ солидное знаніе и начитанность. Да и любовь къ изученію талмуда часто была основана не столько на привязанности къ его религіозному содержанію, сколько къ общему его духу и къ той тонкой изворотливости, на которую онъ вызываетъ умъ. Съ теченіемъ времени стали различать два рода талмудистовъ: одни изъ нихъ отличались діалектическимъ остроуміемъ въ толкованіи талмудическаго текста и назывались поѣтому „харифъ“, т. е. „острый“; другіе же импровировали своею начитанностью въ талмудической литературѣ и носили названіе „баки“, т. е. „опытный“. Эта любовь къ ѣдкому и остроумному, даже въ области религіознаго ученія — нерѣдко извращала вкусъ, отучая его отъ всего прямого, яснаго и простаго и заставляя многихъ раввиновъ, въ своихъ публичныхъ рѣчахъ, предпочитать остроумный элементъ въ ущербъ истинѣ и здравому толкованію; они позволили себѣ всевозможные умствен-

ные скачки и искаженія текста Священнаго Писанія въ интересѣ остроумныхъ выходовъ и поражающихъ изворотовъ. Острота прорывается также въ обыденной жизни евреевъ и нерѣдко даже тамъ, гдѣ она нарушаетъ благопристойность; Берне, Гейне и многія юмористическія изданія ввели ее въ нѣмецкую литературу. Въ большей части случаевъ, еврейское остроуміе не имѣетъ, однакоже, злостнаго характера; оно направляетъ свое жало не для того, чтобы уязвить другихъ, а для удовлетворенія собственной страсти къ кажущемуся примиренію противоположностей. Самый скупой еврей скорѣе рѣшится подать милостыню бѣдному, чѣмъ воздержаться отъ хорошей остроты.

Въ новой еврейской стилистикѣ острота воспроизвела своеобразное явленіе. Дѣло въ томъ, что изъ библіи заимствуютъ отдѣльныя предложенія или цѣлыя тексты, которые затѣмъ сопоставляются въ иномъ порядкѣ, такъ что они, вслѣдствіе новаго своего стилистическаго *ensembl'a*, получаютъ совершенно другой смыслъ. Эта двойственность, проистекающая изъ сопоставленія первоначальнаго и новаго значенія словъ, производитъ своеобразную игривость ума, которую нельзя передавать ни на какомъ другомъ языкѣ. Еврейскіе стихотворцы ввели также въ новую еврейскую литературу арабское „тедшнись“, т. е. двустрочныя стихотворенія, которыя имѣютъ равнозвучащее, но различное по смыслу окончаніе; они ввели эту форму потому именно, что она отличается силою и остротою.

Испанецъ Моисей Ибнъ-Эзра подъ названіемъ „Тар-шисъ“ сочинилъ множество такихъ тедшнисовъ, которыя можно придать двоякій смыслъ.

„Лучше броситься въ раскаленную печь, чѣмъ публично пристыдить своего ближняго“ (Сота, 10).

Честь, достоинство, похвалу, отличіе и славу еврейское племя ставитъ столь же высоко, какъ и французы свою національную gloire; отсюда это гиперболическое изрѣченіе противъ публичнаго пристыженія своего ближняго, которое въ другомъ мѣстѣ выражено еще сильнѣе, именно, что еврей, публично пристыдившій своего ближняго, лишается будущей жизни. Честь человека, учить талмудъ, столь важна, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ ставится выше библейской заповѣди. По отношенію къ Богу, изъ этого присущаго евреямъ чувства чести и славы вытекаетъ то основное положеніе, что хваленіе, или прославленіе божественнаго имени (Кидушъ гашемъ) есть высочайшая заслуга, точно также какъ оскорбленіе и оскверненіе его (Хилуль гашемъ)—величайшій грѣхъ.

„Семь *) лѣтъ продолжался голодъ, но черезъ порогъ ремесленника онъ не переступилъ“. (Синдр., 29).

*) Древне-еврейскимъ словомъ «шавъ» я хочу объяснить происхожденіе поговорки: «Семь есть ложь». Существуетъ извѣстное еврейское словосочетаніе «шавъ вешекеръ», т. е. фальшь и ложь. Такъ какъ слово «шавъ» на арамейскомъ языкѣ означаетъ «семь», то отсюда и произошла поговорка «семь есть ложь».

Еврей дѣятеленъ и трудолюбивъ, и, въ противоположность классическимъ грекамъ и римлянамъ, считаетъ трудъ почетнымъ. „Сними шкуру съ околѣвшаго свота за плату при всѣхъ и не говори: я священникъ, великій человѣкъ, и это для меня не прилично“ — гласитъ другая поговорка (Песахимъ, 113), которая еще ярче выставляетъ достоинство и почетность труда. „Самъ Богъ“, говорится въ аботъ де-рабби Натанъ, глава 11, „явился въ лагерь Израиля не прежде, чѣмъ израильтяне, изготовленіемъ скинии завѣта, не представили доказательства своего трудолюбія“. Знаменитѣйшіе учителя талмуда принадлежали къ ремесленному сословію, и рабби Меиръ прославляетъ трудъ, какъ преимущество, отличающее человѣка отъ животнаго. Поэтому сколь настоятельно ни вмѣняютъ евреямъ благотворительность, имъ, съ другой стороны, внушаютъ не страшиться никакихъ усилій и сносить всевозможныя лишенія, лишь бы избѣгнуть необходимости обращаться къ благотворительности своего ближняго. „Живи въ субботу также просто, какъ и въ будни, чтобы тебѣ не нужно было обращаться къ чужай помощи“ — гласитъ весьма распространенная талмудическая поговорка (Песахимъ, 112), и въ своей ежедневной послѣобѣденной молитвѣ евреи умоляютъ Бога, чтобы Онъ ихъ предохранилъ отъ необходимости поддерживать свою жизнь чужою благотворительностью. По словамъ рабби Хаимъ бенъ Самуила изъ Туделы, автора рукописнаго сочиненія „Цероръ га-

Кесефъ“, трактующаго о раввинскомъ гражданскомъ правѣ, между испанскими евреями была распространена поговорка: „Трудъ—есть царство“ (Мелаха—мелуха).

„Благороднымъ людямъ нечего воздвигать памятники; непреходящая ихъ дѣятельность на землѣ—ихъ памятникъ“. (Иерус. Шкалимъ, глава 2).

Независимо отъ того, что влеченіе къ пластикѣ и архитектурникѣ въ еврейскомъ племени искони проявляется весьма слабо (почему у него обыкновенно недостаетъ: въ умственныхъ произведеніяхъ — творческой систематики, въ практической жизни—организаторскаго таланта, не упускающаго изъ виду ни одной мелочи, а въ отношеніи государственнаго устройства—склонности къ бюрократіи), и можетъ только возрастать, укрѣпляться и подняться подъ вліяніемъ другихъ народовъ,—само собою понятно, почему тѣ люди, которые, при помощи своего пронизательнаго ума, свободно подвигаются въ мірѣ представленій и царствѣ духа, не склонны увѣковѣчивать умственную дѣятельность великихъ людей каменными или мѣдными памятниками и создавать монументальный культъ. Къ этому еще присоединяется піетизмъ евреевъ, въ отношеніи умершихъ, который не нуждается въ бросающихся въ глаза памятникахъ для воспоминанія человѣческаго величія; онъ выработалъ другую форму для увѣковѣченія памяти великихъ людей и благодѣтелей.

Между евреями существуетъ старинный обычай поми-

нать въ молитвѣ, которая совершается въ праздничные дни за спасеніе душъ усопшихъ, имена тѣхъ, которые въ своей жизни оказали услуги своимъ ближнимъ.

Распространеніе вышеприведеннаго талмудическаго изрѣченія между евреями нашего времени, которые почти не обращаютъ на него вниманія и наполняютъ свои кладбища дорогами, хотя и не всегда красивыми, памятниками, было бы весьма полезно для склонныхъ къ монументамъ современниковъ.

„Онъ нашелъ гранатное яблоко, съѣлъ ядро, а скорлупу бросилъ“. (Хагига, 15).

Умственная даровитость еврейскаго племени, его сильное расположенію ко всему, что возбуждаетъ умъ и доставляетъ ему пріятное занятіе, его телеологическое существо, которое вездѣ ставитъ на первомъ планѣ полезное и цѣлесообразное, сдѣлали его вѣротерпимымъ. Элише бенъ-Абуя, называемый также Ахеромъ *), имя котораго сдѣлалось популярнымъ по трагедіи Гущкова „Уриель Акоста“, былъ еретикомъ, и не смотря на то, рабби Меиръ не затруднялся учиться у него, потому именно, что Меиръ, по изрѣченію талмуда, „съѣлъ ядро гранатнаго яблока и бросилъ его скорлупу“. Тотъ же рабби Меиръ руководствовался этимъ изрѣченіемъ не только относительно еврейскихъ еретиковъ, но и въ отношеніи къ языческимъ мыслителямъ, съ которыми

*) Ахеръ значитъ другой, и въ данномъ случаѣ равносильно слову, нечестивый.

онъ былъ въ дружескихъ сношеніяхъ и между которыми особенно выдается неоплатоническій философъ Нуменіосъ. Древній комментаторъ, переведенной на еврейскій языкъ съ арабскаго, книги „Мибхаръ га-Пенинимъ“, говоритъ: „Набожный и богобоязливый человѣкъ долженъ учиться мудрости даже у еретиковъ (га-кофримъ беіоцромъ). Эта научная терпимость, которая главное вниманіе обращаетъ не на лице, а на самое дѣло, по дѣйствовала весьма благотворно на умственное развитіе евреевъ и на обогащеніе ихъ разнообразнѣйшими познаніями. Важнѣйшія философскія системы Платона и Аристотеля въ древности, Алфараби, Алгацали, Ибнъ-Сины и Ибнъ-Рошда въ средніе вѣка, Лейбница, Шеллинга и Гегеля *) въ новѣйшія времена, были изучаемы евреями и приимяемы для развитія философіи своей религіи. Запрещеніе отдѣльныхъ книгъ, встречающееся въ еврейской литературѣ, вызвано преимущественно нравственными видами.

„Любовь портитъ линію и ненависть портитъ линію“. (Синедр., 105).

*) Не лишне будетъ здѣсь замѣтить, что въ то время, какъ поэтический идеализмъ Шиллера нашелъ самыхъ горячихъ приверженцевъ въ средѣ еврейской молодежи, и увлекалъ даже еврейскихъ кухарокъ въ досужіе субботніе часы,—философскій идеализмъ Фихте, сколько мнѣ извѣстно, не имѣлъ евреевъ въ рядахъ своихъ приверженцевъ. Только дальнѣйшее развитіе Фихтианизма Шеллингомъ и Гегелемъ въ философію тождества идеальнаго съ реальнымъ заинтересовало отдѣльныхъ еврейскихъ мыслителей.—Въ новѣйшее время появились сочиненія Леви и Лассая о философской системѣ Фихте.

Хотя эта пословица съ перваго взгляда выражаетъ общечеловѣческую мысль, но она все-таки проливаетъ свѣтъ на то племя, въ средѣ котораго она появилась. Еврей часто впадаетъ въ крайности, любитъ гипперболу (гузма) и рѣдко соблюдаетъ мѣру, потому что умъ его подвиженъ, фантазія порывиста, а сердце полно восторженности. Въ любви и ненависти, похвалѣ и порицаніи, привязанности и нерасположеніи, онъ страстенъ, и его отзывы, какъ хорошіе, такъ и дурные, рѣзки и сильны. Царь Соломонъ—мудрѣйшій изъ всѣхъ людей; ликованія народа во время его коронаціи были до того шумны, что земля треснула; титула, даваемыя въ письмахъ раввинамъ, прославляютъ ихъ „небесными свѣтилами“, или „единственными людьми и чудомъ своего вѣка“. Кто хочетъ изучить крайнюю любовь и крайнюю ненависть, безмѣрное восхваленіе и безмѣрное униженіе, пусть читаетъ корреспонденціи и полемическія статьи въ еврейскихъ періодическихъ изданіяхъ. Находчивость дѣйствующихъ тамъ еврейскихъ представителей далеко оставляетъ за собою дипломатическія тонкости Талейрановъ, Поццо ди Борго и Пальмерстоновъ, а проповѣди самыхъ незначительныхъ раввиновъ представляются рѣдкими образцами реторики, не уступающими достоинствомъ краснорѣчію Демосфена и Цицерона.

„Только тотъ бѣденъ, у кого недостаетъ ума“. (Недаринъ, 41).

„Если у тебя недостаетъ ума,—то что же ты приобретаешь; если же ты владѣешь умомъ, то чего

же тебѣ послѣ этого недостаетъ?“ (Танхума парш. Ваібра).

Еврей не только отъ природы богато одаренъ умомъ, но онъ умѣетъ также пользоваться имъ; онъ понимаетъ значеніе тѣхъ безчисленныхъ средствъ и выгодъ, которыя можно извлечь отъ разнообразныхъ его комбинацій. Эти талмудическія изрѣченія, которыя, выражаясь новѣйшимъ слогомъ, ставятъ такъ высоко интеллигенцію и ожидаютъ отъ нея самой надежной помощи во всѣхъ финансовыхъ бѣдствіяхъ, нашли себѣ блестящее оправданіе въ долгій періодъ еврейской исторіи. Насильственные налоги, грабежи, преслѣдованія и выселенія часто лишали евреевъ имущества; такъ, напримѣръ, они въ 1492 году должны были оставить всю свою собственность въ Испаніи, но благодаря своей разсудительности и своей оборотливости, они все снова приобрѣтали земныя блага. И только ихъ перасудительные и необоротливые враги, которые предпочитаютъ слѣпое упованіе разсудительной прозорливости, неподвижный авторитетъ—ясному разумѣнію, могли обвинять ихъ въ обманѣ. Разсудительность, въ связи съ трудолюбіемъ и бережливостью, была ангеломъ хранителемъ евреевъ.—Еще многія другія еврейскія пословицы выражаютъ рѣшительное съ ихъ стороны презрѣніе къ глупцамъ (Шоте, Типешъ).

„Когда лисица въ случаѣ, ей должно кланяться“ (Мегилла, 16).

Еврей, подобно женщинѣ, уступчивъ и податливъ;

онъ кланяется, бываетъ покоренъ, умоляетъ, клянется и даже плачетъ, выжидая благопріятнаго случая снова подпяться и занять свободное и независимое положеніе. Какъ часто онъ былъ поставленъ въ необходимость слѣдовать этой мудрой пословицѣ и кланяться сельскимъ старостамъ и самымъ незначительнымъ властямъ въ небольшихъ городкахъ, между тѣмъ, какъ въ душѣ онъ иронически думалъ: „когда лисица въ случаѣ, ей должно кланяться“.

„Достоинство божье — люди, достоинство людей — ихъ платье“. (Дерехъ ерецъ сута, глава 10).

Платья придають человѣку особенную рельефность, предоставляютъ ему случай удовлетворить стремленію къ роскоши и блеску, способствуютъ къ тому, чтобы личность бросалась въ глаза и выступало ярче различіе ея отъ другихъ; оно становится крайнею необходимостью, коль скоро въ человѣкѣ пробуждается чувство стыда. Поэтому-то въ средѣ еврейскаго племени, благодаря его сильно разившейся индивидуальности, его склонности къ блеску и яркости, его стыдливости — платья играютъ важную роль, и многія явленія въ жизни этого племени свидѣтельствуютъ о томъ значеніи, которое они придавали во всѣ времена платьямъ. Еврейскій языкъ выработалъ много синонимовъ для обозначенія слова „платье“ (бегедъ симла, лебушъ, малбушъ, кесуть, коли); библейскіе ораторы и поэты весьма часто употребляютъ метафоры, изъ которыхъ можно заключить, что фантазія еврейскаго народа съ особенною лю-

бовью обращалась къ платьямъ и увлекалась ихъ великолѣпнѣе. Въ прекрасномъ 104 псалмѣ, изображающемъ міросозданіе, говорится о Богѣ, что Онъ одѣвается (лабашта) въ славу и величіе, закутывается въ сіяніе, словно въ одежду (касалма), и бездну покрываетъ водою, какъ платьемъ (кал'бушь); три другихъ псалма (93, 102 и 132) выражаютъ ту мысль, что Предвѣчный, какъ царь, надѣваетъ (лабешъ) величіе, что Онъ остается вѣчно, между тѣмъ, какъ небо и земля распадаются какъ платье (кал'бушь), что Его служители надѣваютъ (илбушь) побѣду, и что Онъ враговъ Давида одѣваетъ (албишь) въ позоръ; пророкъ Исаія изображаетъ предъ своими слушателями Бога „сидящимъ на возвышенномъ престолѣ, и фалды его одежды наполняютъ храмъ“; далѣе, онъ Его представляетъ одѣвающимъ (албишь) небеса въ мракъ и надѣвающимъ платье мести (ваилбашъ бигде 'накамъ), требующимъ отъ освобожденнаго Сіона, чтобы онъ нарядился въ великолѣпное платье (либши бигде тифартехъ), выражаетъ свою радость, что Богъ надѣлъ на него платье побѣды (гилбишани бигде іеша), и вдается съ Богомъ въ слѣдующій оживленный и полный яркихъ красокъ разговоръ, состоящій весь изъ фигуральнаго сопоставленія платьевъ:

„Кто это идетъ изъ Эдома
Въ красныхъ платьяхъ изъ Боцры?
Блится въ своей одеждѣ

И гордо выступаетъ, полный могущества?
 Это я (т. е. Богъ), благодать возвѣстившій,
 И владѣющій силой спасенья.
 Почему красна твоя одежда,
 И платье у тебя, какъ у давильщика винограда?
 Одинъ я давилъ виноградъ,
 И никого изъ народовъ не было со мною.
 И раздавилъ я ихъ въ моемъ гнѣвѣ,
 И растопталъ ихъ въ своей ярости,
 И ихъ сокъ брызнулъ на мое платье,
 И запятналъ я всю одежду мою“.

Достоинство и слава составляютъ, по Притчамъ, (31, 25) одежду доблестной женщины; Іовъ, вычисляя свои благочестивыя дѣянія, говоритъ: „Я надѣвалъ справедливость, какъ платье, и, какъ плащъ и турбанъ, надѣвалъ судейскій приговоръ (29, 14); въ рѣчи Бога, обращенной къ Іову (38, 9), облака являются одеждою моря; самъ Духъ Божій, воодушевляющій и ободряющій воиновъ, является въ библии нѣсколько разъ въ образъ платья (руахъ адонай лаб'ша), надѣваемого героемъ.

Всѣ эти метафоры, употребляемыя при самомъ высокомъ поэтическомъ и ораторскомъ вдохновеніи, заставляютъ предполагать, что еврейское племя было очень нарядно къ красивой одеждѣ — этнографическій фактъ, подтверждающійся еще и другими доводами. Пророкъ Исаія исчисляетъ подробности туалета дочерей Сіона

(3, 18), которыя въ этомъ отношеніи не уступаютъ своимъ женскимъ потомкамъ нашего времени: онѣ носили серьги, браслеты, вуали, головныя повязки, поясы, перстни, пальто, салоны, сумки, шелковыя платья и мантили. Еврейскій законъ предписываетъ особыя платья для субботнихъ и праздничныхъ дней; рабби Іохананъ называлъ платье — „мехабдута“, т. е. придающее почетъ; Талмудъ (Холинъ, 84) говоритъ, что ѣсть и пить слѣдуетъ ниже своего состоянія, но одѣваться нужно по своему состоянію; и во всѣ времена и вездѣ евреи предавались роскоши въ одеждѣ, противъ чего нерѣдко возставали еврейскіе проповѣдники („относительно одежды, всякій еврей играетъ роль богача“, жалуется рабби Самуиль Эдельсъ въ началѣ XVII столѣтія); еврейскія общины должны были устанавливать строгія мѣры противъ роскоши въ одеждѣ, и еще нынѣ еврейскія женщины богатствомъ своихъ нарядовъ вызываютъ зависть и недоброжелательство со стороны враговъ евреевъ. Но эта привязанность къ роскошнымъ платьямъ — какъ разорительно она ни дѣйствуетъ на экономическія обстоятельства многихъ еврейскихъ семействъ и какъ ни раздражаетъ она злые языки недоброжелателей евреевъ — имѣетъ и свои свѣтлыя стороны. Еще пророкъ Исаія (58, 7) увѣщаетъ еврейскій народъ одѣвать бѣдныхъ; Талмудъ (Баба батра, 9) присоветуяетъ, что бѣднымъ должно давать платья, не дѣлая предварительныхъ изслѣдованій — нуждаются-ли они въ нихъ и заслуживаютъ-ли они это. Далѣе, Талмудъ (Шаббатъ, 78) вмѣняетъ уче-

нымъ въ обязанность являться между людьми всегда въ опрятномъ и приличномъ платьѣ. Наконецъ, нельзя не указать на одинъ еврейскій обычай, который отчасти нскушаетъ неоправдываемую роскошь, которую обнаруживаютъ евреи въ своей одеждѣ: мертвые, безъ различія состоянія и званія, хоронятся у евреевъ въ простомъ полотняномъ саванѣ и въ простомъ, сколоченномъ изъ обыкновенныхъ досокъ, гробѣ, между тѣмъ, какъ у не-евреевъ при погребеніи мертвыхъ замѣчается большая роскошь въ платьяхъ, покрывалахъ и гробахъ.

„Женщина есть благодать дома“. (Баба мѣсяца 58).

Кротость и мягкость, отличающія еврейское племя, какъ и свойственное ему живое семейное чувство, дѣлаютъ его особенно воспріимчивымъ въ благороднымъ чертамъ женщины и женственности и удерживаютъ его отъ грубыхъ выходовъ противъ нѣжнаго пола и отъ причиненія ему оскорбленій. Еврейскій супругъ, если онъ только не совсѣмъ одичалъ, всегда хорошо обращается съ своей женою, и обыкновенно подчиняется ей въ дѣлахъ семейныхъ. Еврейскій языкъ даетъ женщинѣ тоже самое названіе (иша), какъ и мужчинѣ (ишъ), съ прибавленіемъ лишь окончанія женскаго рода, и въ дальнѣйшемъ фазисѣ своего развитія прямо называетъ ее „домомъ“, потому что она составляетъ средоточіе домашней жизни. Три еврейскихъ патриарха, образцовые представители еврейскаго племени, являются относительно своихъ женъ болѣе пассивными, чѣмъ активными, и множество еврей-

скихъ поговорокъ свидѣлствуютъ о присущей Израилю нѣжности, по отношенію къ женщинамъ. Жену свою должно почитать выше силъ своихъ (Холинъ, 84); если она мала ростомъ, то нужно къ ней нагибаться и говорить тихо (Баба меція, -59); въ словахъ, употребляемыхъ въ обращеніи съ нею, слѣдуетъ быть особенно разборчивымъ, потому что она легко плачетъ и скорѣе чѣмъ мужчина обижается рѣзкимъ выраженіемъ (ibid); кто женится ради денегъ жены, у того будутъ недостойныя дѣти (Кидушинъ, 70); первая жена подобна храму іерусалимскому: кто съ нею разводится, о томъ самъ алтарь проливаетъ слезы (Гиттинъ, 90), и у кого она умираетъ, тотъ подвергается такому сильному потрясенію, какъ будто въ его время разрушено святилище Божіе въ Іерусалимѣ (Синедр., 22). Если Шиллеръ требовалъ отъ мужчинъ, чтобы они почитали женщинъ, „ибо онѣ влетаютъ небесныя розы въ земную жизнь“, то галантный Раба (Баба меція, 59) увѣщевалъ жителей Мехузы: „Чтите женщинъ, ибо въ нихъ благодать дома“.

Еврейско-нѣмецкія поговорки.

Еврейско-нѣмецкія поговорки суть отчасти отраженіе древнихъ талмудическихъ, только въ другой формѣ, отчасти же доставляютъ этнографическому изслѣдователю новый матеріалъ. Изъ обоихъ этихъ родовъ мы при-

ведемъ и пояснимъ здѣсь нѣкоторыя болѣе характеристическія.

„Несправедливость для меня лучше штурь“ (глупости).

Ничто такъ не противно еврею, какъ глупецъ, который постоянно нарушаетъ законы ума и произноситъ невѣрные сужденія. Глупость для него нерѣдко источникъ зла и начало порока, между тѣмъ какъ умъ для него тождественъ съ мудростью и добродѣтелью. Въ библии слово „глупый“ (ксий) имѣетъ такое же значеніе, какъ и „нравственно злой“; а слово „умный“ тождественно съ „нравственно-добрымъ“, по изрѣченію Талмуда, человекъ не предается грѣху прежде, чѣмъ на него находятъ „духъ глупости“ (руахъ штурь), и въ слѣдующихъ народныхъ поговоркахъ особенно рѣзко выражается отвращеніе къ дураку: „Гдѣ дуракъ сидѣлъ, должно вытереть стулъ“; „дуракъ — это гзаръ“ (злой рокъ); „на дурака не сдѣлаешь перешъ (комментаріи); этотъ тоже не веусиль изъ эцъ-га-даасъ“ (древа познанія); „когда одинъ дуракъ броситъ камень въ колодезь, то десять хахомимъ (умныхъ) его оттуда не вытащатъ“. Понятно, что исключительное положеніе евреевъ въ средніе вѣки много содѣйствовало тому, что они такъ высоко цѣнятъ умъ, который они вынуждены были напрягать, чтобы поддерживать свое существованіе и избавиться отъ преслѣдованій и мученій. Кромѣ того, изученіе Талмуда,

окужало умъ, который игралъ главную роль при сложныхъ діалектическихъ тонкостяхъ, особеннымъ блескомъ. Съ другой стороны не было недостатка и въ сатирическихъ пословицахъ, направленныхъ противъ хитрости, пересоленнаго умствования и схоластическаго суетумудрія. „Полякъ, гдѣ у тебя ухо?“ спрашивали польскаго еврея, который на вопросъ — гдѣ у него ухо, правой рукойъ черезъ голову указывалъ на лѣвое ухо, чтобы такимъ образомъ насмѣхаться надъ крючкотворнымъ мудрствованиемъ. „Этотъ дѣлаетъ слишкомъ много ве-хохмесь“ (слишкомъ много умствуетъ), гласитъ другая пословица, и пересоленный талмудическій схоластицизмъ осмѣивается въ поговоркѣ: „это Katze-Mediztrech“ (заключеніе кошки). Кошка — рассказывается въ одной еврейской баснѣ — увидѣла разъ незакрытый горшокъ, и рассудила, что въ немъ ничего нѣтъ, иначе его не оставили бы открытымъ. Но нѣтъ, возражала она сама себѣ, въ горшкѣ вѣроятно что нибудь есть, и его именно оставили открытымъ, чтобъ я думала, что въ немъ ничего нѣтъ. Словомъ „медицтрехъ“ (такъ нужно было) въ Талмудѣ нерѣдко начинается логическое заключеніе. (Ср. сочин. Авр. Тендлау: „Пословицы и т. д.).

„Настоящій даллесъ (бѣдность) не исходитъ отъ Бога“.

Какъ ни глубоко вкоренена въ сердца евреевъ вѣра въ божественный промыселъ, они однако вообще, вслѣдствіе своей пронизательности и своего прилежанія, вовсе несклонны приписывать Богу то, чему виною лѣ-

ность и неразумность людей, и надѣяться на чудеса. Они требуютъ труда и примѣненія силъ, и высказываютъ убѣжденіе, что совершенно упавшій бѣднякъ не виноватъ въ своей участи. Если ты надѣешься на благословеніе Божье, говоритъ Талмудъ, то ты не долженъ предаваться праздности, а долженъ работать и производить. „Трудъ вовсе не харпе“ (стыдъ), и „не должно полагаться на ниссимъ и нифлоэсъ (дива и чудеса)“ гласитъ еврейская пословица.

„Онъ амъ-горець“ (невѣжда).

Образованность и знаніе всегда высоко цѣнились евреями; ибо они отчасти составляютъ потребность организаціи ихъ натуры, отчасти же они доставляютъ индивиду больше вѣсу и больше значенія. Кромѣ того, знаніе Библии, которая читалась весьма прилежно, и изученіе Талмуда требовали нѣкоторыхъ познаній, обогатившихъ образованность. Еврейскіе родители поэтому всегда употребляли и теперь употребляютъ всѣ зависящія отъ нихъ средства, чтобы обучать и образовывать своихъ дѣтей, и у евреевъ это считалось самою скверною бранью, если кому нибудь говорили, что „онъ амъ-горець“ (невѣжда), равно какъ, выраженіе: „онъ можетъ быть ровъ (раввиномъ) въ колъ-ишроэль“ (всемъ Израилѣ) считалось великою почестью для того, кому это говорилось. Далѣе, пословица: „Для ученія никто не слишкомъ старъ“, показываетъ, что евреи усердно изучали науку и считаютъ ее до того важною, что никакой возрастъ не можетъ удержатъ ихъ отъ

стремленія познать ее. Однако, это особенное почитаніе научнаго образованія, соединенное съ быстрымъ соображеніемъ и способностью легко усваивать себѣ все чужое, поощряло съ одной стороны поверхностную многосторонность, которую уста народа называли „разсыпанной кружкой бсомимъ“ (пряностей), а съ другой стороны дилетантизмъ, который особенно распространень между евреями и представителемъ котораго является „прекрасный балъ-босъ“ (гражданинъ или членъ общины). Если такой „прекрасный балъ-босъ“ обладаетъ еще, кромѣ того, земными благами, или если онъ руководствуется поговорками: „хуцпе (смѣлость), стоить больше наличныхъ денегъ“, и „хуцпе всего достигаешь“ — тогда ужъ онъ навѣрное сдѣлается еврейскимъ представителемъ и будетъ истинной напастью для дѣйствительнаго образованія и положительнаго знанія.

„Всѣ евреи имѣютъ одинъ сехель“ (умъ).

Евреи, какъ и женщины, мало отличаются другъ отъ друга и не особенно богаты разнообразіемъ отдѣльныхъ личностей. У нихъ много талантливыхъ людей, но мало гениевъ, изъ за своего однообразія они часто приходятъ между собою въ столкновенія, постоянно ссорятся между собою, часто ведутъ процессы другъ противъ друга и, поэтому, охотно имѣютъ сношенія съ не-евреями, которымъ они во всемъ стараются подражать. „Съ евреемъ хорошо лишь идти вмѣстѣ въ шуль“ (синагогу), гласитъ еврейская пословица, а другая говоритъ: „Какъ

аукнется у христіанъ, такъ откликнется у евреевъ“ (wie es sich judelt, so christelt es sich). Эта послѣдняя поговорка подтверждается слѣдующимъ интереснымъ фактомъ. Хотя евреи, именно въ главныхъ чертахъ и ихъ племенномъ типѣ, похожи другъ на друга, тѣмъ не менѣе легко отличить австрійскаго еврея отъ венгерскаго, южно-германскаго отъ сѣверо-германскаго, французскаго отъ англійскаго, и не только по его языку, но по его внѣшнимъ приемамъ, манерамъ и известнымъ особенностямъ страны, къ которой онъ принадлежитъ.

„Хохме (мудрость) Аристотеля“.

Глава перипатетиковъ въ средніе вѣка господствовалъ надъ умами магометанскими, еврейскими и христіанскими, и его собственныя, или по его философской системѣ написанныя, сочиненія читались и комментировались на языкахъ арабскомъ, еврейскомъ и латинскомъ. Въ особенности же евреи много содѣйствовали ихъ распространенію, такъ какъ при ихъ посредствѣ они переданы были съ арабскаго языка на латинскій. Сочиненія Аристотеля, въ особенности его *Этика*, пользовались между евреями высокимъ уваженіемъ, ихъ цитировали въ синагогахъ; въ религиозныхъ проповѣдяхъ и вдохновенныхъ гимнахъ употреблялась его философская терминологія, въ особенности таблица его категорій, и какъ популяренъ онъ сдѣлался съ теченіемъ времени, свидѣтельствуетъ приведенная выше поговорка, которая въ другой вариациіи гласитъ: „Это голова Аристотеля“, и подобную которой едва ли

можно найти у других народов. Это показывает, как еврейское племя способно къ образованію, и какъ быстро оно усваиваетъ себѣ духовныя блага другихъ народовъ. Впрочемъ, трезвый реализмъ Аристотеля, по самому духу евреевъ, былъ имъ болѣе по вкусу, чѣмъ поэтический идеализмъ Платона и неоплатониковъ, который нашель себѣ мѣсто лишь на поприщѣ противной коренной сущности еврейскаго племени, Каббалы.

„Изъ бахура (изучающаго Талмудъ) можно сдѣлать все, что угодно“.

„Бахуръ“, или юноша, который все свое время и всѣ свои умственные силы посвящаетъ изученію Талмуда, составляетъ въ высшей степени интересное явленіе для этнографическаго изслѣдователя. Представьте себѣ мальчика лѣтъ восьми или десяти, который безостановочно выучилъ нѣкоторыя части еврейской библіи и котораго тотчасъ же послѣ этого начинаютъ обучать предмету, сильно отличающемуся отъ библейскаго гебранзма, не имѣющему ни гласныхъ, ни пунктуаций, и изобилующему самыми разнообразными матеріями, относящимися къ области гражданскаго, уголовнаго и государственнаго права, къ жертвоприношенію, законамъ о пици, земледѣлію, торговлѣ и взаимнымъ сношеніямъ. Чѣмъ старше онъ становится, тѣмъ онъ болѣе углубляется въ него, въ Талмудъ т. е., привыкаетъ къ опредѣленію самыхъ тонкихъ различій и, не оставляя аудиторіи своего учителя, знакомится со всевозможными случаями, встречающимися въ практической жизни, и такимъ образомъ,

приобрѣтаетъ извѣстную ловкость, опытность и юридическую сноровку. Изъ такого молодаго человѣка можно все сдѣлать, и дѣйствительно изъ него все и дѣлали. Онъ дѣлался раввиномъ, учителемъ, купцомъ, мѣнялой, натаріусомъ, врачомъ и адвокатомъ своихъ постоянно тяжущихся единовѣрцевъ. Такой юноша, поэтому, былъ выгоднымъ женихомъ и обыкновенно женился на богатой, некрасивой дѣвушкѣ, которую называли „Бахуримъ-Схоре“ (товаръ для бахуровъ). Въ этнографическомъ отношеніи такой „бахуръ“ составляетъ замѣчательный экземпляръ, такъ какъ въ его жизни отражается проницательность, терпѣніе, практическая ловкость еврейскаго племени, которое умѣетъ находиться во всякомъ положеніи и пользоваться имъ.

„Поѣшь плотно, покуда у тебя дѣтей нѣтъ“.

Нѣжное семейное чувство и доброе, мягкое сердце еврея особенно ярко обнаруживается въ отношеніяхъ къ дѣтямъ. Еврейскіе родители нерѣдко отказываютъ себѣ въ самомъ необходимомъ, лишь бы ни въ чемъ не отказывать своимъ дѣтямъ, и не страшатся никакой жертвы, лишь бы доставить имъ лучшее положеніе въ жизни. Между евреями вы рѣдко встрѣтите такихъ родителей, которые въ нѣжномъ возрастѣ посылали бы дѣтей своихъ на фабрики, гдѣ они чахнутъ и погибаютъ. О маленькомъ дитяти еврейская пословица говоритъ, что это „діамантъ въ домѣ“, и о матери говорится, что она должна имѣть широкій передникъ, „чтобы закрывать ошибки своихъ дѣтей“. Однако нельзя умолчать

и о томъ, что любовь евреевъ къ дѣтямъ не всегда знаетъ мѣру, и еврейская молодежь очень часто бываетъ слишкомъ избалована и избѣжена.

„Es ist niebich ein Rachmones“¹ (ахъ, какая жалость).

И эта поговорка показываетъ, что милосердіе и состраданіе составляютъ одну изъ національных особенностей еврейскаго племени. Участіе и сердечная доброта, сосредоточенныя въ словѣ „небихъ“, уже указаны были выше; слово: „рахмонесъ“ (милосердіе) имѣетъ такое же магическое значеніе для евреевъ; оно также—мягкій серебристый тонъ нѣжноструннаго еврейскаго сердца. Когда еврей произноситъ слово „рахмонесъ“, то въ немъ пробуждаются самыя глубокія чувства, и точно какой нибудь ангелъ милосердія сидитъ въ его душѣ и вдохновляетъ его на самыя благородныя, человѣколюбивыя подвиги. „Рахмонесъ“ еврея распространяется не только на его ближнихъ безъ различія вѣры и происхожденія, но и на неразумныхъ животныхъ. Достаточно обратиться къ еврею съ выраженіемъ: „Это цааръ баале хаймъ“ (мученіе живаго существа), чтобы удержать его отъ жестокаго обращенія съ животными. Евреи, поэтому, не нуждались въ обществахъ для покровительства животнымъ; ихъ сердце и ихъ законъ представляютъ животнымъ самое вѣрное въ этомъ отношеніи обезпеченіе.

XI.

Историческія вліянія на развитіе еврейскаго племени.

Какъ развитіе талантовъ и умственныхъ способностей отдѣльныхъ личностей зависитъ отъ разныхъ внѣшнихъ вліяній, поощряющихъ, мѣшающихъ и измѣняющихъ иногда это развитіе, такъ точно это имѣетъ мѣсто и относительно первоначальныхъ качествъ цѣлаго племени. То они грозно прорываются со всею своею природною силой, то они задерживаются какъ бы твердымъ оплотомъ, то, наконецъ, ихъ общее дѣйствіе встрѣчаетъ препятствія, чѣмъ нарушается существующее между ними равновѣсіе. Все это зависитъ отъ климатическихъ, политическихъ, соціальныхъ и культурныхъ условій, которыя вліяютъ на нихъ и опредѣляютъ ихъ развитіе.

Еврейское племя также не могло избѣгнуть господства извѣстныхъ историческихъ силъ, находилось подъ ихъ дѣйствіемъ и развитіе его подвергалось ихъ вліянію. Поэтому, кто хочетъ судить о немъ вѣрно и безпристрастно, тотъ не долженъ основывать свое мнѣніе, ни на одной исторической эпохѣ, ни на одной какой-либо странѣ, а долженъ принять во вниманіе всѣ тѣ моменты, вліяніе которыхъ, въ извѣстное время и въ извѣстномъ пространствѣ, были особенно сильны. Такъ, напримѣръ, испанскіе евреи среднихъ вѣковъ производятъ на изслѣдователя совершенно другое впечатлѣніе,

нежели евреи германскіе, хотя и тѣ, и другіе, суть сыны одного и того же племени; это различіе имѣють свои историческіе мотивы и вытекаетъ изъ географическихъ свойствъ, политическаго положенія и культурнаго развитія Испаніи и Германіи.

Тамъ, подъ кастильскимъ небомъ, среди роскошной южной природы, въ сообществѣ испанцевъ и мавровъ, побуждаемые арабскими философами и поэтами и подъ вліяніемъ, то высокаго, то угнетеннаго соціального положенія, евреи производятъ великихъ поэтовъ, мыслителей, дипломатовъ, государственныхъ людей, и ихъ внѣшній видъ принимаетъ многое отъ маврскаго рыцарства и испанской грандеццы; здѣсь, подъ нѣмецкими императорами, вблизи посоха и рыцарскихъ замковъ, предоставленные нѣмецкому педантизму, который проявляется даже и въ притѣсненіяхъ, отверженные, не видя никакого сильнаго умственнаго побужденія извнѣ, германскіе евреи представляютъ собою грустную и печальную картину. Люди были те же на Пиренейскомъ полуостровѣ и на берегахъ Рейна и Дуная; но, такъ какъ климатическія и соціальныя условія были различны, то они изъ испанскихъ и нѣмецкихъ евреевъ образовали двѣ вѣтви одного и того же дерева, изъ которыхъ одна, богато одаренная плодами, производитъ весьма пріятное, а другая, своими скудными цвѣтками, весьма тяжелое и грустное впечатлѣніе.

Однако, большею частью всѣ тѣ, которые говорили, писали и судили о евреяхъ, упускали изъ виду и не

обращали вниманія на дѣйствіе и противодѣйствіе историческихъ силъ, отчасти по недостаточному знакомству съ этнографическимъ матеріаломъ и неясному пониманію различія историческихъ эпохъ, отчасти же вслѣдствіе предубѣжденій и вкорененныхъ предразсудковъ. Одни — лучшіе и болѣе справедливые — положили въ основаніе своихъ изслѣдованій библейскую древность, другіе же оказались до того близорукими, что видѣли только то, что совершается при нихъ и около нихъ, и притомъ еще большею частью кривымъ глазомъ. Если Берне и Гейне, ко благу нѣмецкаго народа и въ интересѣ прогрессивнаго духа, разлагали и разрушали болѣзненные политическія, литературныя и соціальныя отношенія своего времени, то евреи, тотчасъ же, разъ на всегда, признаны были разлагающимъ элементомъ въ европейскомъ обществѣ. Неужели они должны были истощать свое остроуміе на то, чтобы защищать узкую реакціонную политику, господствовавшую со времени паденія Наполеона до іюльской революціи, чтобъ поощрять фантастическія пиршества романтизма, государственную и церковную реакцію, господствовавшую въ Германіи и Австріи до самаго послѣдняго времени, и абсолютистическія похоти и насилія властвовавшихъ? Неужели, евреи должны стыдиться того, что они дали свѣту Берне, вмѣсто Генца, Гейне, вмѣсто Фуке или Новалиса, Кремье и Годефроа, вмѣсто Баховъ и Мантейфеловъ, Бернштейна и Якоби, вмѣсто Вейльо и фонъ-Герлаха? Или выдающіяся еврейскія личности должны были содѣйство-

вать охраненію политическихъ и соціальныхъ учрежденій, въ которыхъ господствовали нетерпимость упорнаго лютеранства и ненависть ультрамонтановъ? Предоставьте еврею возможность человѣческаго существованія, и онъ всѣми своими силами, всѣмъ своимъ остроуміемъ будетъ стремиться охранять то положеніе, откуда вытекла эта возможность; если же вы наложите на него цѣпи и запретите ему свободно двигаться, то не удивляйтесь, если онъ будетъ разлагать и разрушать, пока желѣзо не расплавится и цѣпи не разорвутся!

Но возвратимся, однако, къ анализу историческихъ вліяній, направлявшихъ его развитіе въ ту или другую сторону. Эти историческіе моменты суть: разсвѣяніе, угнетеніе, талмудо-раввинская казуистика и торговля.

Разсвѣянность по всему свѣту принесла евреямъ страшныя страданія и ужасныя преслѣдованія, но въ то же время имѣла на нихъ благотѣльное вліяніе. Они, при этомъ, приходили въ столкновеніе съ племенами, обладающими болѣею объективностью, болѣе склонными къ строгому порядку, систематичности и архитектоникѣ и отличающимися спекулятивнымъ духомъ, не столь преданнымъ телеологическимъ цѣлямъ и, такимъ образомъ, находили случай расширить свой кругозоръ, ассимилировать новыя образовательныя элементы, принимать дѣятельное участіе въ умственномъ движеніи и нерѣдко быть посредниками между восточною и западною цивилизаціей, при чемъ имъ много помогала способность легко

усвоятъ себѣ чужіе языки. Поэтому, при изученіи исторій евреевъ, можно изучать и исторію всѣхъ образованныхъ народовъ; безъ этой послѣдней первая даже остается загадкой. Какъ ни малочисленно это племя въ сравненіи съ романами и германцами, тѣмъ не менѣе въ аналахъ его религіи и литературы можно найти слѣды всѣхъ умственныхъ эволюцій въ теченіе тысячелѣтій. Ученіе Платона, Аристотеля, неоплатониковъ, софистовъ, арабскихъ и христіанскихъ схоластовъ, гуманистовъ Картезія и Вольфа — всѣ они, такъ сказать, имѣли свои склады и своихъ послѣдователей на почвѣ еврейскаго племени и приносили тамъ плоды, изъ которыхъ самый лучшій—систематика, которою, болѣе всякаго другаго еврея, въ среднѣе вѣка отличался логически образованный Майминодъ. Куда евреи ни пришли въ своемъ странствованіи, и гдѣ бы они ни поселились, они повсюду, въ силу своихъ объективныхъ влеченій и универсализма, быстро осваивались, и ихъ расположеніе къ просвѣщенію и знанію побуждало ихъ воспринимать и перерабатывать въ себѣ все хорошее и превосходное, которое находили у другихъ народовъ, но иногда и все дурное и вредное. Еврейская народная поговорка подтверждаетъ этотъ фактъ. Она гласитъ: „Wie es jüdet, so christelt es sich“ (какъ аукнется у христіанъ, такъ откликнется и у евреевъ), т. е. евреи обыкновенно составляютъ рефлексъ окружающей ихъ не еврейской среды. Христіанскій романтизмъ и фанатизмъ нашли себѣ одновременное отраженіе въ синагогѣ, и даже австрійскій конкордатъ возбуждалъ

зависть не одного еврейскаго духовнаго пастыря въ Венгріи, и нѣчто подобное должно было установиться у евреевъ, хотя еврейство вовсе не знаетъ епископовъ, получающихъ свою должность прямо отъ Бога, и ничего не вѣдаетъ объ абсолютной власти раввина. Евреи вовсе незамкнутый и неисключительный народъ, который избѣгаетъ чужаго вліянія и не подверженъ, какъ мадьяры или русскіе, напимѣръ, странной идеѣ развиваться изъ самихъ себя, но они на столько умны, разсудительны, чтобъ браться гдѣ находятъ, не деньги, какъ графъ Бисмаркъ, а все хорошее. Поэтому для евреевъ всегда было очень важно, куда судьба загнала ихъ, и на добросовѣстномъ изслѣдователѣ лежитъ обязанность, прежде чѣмъ произнести свое сужденіе о евреяхъ, апализировать состояніе народовъ, среди которыхъ они жили, и познать культурную почву, на которой они двигались.

Гнетъ, подъ которымъ евреи стонали въ различныхъ полосахъ земли, производилъ самое сильное дѣйствіе на ихъ духовную жизнь, умственное развитіе, характеръ и внѣшній видъ. Правда, вѣрны слова Гагады: „какъ оливковые плоды при давленіи даютъ чудное масло, такъ Израиль подъ гнетомъ развиваетъ превосходныя качества“; этотъ гнетъ укрѣпилъ у евреевъ семейное чувство, придавалъ пріятное обаяніе совмѣстной жизни, питалъ и поддерживалъ благородные порывы сердца, окружилъ субботу такою прелестью, съ которою не можетъ сравниться ни одинъ праздникъ у другихъ народовъ“

заставлялъ евреевъ напрягать свои тѣлесныя и духовныя силы, чтобы поддерживать свое существованіе, и поощрять ихъ склонность къ умѣренности и бережливости. Однако гнетъ, какъ вообще въ жизни народовъ, такъ и въ болѣе тѣсномъ кругу еврейскаго племени, имѣлъ весьма дурныя и вредныя послѣдствія. Угнетенный еврей принужденъ былъ льстить и угодничать и чрезъ это лишился своей красивой, мужественной осанки; его умъ, который долженъ былъ прискивать средства для охраненія себя отъ гибели, извращался нерѣдко въ хитрость и лукавство, его душевное настроеніе сдѣлалось печальнымъ, мрачнымъ, его фантазія находила удовлетвореніе во всемъ сказочномъ, чудесномъ и сверхъестественномъ, его умъ сдѣлался доступнымъ мистическимъ внушеніямъ—которымъ предаются несчастные болѣе одаренные люди; между тѣмъ, какъ люди необразованные и неразвитые предаются пьянству—и его синагогальнымъ поэтамъ недостаетъ свѣтлыхъ мелодій радости. Если же, напримѣръ, на основаніи социальныхъ, литературныхъ и религіозныхъ явленій, коренящихся въ гнетѣ, захотѣли бы произнести общее сужденіе о еврейскомъ племени и приписывали бы ему, напр., угодничество, лукавство и склонность къ фантастическому, то это ни въ какомъ случаѣ нельзя было бы признать справедливымъ и научно-основательнымъ. Пусть избавляютъ евреевъ отъ гнета, или пусть разрѣжутъ корни, изъ которыхъ развиваются извѣстныя этническія начала, и тогда они также оправдаютъ собою простой законъ мышленія и природы, по которому, съ

прекращеніемъ дѣйствія причинъ исчезаютъ и послѣдствія.

Талмудо-раввинская казуистика, изученію которой евреи предавались съ такимъ радостнымъ усердіемъ, образуетъ собою одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ развитія этого племени въ побиблейскую эпоху. Талмудо-раввинскій методъ есть методъ юридическій (ср. выше), адвокатски разсматривающій всю религіозную жизнь и дѣлающій самыя сокровенныя движенія сердца предметомъ хитроумныхъ преній и колкихъ намековъ. Она возбуждала и шлифовала умъ и такъ отлично вышколила его, что онъ мастерски умѣетъ распознавать и строить самыя остроумныя комбинаціи. Этотъ испытанный на аренѣ талмудо-раввинской юриспруденціи умъ оказывалъ евреямъ важныя услуги, въ особенности въ то время, когда имъ приходилось прибѣгать къ тонкостямъ, чтобы избѣгать нападений клерикаловъ и варварства своихъ христіанскихъ собратьевъ. Однако, слишкомъ острая бритва часто имѣетъ много зубринокъ, или какъ Талмудъ говоритъ: „изъ остроумія—къ заблужденію“. Талмудо-раввинскій методъ извратился въ крючкотворную казуистику, затмившую стремленіе къ простой истинѣ и красотѣ и превратившую своихъ приверженцевъ въ спорливыхъ, упрямыхъ, систематическихъ оппозиціонистовъ, которые все хотѣли знать лучше всѣхъ, обо всемъ острили, нетерпѣливо прерывали говорящихъ, никогда не давали прямыхъ отвѣтовъ, всякую вещь любили поставить на ножки. свой безпокойный и подвижный умъ обнаруживали

въ своихъ внѣшнихъ пріемахъ и жестикуляціяхъ и съ какимъ то авторитетнымъ презрѣніемъ относились къ твореніямъ искусства, ко всему прекрасному и высокому. Какое нибудь софистическое объясненіе имѣло для нихъ большее значеніе, чѣмъ вдохновенныя рѣчи Исаи, и какой нибудь казуистическій крючекъ былъ для нихъ выше Давидовыхъ псалмовъ. Не гласъ Божій слышали они въ законахъ Пятикнижія, а хлопанье своихъ рукъ, которыми они часто ударили одна о другую во время своихъ споровъ. Весьма естественно, что подъ вліяніемъ этого метода, который, мало по малу, овладѣлъ всѣми умственными способностями, провозгласилъ царемъ острый умъ, а разсудокъ и фантазію унизилъ на степень вассаловъ, евреи извращали и затмѣвали многія свѣтлыя и блестящія стороны своей племенной природы! Поэтому-то, внослѣдствіи, болѣе разсудительнымъ людямъ стоило очень много труда пріучать ихъ къ простому и прямому, къ порядку и умѣренности, къ эстетикѣ въ пѣніи и разговорѣ, во внѣшнихъ пріемахъ и выраженіяхъ. Впрочемъ не духъ Талмуда виновенъ въ этихъ извращеніяхъ. Кто изучаетъ его не софистическимъ и казуистическимъ образомъ, а по требованіямъ научнаго метода, т. е. съ точки зрѣнія филологической, исторической, археологической, законодательной и религіозной, какъ это дѣлаютъ лучшіе еврейскіе ученые нашего времени, тому нечего опасаться всѣхъ тѣхъ ненормальностей, о которыхъ мы выше говорили и которыя должны быть осуждены всѣми обладающими научно и нравственною серьезностью и тонкимъ вкусомъ. Самъ

Талмудъ осуждаетъ тѣхъ вавилонянъ, которые, въ противоположность палестинскому духу, любили сложную запутанную діалектику, и пользовались ею въ своихъ преніяхъ.

Наконецъ, торговля наложила свою печать на основныя свойства еврейскаго племени. Однако, прежде чѣмъ подробнѣе разберемъ вліяніе торговли, мы, въ виду опроверженія долгое время господствовавшихъ предразсудковъ, приведемъ отзывы двухъ безпристрастныхъ авторитетовъ о значеніи евреевъ въ торговлѣ. В. Киссельбахъ въ своемъ сочиненіи: „Ходъ всемірной торговли и развитіе народной жизни въ средніе вѣка“ (Штутгартъ, 1860 г.) говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Еще задолго до Рождества Христова во многихъ городахъ запада и востока уже существовали купеческія гильдіи израильтянъ. Уже со времени пребыванія ихъ въ Египтѣ, они, такъ сказать, имѣютъ въ одной рукѣ пряности, бумажныя и шелковыя матеріи Африки, Аравіи, Персіи, Индіи и Китая. Знаменитое, приписываемое Арріаму (Arghiam) описаніе путешествія (Periplus) по эритрейскому морю, въ которомъ выражается точное знаніе всѣхъ портовъ и предметовъ ихъ вывоза, отъ Ранте, на африканскомъ берегу, до Тиндра, въ восточной части передней Азіи, принадлежитъ, вѣроятно, александринскому еврею; который, не обладая вовсе греческимъ образованіемъ, разсматриваетъ всѣ эти мѣстности, которыя онъ какъ купецъ, самъ видѣлъ во второй половинѣ перваго вѣка до Р. Х., съ исключительной торговой точки зрѣнія. Пальцами же другой руки они держали многочисленныя колоніи

на островъ Критъ, на островахъ Эгейскаго моря въ равнинахъ Дуная, Италіи, Франціи даже Испаніи“. Далѣе, тотъ же авторъ говоритъ: „Подобно тому, какъ европейскій міръ ввелъ въ свою культуру многія азіятскія нити, которыя еще и въ настоящее время порождаютъ весьма странныя явленія, такъ наша часть свѣта и въ евреяхъ имѣетъ социально-экономическій элементъ съ неизмѣнчившимся содержаніемъ и формою, который достался ей въ удѣлъ изъ древнеазіатскаго быта. Великое значеніе его для новой экономической жизни среднихъ вѣковъ, однако, только тогда выразится для насъ съ полною ясностью, когда мы рассмотримъ общественно-государственное вліяніе, какое оказало обращеніе денежныхъ знаковъ въ земледѣльческомъ быту. Здѣсь достаточно замѣтить, что, если бы, при распаденіи Римской Имперіи, участвовавшіе во всемірной торговлѣ, еврейскіе купцы не образовали собою связующаго звена между Азіей и Европой и не сдѣлались, такимъ образомъ, представителями движимой собственности, вносившими социальное движеніе въ земледѣльчeskій бытъ средней Европы, то тамъ едва ли такъ скоро появилось бы гражданство съ его городами и выработавшимся отсюда государственнымъ развитіемъ. Ибо, живущимъ въ своихъ дворахъ, рыцарямъ и крестьянамъ и не могло придти въ голову завести торговныя сношенія съ совершенно неизвѣстными имъ азіятскими гаванями. Новое среднеевропейское народное хозяйство нуждалось, такимъ образомъ, въ социально-экономич-

ческой примѣси, которая привела бы его въ сношеніе съ внѣшнимъ міромъ. Эта задача, въ концѣ древнихъ и въ началѣ среднихъ вѣковъ, выпала на долю бездомнымъ, вѣчноподвижнымъ евреямъ, о которыхъ Августинъ рассказываетъ, что „они часто молодыми мужьями оставляя своихъ молодыхъ женъ и только уже стариками возвращались къ своимъ старухамъ.... Да, исторія обнимаетъ собою многія тайнодѣйствующія силы!“ Наконецъ, относительно позднѣйшей средневѣковой эпохи, Киссельбахъ замѣчаетъ: „Если израильтяне — эти ученики финикянъ — и должны были уступить всемирную торговлю товарами европейскому гражданству, которое они вызвали къ жизни, то этииъ, однако, еще е окончилась ихъ торгово-историческая миссія. Какъ въ физическомъ мірѣ, природа въ своихъ твореніяхъ дѣйствуетъ экономично и бережливо, и почти всегда умѣетъ пользоваться матеріей отживающихъ тѣлъ для новыхъ организацій, такъ она и въ исторіи человѣчества не хочетъ, повидимому, совсѣмъ отказаться ни отъ одной, разъ выпряденной и затканной нитки, которую она возобновляетъ, хотя и въ другомъ, измѣненномъ видѣ — таинственное социальное движеніе, на которое историки до сихъ поръ слишкомъ мало обращали вниманія. Вытѣсненный отчасти изъ городскихъ промысловъ, еврей отправляется въ деревню, и для мѣстностей, которыхъ еще не коснулась торговля, снова образовываетъ систему волосянныхъ трубочекъ, съвозъ которыхъ господствующее въ главныхъ пунктахъ экономическое движеніе прово-

дится въ самыя отдаленныя части организма. Хотякъ экономической дѣятельности, еврей собираетъ затоптанныя зерна, отнавшія при общей жатвѣ, и съ прибрѣтеннымъ, такимъ образомъ, капиталомъ дѣлается предвозвѣстникомъ будущихъ болѣе широкихъ торговыхъ сношеній и вовлекаетъ пастуха и крестьянина въ расширенную по всему земному шару сѣтъ взаимнаго обмена сырыхъ матеріаловъ и фабричныхъ производствъ. Если мы обратимъ вниманіе на общій строй европейскаго общества, захватывающій всѣ отдѣльныя части, то нельзя будетъ не признать, что еврей, въ началѣ среднихъ вѣковъ, былъ экономической необходимостью и что въ чисто земледѣльческихъ странахъ, еще по настоящее время, невозможно обойтись безъ него. — Тамъ же, гдѣ еврей умѣли удержаться въ городахъ, они забрали въ свои руки торговлю деньгами—также наслѣдіе ихъ финиціанскихъ предшественниковъ, съ которыми молодые народы Европы не умѣли обращаться. Этими они положили основаніе новѣйшему банкирству“.

Вотъ, что говоритъ Киссельбахъ, который, полагаемъ, достаточно убѣдилъ читателя, что миновало то время, когда общество было на столько не благодарно и не образованно, что не признавало заслугъ, которыя еврей, посредствомъ торговли, оказали европейскому міру.

Другой, не менѣе значительный и не менѣе безпристрастный авторитетъ—это англичанинъ Деки, который въ своей „Исторіи возникновенія и вліянія цивилизаціи въ Европѣ“ (Т. II.) говоритъ слѣдующее объ этомъ

предметъ: „Важнѣйшая заслуга, которую они (евреи) оказали міру, состоитъ въ поддержаніи купеческой дѣятельности, которой они, въ теченіе многихъ вѣковъ, были почти единственными представителями. Путешествуя изъ страны въ страну, ознакомившись со всѣми произведеніями и подробностями каждой изъ нихъ, практически и искусно примѣняя систему ссуды денегъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, поддерживая продолжительную тайную корреспонденцію и организовавъ неслыханную еще тогда въ Европѣ вексельную систему, евреи сдѣлались необходимыми христіанскому міру. Когда итальянскія республики достигли могущества, онѣ сдѣлались средоточіемъ, куда устремлялись евреи, и, подъ купеческими правительствами Ливорно, Венеціи, Пизы и Генуи, торговое дѣло, хотя и не достигло, конечно, совершенства, но во всякомъ случаѣ было неизмѣрно выше, чѣмъ гдѣ либо. Евреи были защищены отъ оскорбленій; они могли заниматься медицинскою практикой и безпрепятственно производить торговлю деньгами, а общественное мнѣніе, равно какъ и законодательство, проникнуто было въ этомъ отношеніи терпимостью“. — — „Коммерческій геній еврейскихъ изгнанниковъ былъ однимъ изъ элементовъ, содѣйствовавшихъ развитію Ливорно, Пизы и Анконы“.

И такъ, торговля расширила горизонтъ евреевъ, и развила въ нихъ универсалистическое начало, она, какъ и гнетъ и талмудораввинская казуистика, шлифовала ихъ умъ, такъ какъ всякій купецъ долженъ умѣть рассчитывать и пользоваться кризисами и другими случайностями

и вынужденъ сопоставлять всевозможныя обстоятельства; она вызвала въ нихъ извѣстную ловкость, которая вообще свойственна купеческому сословію, и придала ихъ существу нѣчто подвижное, безпокойное, легковозбуждающееся, въ противоположность земледѣлію, которое дѣлаетъ характеръ спокойнымъ и консервативнымъ.

Такимъ-то образомъ, съ теченіемъ времени, три сильныхъ фактора дѣйствовали сообща для того, чтобы дать обнаружиться одной сторонѣ еврейскаго племени—именно дѣятельности его ума—со всею ясностью, рѣзкостью и однообразностью, какъ съ хорошей, такъ и съ дурной стороны. И не справедливо было бы, при окончательномъ опредѣленіи существа евреевъ и ихъ первоначальныхъ свойствъ, упустить изъ виду эти факторы и ихъ необходимыя послѣдствія. Чтобы предупредить ошибочныя мнѣнія, нужно, кромѣ того, прибавить, что эксцентрическая дѣятельность ума, если и не совершенно парализируется еврейскимъ сердцемъ и іудействомъ, требующимъ отъ человѣка любви и кротости, то, по меньшей мѣрѣ, въ сильной степени ими ослабляется. Слишкомъ сильное развитіе остроумія и одностороннее его проявленіе нельзя назвать хорошимъ, и оно, дѣйствительно, въ извѣстныя времена, весьма вредно дѣйствовало на религіозное развитіе; но его необходимо прослѣдить исторически и познать его первоначальные источники.

XII.

Новоеврейскій языкъ.

Древнееврейскій языкъ уже рассмотрѣнъ съ этнографической точки зрѣнія въ первомъ отдѣлѣ этого сочиненія. „Онъ не сдѣлался“ — какъ характеризуетъ его Эвальдъ — „подобно санскритскому, чистѣйшимъ и точнѣйшимъ отпечаткомъ мысли, и имъ не такъ легко исполнѣть точно и тонко выразить извѣстныя понятія; онъ еще ступенью ближе къ состоянію первобытности и древней престотѣ, но за то отличается болѣе теплымъ чувствомъ и плѣнительно младенческою искренностью; онъ, кромѣ того, отличается творческою первобытностью и чрезвычайно милой наглядностью“. Г. Бауеръ, въ своей „Исторіи вѣтхозавѣтнаго пророчества“, различіе между арійскими и семитическими языками выражаетъ въ слѣдующемъ превосходномъ изображеніи: „Индогерманскіе языки“, говоритъ онъ, „суть произведенія народнаго духа, который съ свѣжей, простодушной преданностью погружается во внѣшній міръ, чтобы въ мысли и словѣ воспроизвести его въ себѣ съ полнѣйшей свободой и всесторонней самодѣятельностью. Устройство ихъ представляется организмомъ съ богатѣйшимъ, разнообразнѣйшимъ и въ тоже время опредѣленнѣйшимъ внутреннимъ сочлененіемъ, который слѣдуетъ за мыслями и отраженнымъ въ нихъ внѣшнимъ міромъ до малѣй-

нихъ подробностей ихъ содержанія и тончайшихъ ихъ соотношеній: повсюду мы встрѣчаемъ здѣсь свободную дѣятельность ума, рассматривающую предметъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Семитическіе языки, напротивъ, рѣшительно отличаются субъективностью. Легко возбуждаемое чувство семита не допускаетъ, чтобы предметы спокойно отразились въ немъ вѣрною во всѣхъ чертахъ картиной. Семитъ сохраняетъ только то, чѣмъ особенно возбуждается его чувство, и приобретенный, такимъ образомъ, лингвистическій матеріалъ приводится въ порядокъ, выясняется и развивается удивительно острымъ умомъ—силою, повидимому, прямо противоположно возбужденному субъективному чувству, однако сродною съ нимъ потому, что и этотъ острый умъ направляется, не желаніемъ тщательно оцѣнить объекты и всѣ ихъ проявленія, а стремленіемъ послѣдовательно проводить свои собственные категоріи“.

Тѣмъ интереснѣе проявленіе національнаго еврейскаго духа въ производствѣ новоеврейскаго языка изъ древнееврейскаго. Оно доказываетъ этнографическому ислѣдователю въ области языка способность къ развитію, остроумію, универсалистическій духъ и виртуозность еврейскаго племени, которыя могутъ быть замѣчаемы и въ экономической жизни въ другомъ видѣ и которыя увеличиваютъ и обогащаютъ сравнительно небольшое количество словъ помощію остроумныхъ комбинацій, разработки имѣющагося лингвистическаго матеріала и присвоенія чужихъ и родственныхъ элементовъ. Право вѣ-

деніе, чтобъ быть изложено свободнымъ отъ всякой двусмысленности, предполагаетъ извѣстныя формы языка. Такихъ правовѣденіемъ обладали римляне, которыхъ безсмертный историческій подвигъ состоитъ въ развитіи права. Можно сказать, что Римъ перенесъ искусство тактическаго сочлененія, ясность и опредѣленность своего военнаго устройства и стратегическихъ операцій изъ арміи на формы права въ гражданской жизни. Отсюда систематическій порядокъ и логическій строй римскаго права. Библейскому гебранзуму не доставало этихъ формъ языка, при которыхъ возможно точныя, недвусмысленныя опредѣленія юриспруденціи. Не доставало также многихъ выраженій и опредѣленій для развитаго правовѣденія. Поэтому, когда, съ теченіемъ времени, область правовой жизни расширилась, и явилось потребностью кодифицировать результаты юридической эксегетики и практики, когда все вообще разсматривалось въ юридической формѣ, тогда древнееврейскій языкъ долженъ былъ получить дальнѣйшее развитіе, чтобы удовлетворить обращеннымъ къ нему новымъ требованіямъ. Такъ и случилось.

При помощи родственнаго халдейскаго языка образовались новыя грамматическія формы, увеличилось число грамматическихъ частицъ, важныхъ для выраженія отѣнковъ мысли и для логическаго состава предложеній. Изъ древняго матеріала языка, путемъ аналогіи, образованы были новыя слова, заимствованы были изъ греческаго и латинскаго корни и термины и такъ обрабо-

таны въ духѣ еврейской грамматики, что трудно узнать ихъ чужое происхожденіе. Такимъ образомъ, изъ древнееврейскаго удалось образовать языкъ, удовлетворявшій остроумной и тонкой талмудической и раввинской юриспруденціи.

Сношенія съ аравитянами побудили еврейскіе умы заняться философскими изслѣдованіями и научной разработкой еврейской грамматики. Еврейскій языкъ снова долженъ былъ подвергнуться преобразованію, такъ какъ онъ не обладалъ ни философской, ни грамматической терминалогіей. Какъ же это совершилось? Какимъ образомъ, изъ поэтическаго и патетическаго языка Библии, образовался языкъ для выраженія аристотелевыхъ отвлеченій и тонкихъ грамматическихъ различій? Для этого прибѣгли къ подражанію родственному съ еврейскимъ арабскому языку. Снова образованы были новыя слова, новыя грамматическія частицы и формы изъ библейскаго гебраизма и арабскихъ образцовъ. Въ этомъ процессѣ разительнѣйшимъ образомъ выказались объективныя влеченія и универсализмъ еврейскаго племени.

Еврейскіе писатели среднихъ вѣковъ разработывали разнообразнѣйшіе религіозные и свѣтскіе предметы и обнаруживали при этомъ такое искусство въ примѣненіи древнееврейскаго языка, что сочинили тысячи пѣсень, гимновъ, элегій, молитвъ покаянія, увѣщаній и разсужденій тѣмъ самымъ языкомъ, какимъ пѣли древніе псалмисты.

Новѣйшее время, въ которое еврейскій языкъ,

какъ и еврейское племя, обновляется и возрождается, собираетъ плоды предшествовавшаго развитія, совершавшагося въ теченіе столькихъ вѣковъ и въ различныхъ концахъ земли. Оно наследуетъ тѣ формы языка, надъ которыми трудились юристы, философы, моралисты, поэты и естествоиспытатели. Драмы, поэмы, лирическія стихотворенія, повѣсти и романы пишутся теперь, въ особенности въ славянскихъ земляхъ, на еврейскомъ языкѣ. Сочиненія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, даже „Парижскія тайны“ переведены на еврейскій языкъ, и текуція новости распространяются еврейскими журналами, читатели которыхъ разсѣяны во всѣхъ частяхъ свѣта.

Въ настоящее время, евреи обладаютъ языкомъ, начало котораго восходитъ къ временамъ библейскихъ историковъ, пророковъ и поэтовъ, а увеличенію и обогащенію котораго содѣйствовали различные народы, эпохи и страны. Онъ представляетъ собою образецъ стойкости, которая не застываетъ и не каменѣетъ, а образуетъ твердую почву для новыхъ наслоеній и новыхъ формацій.

XIII.

Терпимость еврейскаго племени.

Лассенъ, въ своемъ „Исслѣдованіи индѣйскихъ древностей,“ и Ренанъ, въ своей „Всеобщей исторіи семи-

тическихъ языковъ," увѣряютъ, что религіозная нетерпимость и фанатизмъ составляютъ характеристическую сторону семитическихъ народовъ. Если бы положеніе это было справедливо, то евреи, вслѣдствіе своего семитическаго происхожденія, должны были бы отличаться нетерпимостью и фанатизмомъ. Но прежде всего мы должны замѣтить, что евреевъ ни въ какомъ случаѣ, нельзя мѣрять масштабомъ общаго и абсолютнаго семитизма. Точно также, какъ Палестина, страна, въ которой нѣкогда жили евреи, приводитъ своихъ обитателей въ сношеніи съ тремя частями свѣта, такъ и въ евреяхъ, вслѣдствіе покрытаго мракомъ первобытно-историческаго процесса, соединились элементы азіятскіе, европейскіе и африканскіе. Они на востокѣ представляютъ собою западь, отличаются отъ родственныхъ семитовъ своими объективными влеченіями, универсалистическимъ духомъ, способностью къ просвѣщенію и прогрессу и развѣреннымъ умомъ и фантазіей, что признаетъ и Александръ Гумбольдтъ за библейскими рѣчами и библейской поэзіей. Поэтому, вовсе не кстати подводить евреевъ подъ общую категорію семитовъ и приписывать имъ такія черты характера, которыя свойственны лишь однимъ арабтянамъ. Сравнимъ хоть основаніе Ислама съ первымъ появленіемъ іудейства въ исторіи. Тамъ мечъ является орудіемъ, которымъ пророкъ стремится распространитъ свою религію, здѣсь пастушескій посохъ служитъ символомъ тому, который вель евреевъ

чрезъ пустыни; тамъ мы видимъ фанатическую пропанду, которая сжигаетъ все, что мѣшаетъ ей на пути, здѣсь — провозглашеніе избраннаго народа, котораго, однако, вовсе не обязываютъ насильно навязать другимъ народамъ свои религіозныя истины; тамъ мы замѣчаемъ чрезъ чуръ высокія, но вскорѣ захромавшія притязанія Магомета упразднить; въ духѣ гегелевской терминологіи, прежнія религіи, іудейство и христіанство, т. е. слить ихъ синтетически, какъ два подчиненные момента, въ третій высшій, здѣсь же — откровеніе новой религіи, которая, относительно существующихъ, является замкнутою и исключительною. Германскія и романскія племена, какъ дѣти той церкви, которая одна только спасаетъ души, право, совершенно инымъ образомъ грѣшили противъ духа религіозной терпимости, чѣмъ оклеветанные и непонятые потомки Авраама!

Племенной природѣ евреевъ присущи, кромѣ того, такія свойства, которыя, вмѣстѣ взятыя, въ состояніи удержать ихъ отъ всякой нетерпимости и всякаго фанатизма, по отношенію къ другимъ вѣроисповѣданіямъ. Кто, какъ еврей, такъ охотно подражаетъ всему чужому и малѣйшую похвалу со стороны чужаго ставитъ выше всевозможныхъ похвалъ своихъ собственныхъ единовѣрцевъ; кто обладаетъ такимъ универсалистическимъ духомъ, что усваиваетъ себѣ отъ всѣхъ окружающихъ народовъ, съ которыми ему приходится столкнуться; кто отличается такими объективными влеченіями, что въ состояніи слиться съ чужими народностями и принять ихъ

національные отгѣнки; чей умъ — который, по своей трезвости и холодности, мало склоненъ собирать дрова для костра нетерпимости и фанатизма, — такъ твердъ, что въ состояніи противустоять горячему, патетическому сердцу, тотъ, право, не созданъ отъ природы для религіозной нетерпимости и фанатизма!

И въ самомъ дѣлѣ, терпимость евреевъ, относительно другихъ религій, ясно выражена въ ихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Эти воззрѣнія требуютъ лишь отъ другихъ народовъ, чтобъ они соблюдали семь, такъ называемыхъ, Ноевыхъ заповѣдей, предписывающихъ вѣрованіе въ высшее существо, избѣжаніе язычества и идолопоклонства, безопасность жизни и имущества, чистоту семейныхъ отношеній, общественный порядокъ въ смыслѣ справедливости и удовлетвореніе жизненныхъ потребностей въ красивой человѣческой, а не въ дикой, животной формѣ, и вовсе не навязываютъ имъ всего религіознаго ученія іудаизма для того, чтобъ они могли достигъ царствія небеснаго. По этимъ воззрѣніямъ, всѣ люди могутъ достигъ царствія небеснаго, если они только въ этическомъ смыслѣ отличаются добротою и благочестіемъ, и они далеки отъ нелѣпости отправлять всѣхъ не-евреевъ въ адъ и удержать рай лишь для себя однихъ. Не смотря на человѣколюбіе евреевъ, проистекающее отъ ихъ мягкаго и кроткаго сердца, не смотря ва то, что имъ строго вѣнено осуществленіе этого человѣколюбія, мы, однако, во всей исторіи до сихъ поръ не встрѣчаемъ ни одного еврея, который взывалъ бы къ своимъ единовѣрцамъ,

чтобы они навязали цѣлымъ народамъ или отдѣльнымъ личностямъ ученіе іудаизма, мучили, пытали, а если можно и сжигали ихъ на землѣ, чтобы за то доставить имъ вѣчное блаженство на небѣ. Торжества идей и истинъ іудаизма пророки, а вмѣстѣ съ ними и все еврейское племя, ожидаютъ отъ историческаго прогресса, отъ все болѣе и болѣе распространяющагося просвѣщенія, отъ большаго распространенія здравыхъ идей, отъ истиннаго познанія челоуѣчества, и высказываютъ убѣжденіе, что всякое насиліе въ дѣлѣ вѣры, въ религіи ума и сердца, лишь задерживаетъ побѣду истины, порождаетъ ханжество и портитъ нравственность. Талмудъ выставляетъ юношу-язычника образцомъ сыновней привязанности къ отцу, а Іуда га-Леви и Маймонидъ выставляютъ христіанство и магометанство религіями, проистекшими изъ божественнаго источника и предназначенными изливаться въ великое море всеобщаго высшаго познанія: они признаютъ ихъ происходящими изъ іудейства религіозными положеніями, которыя, силою религіозно-историческаго, діалектическаго процесса, найдутъ свое примиреніе въ высшемъ религіозномъ синтезѣ, въ будущемъ, или въ мессіанскомъ царствѣ.

Всѣ приведенные здѣсь моменты, полагаемъ, достаточны для того, чтобы опровергнуть мнѣніе, будто евреи, какъ отпрыски семитизма, отличаются нетерпимостью, и чтобы доказать, напротивъ, справедливость положенія, что евреевъ никакъ нельзя подвести подъ общее понятіе абсолютнаго семитизма.

Поэтому, то обстоятельство, что Лессингъ, въ своемъ „Натанъ“, изобразилъ еврея представителемъ религіозной терпимости, вовсе нельзя считать простою случайностью: ибо ни христіанину, ни магометанину, въ такой степени недоступна религіозная терпимость, какъ еврею, который этой драмѣ далъ уже мѣсто въ своей литературѣ, въ переводѣ на новоеврейскій языкъ. Мало того, сказка о трехъ кольцахъ, составляющая, такъ сказать, центръ драмы и являющаяся въ ней выраженіемъ идеи религіозной терпимости, дѣйствительно происходитъ изъ еврейскаго источника и составляетъ продуктъ еврейской терпимости. Не говоря уже о томъ, что въ „Decamerone“ Боккаччіо, откуда ее заимствовалъ Лессингъ, и въ „Ciente Novelle antiche“ ее рассказываетъ еврей же, она, кромѣ того, въ главныхъ чертахъ уже встрѣчается въ еврейскомъ сочиненіи, относящемся къ XI столѣтію. Историческое сочиненіе „Шебетъ Іегуда“ (колѣно Іуды), написанное Соломономъ Ибнъ Вергой, передаетъ слѣдующій разговоръ между испанскимъ королемъ донъ-Педро старшимъ и евреемъ Эфраимомъ бенъ Санхо:

„Король. Тебя привели ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы ты объявилъ, какая изъ двухъ религій лучшая: христіанская или твоя?“

„Еврейскій мудрецъ. Моя религія лучше для меня, для моихъ отношеній, такъ какъ я нѣкогда былъ рабомъ въ Египтѣ и Богъ чудесами вывелъ меня оттуда,

для тебя же лучше твоя религія, такъ какъ она всегда господствующая“.

„Король. Я спрашиваю относительно самой религіи, а не относительно ея приверженцев“.

„Мудрецъ. Послѣ трехдневнаго размышленія я дамъ отвѣтъ королю моему, если онъ этого желаетъ, съ чѣмъ король и согласился. Черезъ три дня мудрецъ явился снова, но съ весьма сердитымъ и пасмурнымъ видомъ.“

„На вопросъ короля: почему ты такъ печаленъ? онъ отвѣтилъ: меня сегодня оскорбляли, хотя я не сдѣлалъ ничего худаго, и ты, государь нашъ, долженъ защитить меня. Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ: мѣсяцъ тому назадъ, сосѣдъ мой отправился въ далекое путешествіе и, чтобъ утѣшить двухъ сыновей своихъ, подарилъ имъ предъ отъѣздомъ два драгоценныхъ камня. Теперь эти два брата явились ко мнѣ и требовали, чтобъ я имъ разъяснилъ свойства этихъ камней и ихъ различіе, и когда я имъ замѣтилъ, что этого никто лучше ихъ отца не знаетъ, который, будучи ювелиромъ, извѣстенъ какъ знатокъ драгоценныхъ камней, ихъ достоинства и формъ, и который, если они къ нему обратятся, сообщитъ имъ самыя достовѣрныя свѣдѣнія, то они, за это замѣчаніе, били и оскорбляли меня“.

„Когда же король сказалъ: Они поступили несправедливо и заслуживаютъ наказанія, мудрецъ продолжалъ: Пусть же уши твои, о царь, внимаютъ словамъ, только что произнесеннымъ устами твоими. Смотри, Исавъ и

Иаковъ тоже братья, изъ которыхъ каждому данъ драгоцѣнный камень, и мой государь спрашиваетъ меня теперь, какой изъ нихъ лучшій; пусть же и царь нашъ отправить посланнаго къ отцу на небесахъ — ибо это величайшій и лучшій ювелиръ — и Онъ уже разъяснитъ различіе этихъ камней“.

Въ этой вариации, правда, говорится только о двухъ драгоцѣнныхъ камняхъ и о двухъ религіяхъ, но она, безспорно, образуетъ собою тотъ рудникъ, изъ котораго взято золото для прелестной притчи о трехъ кольцахъ и которая, по содержанію своему, еврейскаго происхожденія. Въ испанскомъ романѣ „Донъ-Бихоть“ также встрѣчается остроумное *сору d'esprit*, заимствованное изъ Талмуда и перешедшее отъ евреевъ къ испанцамъ. Форма сравненія (машаль), очень любимая евреями, выраженная въ немъ острога, соображеніе о достоинствѣ и отношеніи различныхъ религій, то обстоятельство, что еврея спрашиваютъ о свойствахъ драгоцѣнныхъ камней, которыми единовѣрцы его производили обширную торговлю — все показываетъ, что притча эта, выражающая собою религіозную терпимость въ народномъ духѣ, зародилась непременно въ умѣ еврея. Съ теченіемъ времени, драгоцѣнные камни превратились въ кольца, — и самое сравненіе распространено и на исламъ. Весьма можетъ быть, что оно уже при первомъ появленіи обнимало всѣ три религіи и что сочиненіе „Шебетъ Іегуды“ сообщило его съ другаго варианта, въ которомъ исламъ не былъ принятъ во вни-

маніе. Впрочемъ, въ Испаніи разсказывали еще и другую сказку, которая имѣла своимъ содержаніемъ отношеніе различныхъ религій между собою и которую Іегуда га-Леви сдѣлалъ исходною точкой своего религіозно-философскаго сочиненія „Кузари“. Царь хазарскій пригласилъ къ себѣ христіанина, магометанина и еврея; распрашивалъ ихъ о достоинствѣ ихъ религій и объявилъ себя за іудейство. Философскія изслѣдованія, которыми арабскіе и испанскіе евреи предавались съ большимъ усердіемъ и съ особенною любовью, также много содѣйствовали тому, что религіозная терпимость въ сознаніи евреевъ пустила корни, о которыхъ говоритъ Куно Фишеръ, что они „терпятъ религію и образъ мыслей другихъ не изъ равнодушія, а по сознанію, вслѣдствіе глубокаго знанія человѣчества, вслѣдствіе интереса, который Лейбницъ прекрасно называетъ любовью, сообразною съ мудростью“.

Такимъ образомъ, въротерпимость еврейскаго племени воздвигла себѣ безсмертный памятникъ въ притчѣ о трехъ кольцахъ, и Лессинговъ „Натанъ“—это истый еврей, стоящій на высотѣ своего племеннаго и религіознаго сознанія. Ибо Натанъ, по замѣчанію Германа Гетнера, „истый и настоящій человѣкъ, образецъ высшей, гармонически замкнутой въ себѣ жизненной мудрости. Черезъ школу горькаго опыта Натанъ дошелъ до глубины и свободы мысли, до веселой кротости духа и того чистаго и непоколебимаго величія души, которое, подъ гнетомъ раздѣляющихъ людей религіозныхъ

различій, тѣмъ горячее и искреннѣе стремится къ чисто человѣческому, которое есть строжайшее самоотрицаніе относительно себя и непрестанное осуществленіе любви относительно другихъ“. Христіанскіе фанатики всегда обвиняли и теперь обвиняютъ Лессингова „Натана“ въ ереси; въ еврейскихъ же кружкахъ его почитаютъ, какъ образецъ терпимости, кротости и чело-вѣколюбія, которому соплеменники его стараются подражать. Вы найдете тысячи благочестивыхъ евреевъ, которые, подобно Натану, не отвратятъ отъ вѣры отцевъ ввѣренное имъ христіанское дитя, но вы найдете очень мало набожныхъ христіанъ, которые противустояли бы искушенію спасти посредствомъ крещенія душу ввѣреннаго имъ еврейскаго сироты!

Однако, терпимость евреевъ относительно другихъ религій нисколько не исключаетъ фанатизма ихъ по отношенію къ своимъ собственнымъ единовѣрцамъ, и этого фанатизма никакъ нельзя отрицать. Ихъ живость, ихъ религіозный пафосъ и страданія, которымъ они подвергались изъ за іудейства, возбуждали и увеличивали фанатизмъ въ ихъ средѣ, въ особенности же возвратившіеся къ іудейству испанскіе и португальскіе маранни обнаруживали ярый и необузданный фанатизмъ. Отчасти, въ этомъ отношеніи, повліяло на нихъ религіозное рвеніе католиковъ, въблизи которыхъ они выросли, отчасти же, они подвергались столькимъ опасностямъ, пожертвовали своимъ социальнымъ положеніемъ и своими имуществами въ Испаніи и Португаліи, чтобъ имѣть

возможность въ Голландіи жить и умереть евреями, что никто не долженъ удивляться, если они сдѣлались усердными стражами и охранителями вѣры отцевъ своихъ и отлучили отъ синагоги Уріэля д'Авосту и Варуха Спиноццу. Но религіозный фанатизмъ евреевъ, относительно ихъ собственныхъ единовѣрцевъ и соплеменниковъ, также остынетъ и смягчится подѣ дѣйствіемъ всеобщей свободы духа, а современемъ и совсѣмъ исчезнетъ.

XIV.

Геній еврейскаго племени по сказаніямъ о пророкѣ Иліи.

Въ пословицахъ выражается мудрость, въ преданіяхъ—сердце, фантазія и геній народа. И въ самомъ дѣлѣ, по разсѣяннмъ въ области еврейскихъ преданій характеристическимъ чертамъ, легко можно набросить образъ, отражающій въ себѣ коренной духъ еврейскаго племени. Но ни въ какихъ преданіяхъ такъ сильно не выражается еврейская жизнь, какъ въ сказаніяхъ, которыя съ теченіемъ времени сгруппировались около личности пророка Иліи. Въ то время, какъ въ преданіи объ Авраамѣ преобладаетъ религіозно-гуманный моментъ, или влеченіе къ божественному и чисто-человѣческому, а въ преданіи о Соломонѣ—земная муд-

рость, подчиняющая себѣ даже и міръ духовный, преданія о пророкѣ Ілія сотканы, такъ сказать, изъ самыхъ тонкихъ чертъ природнаго характера евреевъ.

Пророкъ Ілія обладаетъ сердцемъ своего племени, тѣмъ мягкимъ, полнымъ состраданія сердцемъ, которое глубоко содрагается при видѣ человѣческаго страданія и національнаго бѣдствія. Когда Израилю грозятъ опасности, наприимѣръ отъ Амана, онъ спѣшитъ къ могиламъ пророковъ и праведныхъ, закликаетъ ихъ, чтобы они встали изъ гроба и заступились за народъ свой, и увѣдомляетъ Мардохея о роковомъ рѣшеніи, принятомъ во дворцѣ Агасфера, относительно евреевъ медоперсидскаго царства. Ссылается-ли кто нибудь на букву закона, съ цѣлью ограничить свое милосердіе и самотверженіе; слуга-ли пристыженъ и обиженъ тѣмъ, что его обходятъ пищей съ семейнаго стола, онъ тотчасъ же является защитникомъ угнетенныхъ. Вообще, онъ всюду является спасителемъ въ нуждѣ, и гдѣ далеко всякая человѣческая помощь, тамъ онъ является подъ всевозможными видами.

Какъ сынъ своего племени, онъ проникнуть семейнымъ чувствомъ. Когда мальчикъ, на восьмой день отъ рожденія, вводится въ союзъ Авраама, онъ присутствуетъ въ домѣ родителей и предохраняетъ дитя, чтобы обрѣзаніе не причинило ему никакого вреда.

Если отецъ семейства приходитъ въ отчаяніе при видѣ страдающей жены и голодающихъ дѣтей, тотчасъ же является на помощь чудотворящій пророкъ.

Въ разсѣяніи, среди преслѣдованій и гнета, онъ поддерживаетъ въ сердцѣ своего народа надежду на избавленіе и освобожденіе. Въ первые два вечера праздника Пасхи, для него, въ каждой еврейской семьѣ, ставится на накрытый столъ бокаль съ виномъ, ибо онъ непременно долженъ явиться, этотъ предвозвѣстникъ религіознаго мира и свободы народовъ, который возвѣститъ Израилю, что обогранный кровью, угнетающій народы Эдомъ или Римъ, быстро приближается къ своему паденію.

Но пророкъ Ілія не былъ бы истымъ отпрыскомъ своего племени, еслибъ не блистала умомъ, остроуміемъ и мудростью. И дѣйствительно, преданіе сдѣлало его героемъ религіозной науки, который въ состояніи рѣшать труднѣйшія проблемы, и потому отлагаетъ разъясненіе ихъ до будущаго его пришествія. На послѣднее его качество намекаетъ уже 1 книга Маккавеевъ (4, 46).

Пророкъ Ілія — это вѣчный жидъ, но не вѣчно-проклятый, а напротивъ, приносящій повсюду благословенія, который на небѣ и на землѣ, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, вѣчно приноситъ помощь и утѣшеніе народу, семьѣ и отдѣльнымъ личностямъ, и даже не-еврея охраняетъ и защищаетъ своею мантией. Слова: „призываю небо и землю въ свидѣтели, что каждый человекъ, еврей ли онъ, или не-еврей, мужчина или женщина, господинъ или рабъ, будетъ судимъ по своимъ дѣяніямъ справедливо и безпристрастно, и по нимъ удостоится соприкосновенія съ высшимъ святымъ божественнымъ духомъ!“ — начертаны въ духѣ про-

рова Иліа. Этимъ высшимъ, святымъ, божественнымъ духомъ, по еврейскимъ воззрѣніямъ, обладалъ израильскій народъ, когда онъ пѣлъ свою пѣснь у Чермнаго моря, имъ проникнуты были библейскіе герои, боровшіеся за право и свободу, поэты и философы, сочиненія которыхъ сохранились въ третьей части Библии, и этотъ святой, божественный духъ продолжаетъ проявляться въ высоко-одаренныхъ и готовыхъ на самопожертваніе людяхъ. Относительно поэзіи, тоже самое, по примѣру Платона, утверждаетъ и Цицеронъ, который въ своей рѣчи *Pro Archia poeta*, с. 8, говоритъ: „*Poetam quasi divino quodam spiritu infiari. Qua re suo jure noster ille Ennius sanctos appellat poetas*“ *). Высшій, святой, божественный духъ освящаетъ, поэтому, поэзію, искусство, человѣческую мудрость и геройскіе подвиги, когда они служатъ высокимъ и священнымъ идеямъ. Онъ соединяетъ Израиль съ остальными народами и образуетъ связь между вѣрой, силой и знаніемъ.

XV.

Этнографическіе моменты еврейскихъ праздниковъ.

Хотя праздники исходятъ изъ религіи и устанавливаются ею на основаніи историческихъ событій, явле-

*) Поэта какъ бы вдохновляетъ божественный духъ, поэтому Эниій совершенно справедливо называетъ поэтовъ—святыми.

нѣй природы или разныхъ случаевъ во внутренней жизни частныхъ лицъ, однако, съ теченіемъ времени, они отчасти принимаютъ характеръ того народа, который соблюдаетъ ихъ, и даютъ намъ возможность бросить взглядъ на его характеристическія особенности. Они показываютъ, что, какъ ни универсальна извѣстная религія въ своихъ началахъ, она все таки современемъ принимаетъ національный оттѣнокъ и отражаетъ въ себѣ особенности того народа, который ее исповѣдуетъ. Поэтому, и въ еврейскихъ праздникахъ должны найдтись моменты, относящіеся къ области этнографіи и способствующіе познанію еврейскаго племени.

Подобно прелестной розѣ, въ субботу раскрываются всѣ чары семейнаго чувства евреевъ. Въ этотъ день еврейское племя дѣлается „Саронскою лиліей, розой, цвѣтущей въ долинахъ.“ Отецъ и мать кладутъ свои руки на голову дѣтей и благословляютъ ихъ; мужъ, возвращаясь домой изъ храма Божія при наступленіи субботы, привѣтствуетъ жену 31-ой главою Притчей Соломона—пѣсней, возвѣщающей достоинство и славу „доблестной женщины“, и у накрытаго стола собираются всѣ члены семьи, проникнутые такою привязанностью и сердечностью, на которыя способны лишь еврейскія или женскія сердца.

Въ праздникъ Пасхи, кромѣ семейнаго чувства, проявляются еще еврейское милосердіе и оптимизмъ. Въ первые два вечера этого праздника члены семьи снова сидятъ вокругъ празднично убраннаго стола и

разсказываютъ объ исходѣ изъ Египта. Уже первыя страницы этого разсказа показываютъ намъ еврейское племя съ различныхъ сторонъ. Разсказъ этотъ начинается словами: „Вотъ скудная пища, которою питались предки наши въ землѣ египетской“. Всѣ бѣдствія гнета и рабства живо воскресаютъ въ душѣ еврея, сердце его сильно тронуто и онъ присовокупляетъ: „Кто голоденъ, тотъ пусть придетъ и приметъ участіе въ трапезѣ;“ онъ не хочетъ, чтобы кто-нибудь голодалъ и лишенъ былъ, радостей праздника, и заключаетъ полнымъ надежды восклицаніемъ: „Теперь мы рабы, но въ будущемъ году мы будемъ свободными!“

Какія чувства и ощущенія выражаются въ этихъ немногихъ предложеніяхъ и какія противоположности въ нихъ соединены! Гнетомъ сдавленное сердце нѣжно и кротко раскрывается неимущему и съ удивительною эластичностью поднимается до солнечной высоты свободы!

Праздникъ Откровенія (пятидесятница) не даетъ мѣста человѣческой субъективности, а потому въ празднованіи его народъ не имѣетъ случая проявлять свои особенности.

Праздникъ Новаго Года отражаетъ серьезность еврея, который проводитъ его не въ шумномъ веселіи, а въ размышленіи о божественномъ Промыслѣ и скоротечности всего земнаго; праздникъ этотъ, кромѣ того, обнаруживаетъ универсалистическій духъ еврейскаго племени. Въ новый годъ евреями совершаются молитвы,

глубоко проникнутія высокимъ пророческимъ универсализмомъ, возвѣщающія уничтоженіе на землѣ всякаго зла и всякой тирании и соединеніе всего человѣчества въ одно царство мира и свободы!

День Умилоствленія показываетъ намъ еврейскую стойкость, такъ какъ понинѣ еще въ полуденной молитвѣ обстоятельно и подробно изображается служба, совершавшаяся въ тотъ день въ іерусалимскомъ храмѣ. Особенно характеристично то мѣсто, которое блестящими образами описываетъ появленіе первосвященника въ День Умилоствленія. По словамъ поэта онъ въ тотъ день походилъ:

«На багдахинѣ, возвышающійся надъ обитателями высей;
 На лучи, исходящіе изъ носильщиковъ божественной колесницы;
 На гадячьи шнурки на концахъ платья;
 На радужный цвѣтъ, сквозя облака прорывающійся;
 На пышную одежду, въ которую Богъ облачилъ творенье;
 На розу, возрашшую въ райскихъ садахъ;
 На брилліантовую діадему на царскомъ челѣ;
 На трепетъ блаженства въ ланитахъ жениха;
 На золотую повязку на серебристомъ турбанѣ;
 На лицо просителя, подъятое къ царю;
 На утреннюю звѣзду, восходящую на разсвѣтающемъ востокѣ;
 На облаченье побѣды, на сіяющую броню правосудія;
 На ангела, съ любовью предостерегающаго прохожихъ;
 На отдаленный свѣтъ въ ночной темнотѣ;
 На архангеловъ, парившихъ предъ святымъ народомъ;
 На свѣтлый взглядъ кающагося и прощеннаго;
 На золотыя колокольчики въ таларѣ первосвященника;
 На зданіе храма и завѣсу Святой Святыхъ;
 На собранный народъ въ праздничномъ розово-фіолетовомъ нарядѣ;
 На отраженіе восходящаго солнца въ лицѣ созерцающаго;
 На граду лилій, окруженную терніемъ;
 На Орионъ, Арктуръ и южное семизвѣздіе».

Фантазія еврейскаго народа понынѣ еще наслаждается этой пышностью восточныхъ образовъ, которая изъ новаго времени, въ которое онъ живетъ и съ которымъ онъ такъ крѣпко сросся, переносить его обратно въ міръ древній, его восточный міръ.

Праздникъ Буши также свидѣтельствуетъ о стойкости еврейскаго племени. Хотя начало его кроется въ земледѣліи и имѣетъ связь съ жатвой и собираніемъ винограда, однако, онъ и нынѣ празднуется тѣми, которые преимущественно занимаются торговлей, съ такою же торжественностью и въ тѣхъ же формахъ, какъ въ древнія времена.

Въ праздникъ Пуримъ, наконецъ, выказываются еврейское остроуміе и юморъ. Уже въ самой книгѣ Эсэиръ, мы находимъ нѣкоторыя юмористическія стороны. Такъ блестящее произведеніе юмора есть рассказъ о томъ, что Аманъ, заклятый врагъ евреевъ, предлагаетъ высшія почести для человѣка, котораго царь желаетъ особенно отличать, полагая, что они достанутся ему самому, и послѣ вынужденъ эту честь, о которой онъ мечталъ для себя лично, оказать человѣку, котораго онъ только что имѣлъ въ виду уничтожить. Насъ невольно разбираетъ смѣхъ, когда мы живо представляемъ себѣ, какъ Аманъ облакаетъ своего врага Мардохея въ пурпурную царскую одежду, сажаетъ на царскаго коня, ведетъ по улицамъ столицы, и подобно герольду выкликиваетъ: „Такъ воздается человѣку, котораго царь хочетъ отличить“, и притомъ съ скрытой

злой думаетъ про себя: „Ахъ, я полагалъ, что царь мнѣ хотѣлъ особенно блестящимъ образомъ выказать свою милость, поэтому я посоветовалъ ему чрезвычайныя почести, а теперь они достаются ненавистному еврею, Мардохею. Мало того, я лично долженъ при томъ содѣйствовать и быть его вожатымъ“. Развѣ это не сильнѣйшей юморъ? Но Гагада идетъ еще далѣе своими украшеніями. Когда Аманъ хотѣлъ одѣть Мардохея въ царское платье, рассказываетъ она, то послѣдній сказалъ: „Такъ нельзя, я не умывъ“, и Аманъ самъ долженъ былъ приготовить ванну для Мардохея и помогать ему при купаньи. „Теперь возложи корону“, просилъ онъ освѣжившагося ванной Мардохея. „И этого нельзя“, отвѣтилъ тотъ, „мнѣ нужно прежде остричь волосы“, и превосходительный министръ Аманъ досталъ ножницы и самъ исполнилъ обязанности парикмахера. „Теперь садись на царскаго коня“ продолжалъ Аманъ. „Увы“, отвѣтилъ Мардохей, „я слишкомъ старъ и слабъ, чтобы самому взобраться на такого коня“, и Аманъ долженъ былъ нагнуть спину, на которую сталъ Мардохей и потомъ сѣлъ на коня.

Но это, однако, еще не единственный примѣръ, гдѣ Гагада, по поводу праздника Пуримъ, пускаетъ въ ходъ всѣ стрѣлы остроумія. Она измышляетъ слѣдующій превосходный, преисполненный самыхъ тонкихъ насмѣшекъ, циркуляръ, который медоперсидскіе сановники обнародовали и разослали, по настоянію Амана, подданнымъ Агасфера:

„Благо и миръ вамъ безъ конца! Знайте, что первый сановникъ царства, по имени Аманъ, обратилъ наше вниманіе на народъ, который живетъ разсѣянный среди васъ, отличается властолюбіемъ и ненавистью къ людямъ и измѣнически дѣйствуетъ противъ царя и отечества. Не думайте, однако же, что это злостное, ни на чемъ неоснованное обвиненіе; нѣтъ, каждое изъ своихъ положеній Аманъ можетъ подтвердить указаніемъ на ихъ священные книги.“

„Такъ, они имѣютъ книгу подъ названіемъ Псалмы. Тамъ (10, 16) говорится: Адонай—царь, всегда и на вѣки, погибнуть гонъ въ его странѣ; далѣе говорится: (149,7) Мстить гонимъ и карать народы. — Судите же теперь сами, могутъ-ли люди, которые такую книгу съ подобными изрѣченіями, число которыхъ еще можетъ быть увеличено, считаютъ священной, могутъ-ли эти люди быть вѣрными гражданами и друзьями человѣчества, не надѣются-ли они, что мы — ибо насъ они разумѣютъ подъ словомъ гонъ — должны погибнуть?“

Въ ихъ Торѣ (пятикнижіе), которую они особенно почитаютъ, съ злорадствомъ разсказывается, какъ добрый и человѣколюбивый Фараонъ—черныя краски, которыми они рисуютъ этого царя, ими злостно и пристрастно выдуманъ, — который оснпалъ ихъ благодѣяніями, нашелъ свою гибель; какъ разбиты были благочестивый Амалекъ и герои Сихонъ и Огъ; какъ консервативный Балакъ страшился ихъ. Въ книгѣ Исусъ Навигъ злорадно разсказывается, какъ они изгнали

ханаанскихъ царей изъ ихъ владѣній; въ книгѣ Судей— съ какою хитростью они убили храбраго полководца Сисру, а въ книгѣ Самуиль— какъ жестоко они умертвили благороднаго Агага. Все это достаточно докажетъ вамъ, что эти евреи ненавидятъ всѣ народы и постоянно мечтаютъ лишь о всемирномъ господствѣ. Теперь Богъ ихъ постарѣлъ и ослабъ, его священный храмъ сожженъ, сами евреи разсѣяны повсюду, а характеръ ихъ все таки нисколько не измѣнился. Находясь въ изгнаніи среди насъ, они тѣмъ не менѣе своими остроуміями насмѣхаются надъ нами и надъ священной вѣрой нашей! Встанемъ же и истребимъ этихъ враговъ человѣчества, этихъ упорныхъ противниковъ нашей вѣры!“

Даже роковое обвиненіе Амана, „что еврейскіе законы рѣзко отличаются отъ законовъ всѣхъ другихъ народовъ“, Гагада передразниваетъ самыми колючими и рѣзкими насмѣшками, влагая въ уста Амана слѣдующія слова: „Евреи — высокоумный, изнеженный и лѣнивый народъ, они имѣютъ свой собственный календарь и свои особые праздники, въ которые они насъ проклинаятъ. Въ субботу, или въ седьмой день, они ничего не хотятъ продать намъ, а въ воскресенье они все хотятъ покупать у насъ; они такъ жестоки, что нѣжнаго и слабого ребенка на восьмой день отъ рожденія подвергаютъ обрѣзанію“. Послѣдняя черта особенно мѣтка. Аманъ, который стремится истребить всѣхъ евреевъ, имѣетъ до того мягкое сердце, что его глубоко возмущаетъ видъ ребенка, котораго обрѣзаютъ на вось-

мой день, ибо его превосходительство не может видѣть крови!

Въ этомъ, почти высокомерно веселомъ, настроеніи Пуримъ праздновался въ еврейскихъ семействахъ и общинахъ, и если Ренанъ увѣряетъ, что семиты вообще вовсе не склонны къ смѣху, то празднованія Пурима въ набожной еврейской общинѣ можетъ убѣдить его, что евреевъ въ этомъ отношеніи вовсе нельзя называть потомками Сима.

Такимъ образомъ и циклъ еврейскихъ праздниковъ далъ намъ возможность познать нѣкоторыя выдающіяся стороны еврейскаго племени.

XVI.

Будущность еврейскаго племени.

Какъ это ни будетъ парадоксально, однако съ положительностью можно сказать, что, выражаясь языкомъ Платона—великія идеи, составляющія главные источники іудейства, до сихъ поръ еще не нашли полного осуществленія. Мозаизмъ долженъ былъ издать множество законовъ, чтобъ противодѣйствовать господствовавшему язычеству. Въ первый періодъ государственной жизни евреевъ чистый монотеизмъ еще не вкоренился во всемъ народѣ и во всѣхъ его правителяхъ. Въ періодъ существованія втораго храма, евреи часто вы-

нуждены были бороться за свою самостоятельность, и духъ пророчества стали заключать въ болѣе тѣсныя рамки. Возникающее христіанство, упразднившее весь моисеевъ законъ, вынудило представителей еврейскаго народа обратить тѣмъ большее вниманіе на законодательную и обрядовую часть религіи и придать ей тѣмъ большую строгость. Талмудораввинская эпоха, при помощи своихъ строителей-юристовъ, воздвигла религіозное зданіе, въ которомъ схоластическій умъ игралъ роль первосвященника, котораго Уримъ и Тумимъ были аналогія законовъ и заключенія *a minori ad majus*. Аристотелево-арабская философія хотя и очистила іудейство отъ многихъ антропоморфическихъ примѣсей, но, въ то же время, ввело въ него и нѣкоторые чуждые элементы. Каббала облачила свѣтлый еврейскій умъ въ полутьму фантастическихъ мечтаній, затмила яркій свѣтъ религіознаго реализма и на мѣсто его поставила мистическую вѣру въ сверхъестественное. Гнетъ и исключеніе, которымъ они подвергались со стороны другихъ народовъ, ослабили крылья пророческаго универсализма и развили партикуляристическія начала іудаизма. Словомъ, для свободнаго и полнаго развитія широкихъ религіозныхъ, государственныхъ и социальныхъ идей іудаизму не доставало широкаго поприща, счастливаго, свѣтлаго времени, просвѣщеннаго человѣческаго общества и терпимости со стороны другихъ народовъ.

Точно также, и еврейское племя никогда еще не находилось въ такомъ счастливомъ положеніи, въ которомъ

оно въ состояніи было бы осуществить великія преимущества своей природы, исправить свои недѣлательныя сліяніемъ съ другими народами и примирить кроющіеся въ немъ противорѣчія въ одинъ высшій гармоническій синтезъ. Но будущность, предстоящая еврейскому народу многообѣщающая и блестящая! Племя, разбѣянное во всѣхъ пяти частяхъ свѣта, живущее подъ различными широтами и среди различныхъ народовъ, одаренное прекраснѣйшими качествами, обладающее женскимъ сердцемъ, живымъ духомъ, подвижною фантазіей, пронизательнымъ умомъ, универсалистическою воспримчивостью, сильнымъ влеченіемъ ко всему чужому, практическимъ взглядомъ, остроуміемъ и серьезностью, вдохновеніемъ и стойкостью, энтузіазмомъ и осмотрительностью, паэосомъ и трезвостью, гибкостью и упорствомъ, субъективностью и объективными влеченіями, гордостью и покорностью, тароватостью джентельмена и бережливостью рабочаго, крѣпостью утеса и жидкостью воды, твердостью стали и расплавляемостью золота, въ такой удивительной смѣси, соединяющее въ себѣ семитическіе, іафитическіе и хамитическіе элементы, произведшее въ такомъ значительномъ количествѣ законодателей, пророковъ, псалмистовъ, эпиграммистовъ, юристовъ, казуистовъ, философовъ, медиковъ, государственныхъ людей, журналистовъ, публицистовъ, экономистовъ, музыкантовъ, филологовъ, историковъ, купцовъ, банкировъ, промышленниковъ; такое племя — если оно наслаждается миромъ и спокойствіемъ, находитъ себѣ вездѣ достойную оцѣнку, свободно можетъ

располагать своими силами и стремится окружать свои угловатости, ослаблять слишком горячую живость, мѣшающую пластической красотѣ формъ и приучать свой умъ къ строгой систематикѣ—должно занять одно изъ первыхъ и выдающихся мѣстъ на ступеняхъ человѣческаго развитія, для своего собственного облагораживанія и для блага и нравственного обогащенія народовъ, среди которыхъ оно до сихъ поръ продолжаетъ жить! Еврейскому племени предназначено быть посредникомъ между двумя мірами—востокомъ и западомъ, примиреніе которыхъ въ высшее единство произойдетъ въ будущемъ! И если это примиреніе когда нибудь состоится, тогда миссія еврейскаго племени будетъ осуществлена и оно будетъ наслаждаться глубокой признательностью со стороны прочихъ племенъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

°

СТОЛѢТІЕ

ЭМАНЦИПАЦІИ ЕВРЕЕВЪ

И

ЕЯ ХРИСТІАНСКІЕ ЗАЩИТНИКИ.

ВЗГЛЯДЪ НА ЛИТЕРАТУРУ И ИСТОРИЮ

ИСИДОРА КАЙМА.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Изданіе А. Е. Ландау.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

Типографія А. М. Котоміна. Вознесєнскій пр.. д. № 23-81.

**Man muss den Christen die Emancipation
unter die Nase rücken, wenn sie Kaffee trinken.**

Börne.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Вступленіе	1
I. ПЕРІОДЪ ГУМАНИЗМА.	
Лессингъ и его Натанъ	4
Фридрихъ Великій	12
Домъ	13
Мирабо	20
Аббатъ Грегуаръ	21
Французская революція	24
Кастелланъ. Рабо. Камилъ Жорданъ	25
Наполенъ I—еврейскій мессія	28
Еврейскіе депутаты. Великій семедріонъ	30
Заслуга Франціи въ дѣлѣ эманципаціи евреевъ	34
II. ПЕРІОДЪ УТИЛИТАРИЗМА.	
Германскія государства	36
Пруссія и эдиктъ 1812 г.	38
Вѣнскій конгрессъ. Горденбергъ. Меттернихъ	40
Германскій Союзный актъ	42

	Стр.
Литература: Рисъ. Фрисъ. Паулусъ. Цяммернъ. Вейль. Сапомонъ. Эвальдъ. Кремеръ. Шмидъ	44
Максимиліанъ Іосифъ, король баварскій	47
Реакція въ Пруссіи	48
Католическій священникъ—защитникъ евреевъ	49
Лисъ. Министры Аутенритъ и Шмидлингъ	50
Іюльская революція	52
Кругъ. Берне. Риссеръ. Цепфель	53
Эбертъ. Лангъ и его докладъ въ палатѣ	58
Рѣчи Швиндела, Кульмана и Клозена	62
Пренія въ палатахъ германскихъ государствъ. Ихъ результаты	64
Христіанское государство. Пруссія. Проектъ о по- ложеніи евреевъ	74
Пренія въ отдѣленіи господъ. Князь Линарь. Графы Йоркъ, Дирнъ и Зиршторфъ	78
Пренія въ отдѣленіи сословій. Шперлингъ. Шуманъ. Готбергъ. Графъ Ренаръ. Князь Рейсъ. Камп- гаузенъ Финке	80
Политико-экономическій принципъ въ дѣлѣ эманци- пации евреевъ. Фонъ-Заукенъ и графъ Шве- ринъ. Результаты	85
Билль объ эманципация евреевъ въ Англии. Рѣчи Гранта, Росселя, Гладстона	87

III. ПЕРІОДЪ ПРАВОВОЙ.

Мартовская буря. Германскій парламентъ	92
Основныя права германскаго народа	94
Австрія и Венгрія. Перевороты. Фениесь. Кошутъ. Клапка. Пульскій. Графъ Спехени и др.	99
Мильфельдскіе законы о вѣроисповѣданіяхъ	105
Пруссія. Перевороты 1866 г. Сѣверо-германскій союзъ. Требованія рейхстага. Предложеніе Ви- герса и докладъ Эндемана	106

	Стр
Данія. Италія. Швейцарія. Швеція. Норвегія. Испанія. Португалія	116
Россія. Турція. Дунайскія Княжества	120
Сѣверо-американскіе штаты	126

Выгоды эманципаціи евреевъ	127
Нѣкоторыя статистическія данныя	128
Политическій союзъ евреевъ	130
Задача современныхъ евреевъ	136

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТР.	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
	сверху		
4	1	была	было
39	4	1811	1812
	снизу		
49	3	СОСЛОВНЫХЪ ЧЛЕНОВЪ	СОСЛОВНЫХЪ ЧИНОВЪ

Выдающіеся люди обыкновенно только тогда пишутъ свои воспоминанія, когда они достигаютъ уже извѣстной жизненной зрѣлости и дѣятельность свою считаютъ уже законченною. Тоже самое бываетъ и съ мировыми идеями. Обозрѣвать ихъ прошедшую исторію можно только тогда, когда онѣ уже доставили міру результаты, доказывающіе, что онѣ уже осуществились, или по крайней мѣрѣ близки къ осуществленію. Ихъ первоначальный источникъ и ихъ значеніе можно узнать лишь по благотворнымъ плодамъ, принесеннымъ увѣнчавшими ихъ событіями. „По ихъ плодамъ вы узнаете ихъ!“

Поэтому только въ настоящее время и можно думать объ исторіи эманципаціи евреевъ, только теперь, когда цивилизованный міръ произнесъ уже свой окончательный приговоръ въ этомъ дѣлѣ и общественное мнѣніе—этотъ верховный трибуналъ—уже не видитъ въ немъ нерѣшеннаго вопроса. И дѣйствительно, въ настоящее время нѣтъ болѣе „еврейскаго вопроса“.

Однакожь цѣлое столѣтіе потребовалось для того, чтобы достигнуть этой цѣли; цѣлое столѣтіе нужно было

для приисканія рѣшенія, которое въ настоящее время кажется намъ совершенно простымъ.

Почему же такой долгій срокъ?

Потому, что эманципація евреевъ должна была идти рука объ руку съ великимъ движеніемъ новѣйшей исторіи, съ объединеніемъ различныхъ народныхъ элементовъ, съ освобожденіемъ народа изъ подъ опеки и съ восстановленіемъ правового государства.

Какъ одно только правовое государство образуетъ почву, необходимую для социальнаго равенства, такъ и его основаніе невозможно безъ осуществленія *свободы совѣсти*.

Подъ свободою совѣсти не слѣдуетъ однакожь разумѣть предоставленное каждому человѣку право исповѣдывать внутренно религію, которая ему кажется лучшей— для этого, право, вовсе не требуется государственнаго диплома—а равенство всѣхъ членовъ государства, всѣхъ вѣроисповѣданій во всѣхъ правахъ и обязанностяхъ, это равенство, которое невозможно безъ уравниенія самыхъ культовъ.

Этотъ принципъ, примѣненный въ обоихъ отношеніяхъ къ послѣдователямъ чисто божественныхъ религій, обозначается въ исторіи именемъ „Эманципація Израилтянъ“, или Іудеевъ (Juden), какъ любятъ называться послѣдователи еврейской религіи въ Германіи, послѣ того, какъ они сьумѣли заставить уважать это нѣкогда презрѣнное имя.

Вотъ почему нужно было цѣлое столѣтіе броженія и

созиданія. Отдѣленіе церкви отъ государства въ началѣ этого періода было достояніемъ лишь немногихъ лучшихъ умовъ, да и для тѣхъ оно часто было довольно темно. Масса же едва ли понимала эту идею; правительства боялись, а церковь ненавидѣла ее. Общественное мнѣніе въ этомъ отношеніи лишь изрѣдка отражалось въ печати, которая и безъ того была не свободной; трудно также найти слѣды его и въ преніяхъ народныхъ представительствъ, которыя тогда далеко не были выраженіемъ дѣйствительнаго мнѣнія народовъ. Цензурныя ножицы, какъ извѣстно, не особенно поощряютъ свободу мысли, а сословныя чины—не парламентъ.

Только когда идея свобода совѣсти постигается въ полномъ ея значеніи, только тогда за нею слѣдуетъ отдѣленіе церкви отъ государства.

Изъ этихъ двухъ идей развивается новая третья—идея равенства въ правахъ. Принципъ: одинаковыя обязанности, одинаковыя права—не осуществимъ, пока руководители государства и законодательные дѣятели не поняли этого отдѣленія, или не хотѣли искренно провести его.

Съ этой точки зрѣнія значительно облегчается обзоръ литературы и исторіи эманципаціи. Мы увидимъ ниже, что онѣ хотя и были причиною принятія мѣръ къ осуществленію этой эманципаціи, но не онѣ непосредственно вызвали эти мѣры. Только въ общемъ теченіи великихъ народныхъ движеній могла созрѣвать и эта сторона государственнаго развитія. Приливъ и отливъ

*

одного была приливомъ и отливомъ и для другой. Вотъ почему эманципация евреевъ, не имѣя своего источника въ идеѣ права, должна была пройти всѣ фазисы ложныхъ сужденій и неправильныхъ толкованій, пока она наконецъ, въ послѣднее время, не нашла своего основанія именно въ этой идеѣ права. Это доказываетъ періоды, на которые можетъ быть раздѣлена эманципация евреевъ и изъ которыхъ особенно ясно очерчиваются слѣдующіе три:

Періодъ гуманизма—до 1806 года.

Періодъ утилитаризма—съ 1806 по 1848 годъ.

Періодъ правовой—новѣйшая эпоха.

I.

Періодъ гуманизма.

Идея права въ XVIII столѣтіи едва ли могла быть понята наукой, а тѣмъ менѣе она могла быть осуществяема въ жизни. Таковъ былъ удѣлъ и нашего вопроса, какъ его долго еще должны были называть. Право нужно было проповѣдывать подъ видомъ челоуѣчности, если хотѣли, чтобы оно дѣйствительно становилось фактомъ.

Одному изъ величайшихъ умовъ всѣхъ временъ, Лессингу, принадлежитъ безсмертная слава сѣятеля того зерна, сѣмя котораго распространилось потомъ по всѣмъ

концамъ міра *). Германія и еврейство могутъ гордиться сознаниємъ, что творецъ новой классической литературы Германіи положилъ также основаніе соединенію евреевъ съ государствомъ въ той формѣ, которую завѣщали потомству древнѣйшія хроники исторіи и религіи. Великій мыслитель понялъ вѣроятно, что масса еще слишкомъ не развита, чтобы посредствомъ прозы, и даже самой блестящей прозы, которою онъ владѣлъ въ такомъ совершенствѣ, можно было искоренить ея заблужденія. Онъ прибѣгнулъ поэтому къ поэзи. Уже въ самой ранней молодости, когда ему было всего 17 лѣтъ (въ 1749 г.), онъ написалъ комедію „Еврей“ (die Juden) коротко и ясно, въ одномъ актѣ, котораго было достаточно для того, чтобы вывести на сцену благороднаго еврея и

*) Отдѣльные голоса, какъ напр. «Спасеніе евреевъ» Менассе бенъ-Израила, которые впоследствии получили значеніе въ этой отрасли литературы, не могутъ найти себѣ мѣсто въ нашемъ обзорѣ, отчасти потому, что они не имѣли того вліянія, которое достигается лишь сочиненіями въ высшей степени замѣчательными, такъ сказать, дѣлающими эпоху, отчасти же потому, что онѣ менѣе имѣли въ виду право и свободу, чѣмъ права и вольности евреевъ. Съ этой точки зрѣнія намъ кажется, что ни широкія привиллегіи, ни болѣе свободное движеніе евреевъ въ Голландіи и Англіи въ XVII в., не могутъ считаться началомъ новой эры. Тамошніе властители скорѣе видѣли въ изгнанныхъ евреяхъ только самостоятельныхъ колонистовъ и ни въ какомъ случаѣ не думали предоставить имъ настоящее гражданство. Они нисколько не стѣснялись дать еврейскимъ общинамъ то устройство, которое впоследствии подвергалось такимъ сильнымъ нападеніямъ, именно — государства въ государствѣ. Вслѣдствіе этого положенія, евреи въ Нидерландахъ по нынѣ еще и во время христіанскихъ праздниковъ публично и безпрепятственно занимаются своими ремеслами.

дурныхъ христіанъ и осмѣять предрассудки послѣднихъ. Еврей, про котораго даже его собственный слуга не знаетъ, что онъ еврей, спасаетъ жизнь помѣщику-христіанину при нападениі разбойниковъ, приклеившихъ себѣ бороды, чтобы казаться евреями, и впоследствии узнанныхъ имъ въ управляющихъ имѣніемъ помѣщика. Дочь послѣдняго между тѣмъ успѣла влюбиться въ пріѣзжаго еврея. Отецъ самъ предлагаетъ ему руку и сердце молодой дѣвушки. Онъ вынужденъ отказаться отъ нея, открывая свое происхожденіе. Баронъ восклицаетъ: „Еврей? жестокая судьба—такъ бываютъ же случаи, когда самъ Богъ не дозволяетъ намъ быть благодарными!“ Прѣзжій: „Вы уже слишкомъ благодарны тѣмъ, что хотѣли быть благодарнымъ“. — Баронъ: „Возьмите все мое состояніе“. — Прѣзжій: „И этимъ предложеніемъ я не хочу воспользоваться, такъ какъ Богъ моихъ предковъ далъ мнѣ больше, чѣмъ мнѣ нужно. Вмѣсто всякаго вознагражденія, я прошу васъ только впередъ быть умѣреннѣе въ своихъ сужденіяхъ и дѣлать меньше заключеній изъ частнаго надъ общимъ. Я скрывался не потому, что стыдился моей религіи. Нисколько! Но я видѣлъ, что вы расположены ко мнѣ и чувствуете антипатію къ моей націи, а дружба человѣка, кто бы онъ ни былъ, всегда имѣла для меня громадную цѣну“.—

Въ то время, какъ дочь помѣщика не видитъ никакого препятствія въ обнаружившейся религіи незнакомца, его съ горькими упреками оставляетъ его слуга, Кристофъ. „Какъ“, восклицаетъ онъ, „вы еврей и у васъ

хватило смѣлости имѣть въ своемъ услуженіи честнаго христіанина? Вы должны были бы мнѣ служить, такъ оно было бы согласно съ Св. Писаніемъ. Вы въ моемъ лицѣ оскорбили все христіанство. Не думайте, пожалуиста, что я и впередъ буду сопровождать васъ! Я, кромя того, еще обжалую васъ!“ — Проѣзжій: „Я не могу требовать отъ васъ, чтобы вы думали лучше, чѣмъ остальная христіанская чернь! Я не хочу припоминать вамъ изъ какого жалкаго положенія я васъ вывелъ“. — Затѣмъ онъ расчитывается съ своимъ слугой и даритъ ему серебрянную табакерку. Кристофъ: „Что за чертъ! Есть значить еврей, которые вовсе не еврей! Вы славный, чертъ возьми, человекъ и я остаюсь у васъ! Христіанинъ вытолкалъ бы меня въ зашей, а не то чтобъ поднести еще табакерку“. — Баронъ: „Ахъ, какіе достойные люди были бы еврей, еслибы всѣ они походили на васъ!“ Проѣзжій: „И какіе любезные люди были бы христіане, еслибы всѣ они обладали вашими качествами!“

Эта аксіома, что всѣ еврей должны быть богами, господствовала во всѣхъ сословіяхъ, въ людяхъ всякаго образа мыслей! Но такъ какъ масса, какъ это разумѣется само собою, никогда не можетъ состоять изъ однихъ лишь превосходныхъ людей, то этотъ предразсудокъ принималъ все большіе и большіе размѣры и на всякаго выдающагося еврея смотрѣли какъ на исключеніе, которое нисколько не измѣняетъ правила. Если это еще долгое время имѣло мѣсто въ нашъ вѣкъ, то какъ же это могло быть иначе въ прошломъ столѣтіи? У фи-

досифовъ это называлось философією. — Но масса, какъ христіанская, такъ и еврейская, не состоитъ изъ однихъ только мыслителей.

Внушить умамъ ту истину, что корень всякой божественной религіи долженъ нравственно развивать чело-вѣка, въ какой бы формѣ онъ не проявлялся, потому что религія въ своемъ внѣшнемъ принципѣ вездѣ одна и таже — было просвѣщеннымъ стремленіемъ Лессинга. „Еврей“ были лишь вступленіемъ къ „Натану Мудрому“, его послѣднему великому драматическому произведе-нію, которое онъ окончилъ 30 лѣтъ спустя (1779 г.). Этотъ нерукотворный вѣковѣчный памятникъ, это пре-краснѣйшее соединеніе ума и сердца, представляетъ сово-купность всего благороднаго, символъ челоуѣколюбія въ главнѣйшихъ религіяхъ, выдвигаетъ на первый планъ еврея, стояка и гуманиста чистѣйшей крови, набожнаго, но строгаго къ себѣ только относительно своей религіи, и совершенно свободно относящагося къ другимъ, во всемъ преисполненнаго любви и великодушія. Рядомъ съ нимъ — фигуры прекрасныхъ мусульманъ и христіанъ; вся кар-тина окружена рамкой, полной поэзіи и величія; она предствляетъ квинтъ-эссенцію франкмасонства, эпопею челоуѣчества. Еврей Натанъ, у котораго христіане со-жгли жену и дѣтей, тотчасъ же послѣ этого беретъ къ себѣ неизвѣстнаго ребенка, котораго передаютъ ему какъ дочь христіанина, принимаетъ ее какъ свое собственное дитя, не воспитываетъ ее ни въ какой положительной религіи, даетъ ей однако въ подруги христіанку, и вну-

шаетъ ей кротость и человѣчность, великодушіе и свободомысліе.

Монастырскому служебъ онъ впоследствии разсказываетъ:

„Какъ пришли вы,
Три дня, три ночи я въ золѣ, во прахѣ
Предъ Богомъ пролежалъ, проплакалъ. — Плакалъ!
Я Бога укорялъ! — въ негодованьи,
Въ ожесточеньи проклиналъ себя
И цѣлый міръ! — Я клялся къ христіанству
Въ непримиримой ненависти!...

Но понемногу
Вернулся мнѣ разсудокъ; онъ пріятно
Шепнулъ мнѣ: „все-таки есть Богъ, и все,
Что сдѣлано — его опредѣленье.
И такъ, иди, свершай, что ты постигъ
Давно, что совершить, когда захочешь,
Навѣрно не труднѣе, чѣмъ постичь.
Возстань!“ — и всталъ я, къ Господу взывая:
Хочу! хочу! — была бы только воля
Твоя на то, чтобъ я хотѣлъ. Тогда-то
Явились вы и, съ лошади сойдя,
Мнѣ передали милаго ребенка,
Завернутаго въ плащъ. Что я сказалъ вамъ,
Что вы мнѣ говорили, — я не помню.
Я знаю только то, что, взявъ дитя,
Я снесъ его къ себѣ, и на колѣняхъ,
Рыдая цѣловалъ мою малютку:

О, Господи! — изъ семерыхъ дѣтей
Хотя одно возвращено мнѣ.“

На это монастырскій служка, восхищенный такимъ
великодушiемъ, отвѣчаетъ только:

„Натанъ!

Вы христiанинъ! христiанинъ, Натанъ!

И лучшаго на свѣтѣ не бывало.“

НАТАНЪ.

„Да! благо намъ! Въ чемъ видите во мнѣ
Вы христiанина, въ томъ я въ васъ вижу
Еврея.“

Между-тѣмъ, какъ христiанскій патриархъ за этотъ
смертный грѣхъ приготовляетъ въ умѣ своемъ костеръ
для еврея:

„Еврея, — оторвавшего насильно
Младенца христiанскаго отъ церкви,
Съ которой связанъ онъ своимъ крещеньемъ. —
И чтожъ, какъ не насилiе все то,
Что дѣлаютъ съ безпомощнымъ младенцемъ?
Ну — такъ сказать — конечно, исключая
Того, что церковь дѣлаетъ.“

И на возраженiя храмовника, что средь бѣдствiй ни-
щеты дитя могло погибнуть, продолжаетъ:

„Вздоръ! — Ничего не значить! Сжечь еврея,
Затѣмъ, что лучше въ бѣдствiяхъ погибнуть,
Чѣмъ къ вѣчному грѣху снастись“, —

въ то же время этотъ еврей на вопросъ султана Са-

ладина, какую религію онъ считаетъ лучшею? отвѣчаетъ знаменитою сказкой о трехъ кольцахъ, изъ которыхъ только одно настоящее, имѣющее силу сдѣлать его обладателя угоднымъ Богу и людямъ, и по завѣщанію переходящее въ семействѣ къ самому лучшему изъ сыновей вмѣстѣ съ властью надъ своими братьями. Но одинъ изъ князей, получившихъ кольцо, имѣлъ трехъ сыновей, которые всѣ были ему одинаково дороги. Онъ поэтому заказалъ еще два кольца, совершенно сходныхъ съ настоящимъ, и оставилъ каждому изъ сыновей по кольцу, такъ что каждый изъ нихъ считалъ свое кольцо настоящимъ. Доказать какое кольцо настоящее, оказалось также невозможнымъ.

„Почти что

Какъ нѣтъ вѣдь доказательствъ и у насъ

Въ защиту правой вѣры.“

Это чудное драматическое творенье еще въ настоящее время можетъ служить поученіемъ для законодателей, не только относительно варварства мортаровскихъ и когенскихъ исторій, но и относительно существующихъ еще постановленій, запрещающихъ еврею быть опекуномъ христіанъ.

Лессингъ былъ того мнѣнія, что его пьеса только чрезъ сто лѣтъ поставлена будетъ на сценѣ. И весьма понятно; онъ свелъ свои счеты по-мимо французской революціи и ея послѣдствій. Безъ этого переворота чарующее дѣйствіе, которое эта драма производила на подмосткахъ въ концѣ прошлаго столѣтія, было бы дѣйствительно невоз-

можно. Правда, нѣмецкая философія бродила тогда уше смутно въ умѣ того или другаго судьи, такъ что Лессингъ, за свое свободное поэтическое произведеніе, не подвергся преслѣдованію, чего ему нельзя было бы миновать въ наше время, при господствѣ устроенной по французскому образцу прокуратуры. Но отъ теории къ практикѣ шагъ былъ слишкомъ великъ, блаженное самодурство германскихъ князей и народа слишкомъ сильно. Поэтому въ театрахъ Натанамъ рукоплескали, на сценѣ же дѣйствительной жизни ихъ заставляли влечь плачевное существованіе. Развѣ другъ Лессинга, Мендельсонъ, этотъ германскій философъ еврейскаго вѣроисповѣданія, авторъ „Федона“ „Утреннихъ часовъ“ и „Иерусалима“ — развѣ онъ не былъ прототипомъ Натана? И что же сдѣлалъ его король, воспитанникъ и другъ энциклопедистовъ Вольтера, д'Аламбера и Дидро, что сдѣлалъ онъ для него и его единовѣрцевъ? Его онъ удостоилъ чести своего общества, своего партнерства въ шахматной игрѣ, даже одновременной почти смерти, но не удостоилъ его чести заседать въ берлинской академіи, которая единогласно избрала Мендельсона своимъ членомъ. Единовѣрцы же его оставались тѣмъ же, чѣмъ они были — за исключеніемъ нѣкоторыхъ „генеральныхъ привилегій“ для отдѣльныхъ личностей — покровительствуемыми жидами (Schutzjuden), съ которыхъ онъ не только не снялъ тяготившей надъ ними особой подушной подати, но кромѣ того обязалъ ихъ при свадьбахъ покупать попорченныя фарфоровыя произведенія берлинскихъ заводовъ. И при этомъ у

нихъ хватило нахальства выставять еврейское „шахерство“ пятномъ несовѣстнымъ съ государственнымъ гражданствомъ! Если король-мыслитель торгашествовалъ съ покровительствуемымъ жидомъ, то почему послѣдній не могъ дѣлать тоже самое съ его государственнымъ гражданами? Старое платье, браванный фарфоръ — въ чемъ тутъ разница? Если правда, что великій Фридрихъ предъ своей кончиной сказалъ, что ему надоѣло владѣть надъ рабами, то онъ въ то время забылъ вѣроятно, что онъ цѣлое религіозное общество въ его государствѣ, въ которомъ, по его же словамъ, „каждый могъ сдѣлаться блаженнымъ по своему собственному образцу,“ — оставилъ въ постыдномъ положеніи, которому онъ такъ легко могъ бы положить конецъ!

А между тѣмъ Мендельсонъ и его школа въ это время до того возвысила еврейскую науку и культуру, что его христіанскіе друзья уже должны были думать о лучшемъ положеніи этой части населенія.

Прежде всѣхъ выступилъ Домъ (Dohm) въ своемъ главномъ сочиненіи „Объ улучшеніи гражданского положенія евреевъ“ (1781). Лессингъ писалъ для мыслящей части народа; Домъ имѣлъ въ виду государственныхъ людей, управителей, какъ онъ самъ объявилъ, но не народъ, потому-что тогда еще не было народа въ современномъ смыслѣ. Бросивъ взглядъ на исторію евреевъ въ Палестинѣ и въ періодъ ихъ разсѣянія, указавъ на способъ обращенія съ ними, какъ на причину противоположности между ихъ первоначальными и послѣдующими

занятіями и культурой, онъ возвалъ къ правительствамъ, чтобы они не заставляли евреевъ быть дурными и такимъ образомъ увеличили бы число своихъ гражданъ.

Домъ впрочемъ былъ первый, который выступилъ съ опредѣленными предложеніями объ уничтоженіи несправедливостей, которымъ до тѣхъ поръ подвергались евреи.

Въ первомъ томѣ своего сочиненія онъ прежде всего возстаетъ противъ предубѣжденія, будто евреи, въ силу ихъ замкнутой религіозной индивидуальности, не въ состояніи слиться съ національностью въ современныхъ европейскихъ государствахъ. Не имъ въ библіи предписана ненависть къ чужимъ племенамъ. Вѣтхій завѣтъ, напротивъ, проникнутъ совершенно противоположнымъ духомъ. И если въ Талмудѣ, въ изрѣченіи одного какого либо раввина, выражается нерасположеніе къ приверженцамъ другихъ религій, за то десять другихъ раввиновъ, въ томъ же энциклопедическомъ твореніи, проповѣдуютъ начала совершенно противоположныя. Ненависть породили въ нихъ впервые ихъ угнетатели и преслѣдователи, отчего всякое благородное чувство, на которое евреи были способны, что они достаточно доказали самыми разнообразными фактами, должно было необходимо притупиться въ нихъ. Въ то время, какъ подъ римскимъ владычествомъ, даже при Гоноріѣ, евреи допускались къ военнымъ и гражданскимъ должностямъ, а по Юстиніанову кодексу даже пользовались въ дѣлахъ

торговыхъ и ремеслахъ своими собственными законами — германскія завоеватели Римской Имперіи, въ особенности же вестготы, формально стремились къ окончательному ихъ истребленію, совершали всевозможныя несправедливости противъ личности и имущества ихъ, навязывали имъ въ судьи фанатическихъ священниковъ и возбуждали противъ нихъ народную ненависть. Отсюда — часто повторявшіяся съ тѣхъ поръ, смотря по надобности, нелѣпныя обвиненія евреевъ въ умерщвленіи дѣтей и оскорбленіи христіанской святыни; отсюда же сдѣлавшееся въ послѣдствіи формально необходимымъ во Франціи и Германіи „покровительство“ евреевъ, которымъ императоры и князья производили настоящій торгъ въ видахъ пополненія своихъ кошельковъ.

Испанская инквизиція своими истязаніями и изгнаніемъ самыхъ дѣятельныхъ и интиллегентныхъ гражданъ, послѣ удаленія которыхъ страна уже никогда не могла подняться на прежнюю высоту, такъ сказать, увѣнчала это зданіе. Возможно ли послѣ этого удивляться ненависти евреевъ, вызванной самими же христіанами? При всемъ томъ нерѣдко можно встрѣтить самыя разительныя примѣры еврейскаго великодушія. Амстердамскій еврей даетъ своему государю, въ послѣдствіи королю Вильгельму, два милліона для похода въ Англію. Благотворительность Церффера во время голода, свирѣпствовавшего въ 1765 году въ Эльзасѣ, странѣ, особенно отличавшейся преслѣдованіемъ евреевъ, обратила на себя даже вниманіе Людовика XVI. Даже скудость и мелочное барышничество, качества,

вовсе несвойственныя торговому духу, еврей выказываетъ только тамъ, гдѣ лишаютъ его возможности широкой торговой дѣятельности и гдѣ его спекуляціонный духъ стараются заключить въ рамкахъ мелочнаго торгашества. Запрещеніемъ приобрѣтать поземельную собственность подавляютъ въ евреяхъ всякую склонность къ земледѣлію, которую они въ такой сильной степени обнаруживали во время ихъ самостоятельнаго политическаго существованія.

Поэтому Домъ, какъ опытный государственный чело-вѣкъ, требуетъ для евреевъ, до сихъ поръ угнетенныхъ: Во-первыхъ, полного равенства предъ закономъ со всѣми прочими гражданами государства, какъ въ правахъ, такъ и въ обязанностяхъ, къ выполненію которыхъ они вполне способны; отмѣны всѣхъ существовавшихъ до тѣхъ поръ, исключительныхъ законоположеній. Во-вторыхъ, предоставленія евреямъ права заниматься промышленностью и ремеслами, даже внѣ цеховъ, еслибъ эти послѣдніе несогласились принять ихъ въ свою среду, но съ такими же правами какими пользуются цехи, если существованіе ихъ еще считаютъ цѣлесообразнымъ и не рѣшаются ихъ уничтожить. Въ-третьихъ, разрѣшенія имъ заниматься земледѣліемъ, и въ то же время предоставленія имъ права землевладѣнія, безъ всякаго ограниченія относительно тѣхъ или другихъ округовъ страны; точно также, въ-четвертыхъ, разрѣшенія всякаго рода торговли подъ обязательствомъ ввести свои книги на отечественномъ языкѣ. Въ-пятыхъ, свободнаго занятія всѣми искусствами и

науками, какъ это подобаетъ каждому свободному человеку, съ правомъ занимать государственныя должности, какъ только кто либо изъ нихъ окажется къ тому способнымъ, хотя бы для того, чтобы положить конецъ существующимъ противъ нихъ предразсудкамъ. Въ шестыхъ, свободнаго доступа въ христіанскія учебныя заведенія и уравненія съ ними еврейскихъ школъ, равно какъ и учрежденія надзора высшей власти надъ первыми, съ цѣлью устранить предубѣжденія противъ евреевъ въ христіанскихъ воспитательныхъ заведеніяхъ. Свободное выполнение религіозныхъ требъ и самоуправленіе (въ религіозныхъ дѣлахъ) разумѣются сами собою.

Совершенно послѣдовательно поступилъ Домъ и въ вопросѣ о привлеченіи евреевъ къ военной службѣ. Вторую часть своего сочиненія онъ посвятилъ преимущественно опроверженію предразсудковъ, которые—какъ въ дѣлѣ эманципаціи евреевъ вообще, такъ въ особенности относительно этого послѣдняго пункта—проистекали отъ непониманія Св. Писанія, значенія субботы и вообще еврейскихъ религіозныхъ постановленій. Его анализъ можетъ быть выраженъ въ основанномъ на разумной теоріи и осуществившемся на практикѣ твердомъ принципѣ, что свобода регулируется сама собою. Его воззваніе онъ мотивировалъ общимъ указаніемъ на то, что только гнетъ времени вызвалъ испорченность евреевъ и что поэтому справедливость и политика требуютъ, чтобы это положеніе было исправлено, какъ въ интересѣ евреевъ, такъ и въ интересѣ самого государства.

Мы такъ долго остановились на этомъ блестящемъ произведеніи, не только потому, что оно сдѣлалось исходною точкою всякой практической реформы въ положеніи евреевъ, но что еще и въ новѣйшее время его неопровержимые выводы и заключенія служатъ основаніемъ германскихъ законодательствъ и доставляютъ матеріалъ для парламентскихъ рѣчей. Если на Дома и Лессинга имѣли вліяніе такія явленія, какъ Мендельсонъ и его друзья, въ особенности мендельсоновы „Религіозные законы евреевъ“ (Ritual-Gesetze der Iuden), то послѣдній, съ своей стороны, подъ ихъ вліяніемъ написалъ свой „Іерусалимъ, или религіозная сила іудейства“, имѣвшій цѣлю ослабленіе раввинскаго авторитета. Что же касается гражданскаго уравненія своихъ единовѣрцевъ, то этотъ умный человѣкъ съ вѣрнымъ тактомъ предоставилъ инициативу этого дѣла христіанскимъ мыслителямъ.

Книга Дома тотчасъ же произвела свое вліяніе, какъ на законодательство, такъ и на литературу.

Первымъ плодомъ появленія этой книги безсомнѣнно былъ уже давно приготовленный въ умѣ, но лишь впоследствии (1782) осуществившійся, такъ называемый эдиктъ терпимости (Toleranz-Edict) Іосифа II въ Австріи—важное улучшеніе для тогдашняго времени, но жалкій плодъ съ современной точки зрѣнія и даже съ точки зрѣнія Дома.

Этотъ эдиктъ позволялъ евреямъ постоянно жить въ городахъ, а съ извѣстными исключеніями и въ дерев-

няхъ, заниматься торговлей и ремеслами въ большихъ и малыхъ размѣрахъ съ нѣкоторыми ограниченіями; но они лишены права владѣть недвижимымъ имуществомъ въ городахъ. Терпимые евреи получали такъ называемыя покровительственныя письма (Schutzbriefe). Взамѣнъ этой терпимости они должны были платить большіе синагогальные, свадебные и похоронные налоги. Но за то они могли сдѣлаться баронами и носить ордена и шпаги! Число браковъ было ограничено, о гражданскихъ правахъ и вступленіи въ цехи не было и рѣчи. Евреи получили право основать нормальныя школы и отправлять—обязанности военной службы. Словомъ они приобрѣли нѣкоторыя права, но не дѣйствительное право, за то на нихъ наложены были многія обязанности, и между ними одна, которая можетъ имѣть мѣсто лишь при совершенной равноправности. Кто въ войнѣ долженъ жертвовать своею жизнью для отечества, тотъ долженъ прежде всего имѣть это отечество. Но покровительствуемый еврей отечества не имѣеть.

Твореніе Дома было искажено этимъ эдиктомъ. Тотъ самый Іосифъ, который другія свои реформы проводилъ твердою рукою, безпощадно ломалъ все существующее, нарушеніемъ конституцій Венгріи и Нидерландовъ вызвалъ въ нихъ тѣ возмущенія, которыя принудили его взять назадъ свои мѣры — тотъ же самый Іосифъ не могъ рѣшиться на полное уравненіе евреевъ, что вовсе не было бы нарушеніемъ какой-либо конституціи, а было бы возстановленіемъ нравственнаго и юридическаго по-

рядка. Что еврейскій мальчикъ только съ достиженіемъ 14-лѣтняго возраста могъ сдѣлаться христіаниномъ — этого нельзя считать достаточнымъ исполненіемъ такого государственнаго промаха.

Въ это же время во Франціи выступаютъ два великихъ ума, побуждаемые отчасти стѣсненнымъ положеніемъ евреевъ внутри страны и преслѣдованіемъ ихъ въ Эльзасѣ (описаннымъ въ представленномъ Государственному Совѣту въ 1780 г. *Mémoire sur l'état des juifs en Alsace*), отчасти же идеями возродившейся въ Германіи науки. Сперва выступилъ французскій Демосеенъ, Мирабо (въ 1787 г.), съ превосходнымъ сочиненіемъ, въ которомъ онъ часто ссылается на Дюма: „О Моисей Мендельсонъ, политической реформѣ евреевъ и попыткѣ совершить въ пользу ихъ въ Англіи въ 1753 году переворотъ“. Рисуя этого „современнаго Платона“ и его сочиненія, начиная съ „Федона“ и кончая „Иерусалимомъ“, гениальный авторъ переходитъ къ существу іудейства и къ религіознымъ предразсудкамъ противъ этой „блестящей, заключающей въ себѣ вѣчныя истины, религіи“. Мирабо отдѣляетъ постановленія Моисея, вызванныя политическими условіями тогдашняго времени, отъ изложенныхъ въ библіи нравственныхъ обязанностей, указываетъ на необходимость отдѣленія церкви отъ государства, „безъ которой ни протестантъ въ католической, ни католикъ въ протестантской и мусульманинъ въ христіанской странѣ, не могутъ на дѣлѣ осуществлять свои гражданскія права. Вьючное живот-

ное, называемое евреемъ, не можетъ же питать любовь къ христіанину, который если его и не преслѣдуетъ, то по крайней мѣрѣ притѣсняетъ. Это предусмотрѣно въ биллѣ о натурализаціи 1752 г., онъ сдѣлалъ еврея гражданиномъ, примѣръ, настоятельно требующій подражанія“.

Хотя это сочиненіе по содержанию своему слабѣ произведенія Дожа, тѣмъ не менѣ картины, нарисованныя Мирабо, обнаруживаютъ значительную философскую глубину. Онѣ кромѣ того носятъ на себѣ отпечатокъ подвижнаго національнаго характера французовъ и должны были произвести на него желанное дѣйствіе, какъ относительно отдѣльныхъ лицъ, такъ и въ законодательствѣ.

Еще въ большей степени это удалось Грегуару, этому философскому пастырю, обладавшему столь же просвѣщеннымъ умомъ, какъ и Ламене, но избавленному отъ его слабостей. Его „Опытъ возрожденія евреевъ въ физическомъ, нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ“ — сочиненіе, удостоенное въ 1788 г. преміи королевскаго общества наукъ и искусствъ въ Мецѣ — хотя и не свободенъ какъ отъ историческихъ, такъ и отъ политическихъ ошибокъ, но тѣмъ не менѣ, даже тамъ, гдѣ Грегуаръ очевидно подражаетъ своимъ ближайшимъ предшественникамъ, его трудъ имѣетъ важныя достоинства, какъ чудная картина и практическое разъясненіе дѣла, потому что онъ указываетъ средства къ улучшенію, которыя соответствуютъ тогдашнему времени и тогдашнему настроенію, словомъ положительнымъ тогдашнимъ обстоя-

тельствамъ. Грегуаръ также указываетъ на совершенно измѣнившіеся со времени изгнанія ихъ изъ Палестины характеръ и занятія евреевъ, находитъ причину этого измѣненія во вѣшнемъ гнетѣ и основываетъ свое мнѣніе на различіи между евреями, ихъ нравами и дѣятельностью въ различныхъ странахъ и въ различные періоды среднихъ вѣковъ. Одинъ только предразсудокъ хочетъ мѣрять все и вездѣ по одной мѣрѣ. „Императрица Екатерина“, говоритъ онъ, „открыла корреспонденцію нѣкоторыхъ еврейскихъ купцовъ, передающую ея врагамъ, туркамъ, свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи страны, и тотчасъ же появляется указъ запрещающій всѣмъ евреямъ вести какую бы то ни было корреспонденцію, за исключеніемъ торговой, и на этомъ же основаніи евреевъ не только въ Россіи, но повсюду, гдѣ бы они не жили, считаютъ измѣнниками! При этомъ забываютъ совершенно, что Мальта, въ 1749 г., спасена была отъ сдачи непріятелю патриотомъ евреемъ — какихъ много было въ Испаніи подъ владычествомъ мавровъ; забываютъ также, что ни одинъ еврей во Франціи никогда не поддерживалъ лиги. Тоже самое происходитъ и относительно обмана и ростовщичества, которыя формально были навязаны евреямъ превратнымъ законодательствомъ. Откройте имъ пути сношенія, государственную жизнь — и благородная натура чловѣка тотчасъ же обнаружится“.

Грегуаръ отличается разнообразіемъ сообщаемыхъ имъ историческихъ и статистическихъ подробностей и анек-

дотовъ, которые онъ умѣетъ выбирать съ такимъ талантомъ, что ихъ однихъ уже достаточно для того, чтобы поразить одностороннихъ противниковъ еврейскихъ религиозныхъ обрядовъ; въ сожалѣнію самъ авторъ свѣденія свои о еврейской религіи черпалъ, повидимому, изъ переводовъ и краткихъ извлеченій, такъ какъ онъ не былъ знакомъ съ еврейскими источниками, въ особенности же съ источниками раввинской мудрости. Опасенія противъ допущенія евреевъ въ государственную и военную службу, возбужденныя при тогдашнихъ воззрѣніяхъ на обрядовую сторону еврейской жизни, онъ опровергаетъ картиной мирной совмѣстной жизни протестантовъ, католиковъ и турокъ, въ особенности въ русскомъ царствѣ.

Недостатокъ военныхъ способностей въ евреяхъ онъ опровергаетъ указаніемъ на ихъ храбрость, обнаруженную ими противъ Велисарія въ шестомъ столѣтіи, въ Богеміи, въ десятомъ, и въ Бургосѣ, въ 1346 году; при этомъ онъ указываетъ на примѣръ генерала Бенъ-Юхая въ Португаліи и командора Чамберса. Если и это сочиненіе тамъ и сямъ — также въ подражаніе Дому — рекомендуетъ нѣкоторую предосторожность, какъ напримѣръ, предоставленія евреямъ лишь мелкаго землевладѣнія, то это не болѣе, какъ вынужденная уступка недостаточной зрѣлости тогдашней эпохи. Болѣе свободный взглядъ Грегуару и его времени сдѣлался доступнымъ тотчасъ же, какъ только наступило то великое событіе, которое разорвало всякія цѣпи, и колоссальныя, и миниатюрныя.

Затѣмъ вспыхнула французская революція!

Начался второй періодъ всемірной исторіи (а не новѣйшій, какъ многіе думаютъ) — и законодательство тотчасъ же освобождается отъ слѣпоты. Напрасно будетъ искать во Франціи эманципаціи евреевъ въ эту эпоху въ отдѣльныхъ законоположеніяхъ. Даже тѣ законы, которые мы имѣемъ теперь передъ глазами, ничто иное, какъ предвѣстникъ новаго строя въ формѣ приказовъ, появившихся вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ со стороны евреевъ, которые не хотѣли дожидаться общаго кодекса. Какъ бы вѣтромъ смѣтены были всѣ бѣдствія угнетенныхъ вмѣстѣ съ предразсудками ученыхъ и черни. Народу, неизгладимыми чертами написавшему на своемъ знамени слова: братство, равенство и свобода, такому народу не нужно справляться съ литературой вопроса объ эманципаціи евреевъ. Онъ не тратитъ времени на изученіе сочиненій Дома, Мирабо, Грегуара, Эйзенменгера и Михаэлиса, на чтеніе библіи и талмуда, разсужденій отцовъ церкви и протоколовъ вселенскихъ соборовъ! Евреи живутъ въ государствѣ, слѣдовательно они французы, граждане, — а всѣ граждане равны передъ закономъ.

Такъ гласитъ первая конституція французскаго народа, отъ 3 сентября 1791 года, которая останется вѣчно неразрушимымъ памятникомъ народнаго величія, не смотря на послѣдовавшія за тѣмъ печальныя событія. Правда, что первая статья конституціи изложена въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ. Всѣ люди свободны

въ своихъ правахъ; далѣе ст. 4: Свобода состоитъ въ свободѣ дѣлать все то, что не вредитъ другимъ; наконецъ, въ ст. 10: Никто не можетъ подвергаться преслѣдованію за свои религіозныя убѣжденія, если ихъ обнаруживаніе не противно закономъ установленному порядку; но поэтому-то во время преній объ этихъ статьяхъ депутаты Кастелланъ и Мирабо требовали, чтобы свобода и равенство различныхъ вѣроисповѣданій и ихъ приверженцевъ во всѣхъ государственныхъ правахъ были гарантированы болѣе опредѣленными законоположеніями. „Я требую“, сказалъ Рабо изъ С. Этьена, „для всѣхъ протестантовъ, для всѣхъ не-католиковъ той же свободы и того же равенства, которыхъ вы желаете для себя; я требую ея для того вышедшаго изъ Азіи народа, который, гонимый изъ страны въ страну, преслѣдуемый и презираемый въ продолженіи 18-ти столѣтій, принялъ бы наши нравы и обычаи, если бы законы наши связали его съ нами; его нравственность не должна вызывать нашего порицанія, потому что она есть плодъ нашего собственнаго варварства, плодъ того униженія, въ которомъ мы сами такъ долго пребывали.“

Но національное собраніе удовольствовалось приведенной редакціей. Это было тѣмъ легче, что общее государственное и гражданское равенство достаточно ясно опредѣлялось другими статьями конституціи. Такъ 5 ст. деклараціи правъ человѣка объявляетъ дозволеннымъ все то, что положительно не воспрещается закономъ, 6 ст. призываетъ всѣхъ, безъ исключенія, гражданъ къ

участію въ законодательной дѣятельности страны; далѣе I глава конституціи (ст. 1, 2, 3) допускаетъ всѣхъ гражданъ къ занятію государственныхъ должностей, смотря по ихъ способностямъ и познаніямъ, устанавливаетъ вѣрой всѣхъ государственныхъ налоговъ имущество, объявляетъ учебныя заведенія открытыми для всѣхъ и, наконецъ (гл. III, отд. 3. ст. 2, ср. отд. 3, ст. 3), объявляетъ, что всѣ французы имѣютъ право избирать и быть избранными въ члены законодательнаго собранія. — Впрочемъ, національное собраніе еще до этого времени, по просьбѣ еврейскихъ общинъ въ Парижѣ, Люневиллѣ, Саргеминахъ, и вслѣдствіе ходатайства Грегюара (декретомъ 28 января 1790 г.), объявило т. н. португальскихъ, испанскихъ и авиньонскихъ евреевъ — давно уже поселившихся во Франціи — государственными гражданами и 26 іюля (7 августа) 1790 отмѣнило всѣ особенные еврейскіе налоги.

Національное собраніе само признавало, что теперь такого рода отдѣльные декреты оказываются излишними; при всемъ томъ оно, по просьбѣ гражданъ еврейскаго вѣроисповѣданія, не долго послѣ обнародованія первой конституціи, объявило (декретомъ отъ 27 сентября 1791 года), что вслѣдствіе новыхъ законовъ о правахъ и обязанностяхъ гражданъ и вслѣдствіе введенной вновь гражданской присяги, отмѣняются всѣ изданные до того времени исключительные законы въ пользу или противъ евреевъ. Однако со свободой вѣроисповѣданій еще не наступило полное ихъ уравненіе, а именно ихъ пуб-

личность. При учредительномъ и законодательномъ собраніяхъ, правомъ публичнаго исповѣданія пользовалась только католическая церковь. Хотя учредительное собраніе, въ декретѣ отъ 30 апрѣля 1790 г., отказалось принять предложеніе нантскаго епископа, но случаю закрытія монастырей, объ объявленіи католической религіи государственною, но отказъ этотъ оно мотивировало тѣмъ, что преданность собранія къ католической церкви не можетъ подлежать сомнѣнію, особенно въ тотъ моментъ, когда оно отнесло ея расходы къ государственному бюджету. Кромя того, одна только католическая церковь получила уставъ, регулировавшій ея организацію (декр. 12 іюля 1790 съ приложеніемъ отъ 14, 15 ноября 1790 г.).

Впослѣдствіи, по обнародованіи конституціи 1793 года, конвентъ объявилъ, что никакая церковь не получаетъ содержанія изъ государственной казны (*la république n'en salarie aucun*) и что никто не въ правѣ отправлять религіозныя требы внѣ мѣста, назначеннаго для богослуженія (декр. 3 вентоза, III года, 21 февр. 1795 г., ст. 2 и 4). Вслѣдствіе этого закона, всѣ религіи лишились права публичнаго отправленія богослуженія.

Третья конституція, 5 фруктидора III года республики (22 августа 1795 г.), измѣнила этотъ законъ и обратилась снова къ началамъ закона 11 преріала III года, который возвращаетъ всѣмъ вѣроисповѣданіямъ зданія, принадлежавшія имъ въ первый день II года

республики. Вслѣдъ затѣмъ Камилль Жорданъ, въ своемъ достопримѣчательномъ отчетѣ 29 преріала V года (17 іюля 1797 г.), предложилъ совѣту пяти-сотъ признать и вмѣстѣ съ тѣмъ уравнять во всѣхъ правахъ всѣ религіи. Изложенныя въ отчетѣ начала образуютъ основу благоразумнаго, но еще не общепринятаго законодательства. По мнѣнію Жордана, всякая мѣра, мѣшающая отправленію требъ извѣстнаго культа, есть ничто иное, какъ тиранія, если она не вызывается требованіями общественной безопасности; далѣе, всякое постановленіе, которое, не подвергая опасности общественное спокойствіе и не нарушая равенства религій, способствуетъ ихъ отправленію, полезно, благодѣтельно и предписывается государственною мудростію. Эта основа гласитъ: „Государство объявляетъ свободу и самостоятельность всѣхъ вѣроисповѣданій только въ предѣлахъ признанія ихъ государствомъ, но не принимаетъ на себя содержанія ихъ изъ государственныхъ суммъ“.

Только въ этомъ смыслѣ возможна свободная церковь въ свободномъ государствѣ.

Наполеону I досталось на долю впервые возстановить нѣсколько равенство вѣроисповѣданій. По учрежденіи государственнаго совѣта для управленія церковными дѣлами (Arrêté des Consuls, отъ 15 вандемьера X года, 2 октября 1801 г.) и обнародованіи первымъ консуломъ, вслѣдствіе конкордата 1801, закона объ организаціи церкви, въ особенности же органическихъ законовъ о протестантскомъ вѣроисповѣданіи отъ 18—28

жерминаля X г. (8—18 апрѣля 1802 г.), настало время обратить вниманіе и на евреевъ, такъ какъ иначе поколебался бы принятый разъ принципъ надзора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и признанія государствомъ религіи вообще.

Но ближайшій фактическій поводъ къ этому въ эпоху первой имперіи былъ своеобразный.

Жалобы на ростовщичество евреевъ, дошедшія до императора, во время похода его чрезъ Эльзасъ, въ 1805 году, побудили его передать дѣло государственному совѣту. Здѣсь мнѣнія объ этомъ предмѣтѣ раздѣлились; однако большинство государственнаго совѣта высказалось противъ предложенія министра юстиціи, о запрещеніи евреямъ принимать заклады отъ христіанъ. Наполеонъ и въ этомъ отношеніи послѣдовалъ своему пристрастію къ радикальнымъ мѣрамъ. Онъ объявилъ, что въ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ руководствоваться интересомъ государства, а не гражданскимъ правомъ, потому что, какъ онъ выразился, „евреи—не граждане государства“ — колоссальное заблужденіе, такъ какъ по всѣмъ конституціямъ, не исключая и конституціи, обнародованной 13 декабря 1790 года (ст. 2), они уже давно признаны были гражданами Франціи. Органической законъ (сенатусъ-консультъ) 18 мая 1804 года ничего не измѣнилъ въ этомъ отношеніи. Даже исключительныя постановленія сенатусъ-консульта распространяются только на отдѣльные департаменты, а не на отдѣльныхъ приверженцевъ какого-либо вѣроисповѣданія, тѣмъ болѣе, что къ симъ послѣднимъ не могли

быть применены тѣ причины, по которымъ въ упомянутыхъ департаментахъ вводились особыя постановленія, а именно осадное положеніе.

Поэтому должно считать совершенно противузаконнымъ, нарушающимъ конституцію и противнымъ гражданскому праву и судебному авторитету, изданіе декрета отъ 30 мая 1806 г., который постановилъ: ст. 1, что со дня объявленія сего декрета, въ продолженіе одного года, должны быть приостановлены всѣ взысканія по всѣмъ рѣшеніямъ и договорамъ, исключая договоровъ объ отдачѣ на сохраненіе, заключенные между не торговыми крестьянами и евреями въ Саарскомъ, Боэрскомъ, Доннерсбергскомъ, Верхне и Нижне-Рейнскомъ, Рейнско-Мозельскомъ и Мозельско-Вогезскомъ департаментахъ.

Наполеонъ, однакожъ, не остановился на этомъ; онъ пожелалъ быть преобразователемъ евреевъ, и, такимъ образомъ, сдѣлаться въ нѣкоторомъ родѣ ихъ національнымъ главою. Онъ хотѣлъ узнать собственное мнѣніе евреевъ самихъ о средствахъ къ устраненію зла и къ измѣненію ихъ отношеній къ государству и созвалъ изъ ихъ среды нѣчто въ родѣ собранія нотаблей. Упомянутымъ декретомъ (ст. 2—6) созваны были на 15 іюня въ Парижъ 74 депутата еврейскаго происхожденія, избранные въ 14 департаментахъ. Три императорскіе комиссара, Моде, Порталисъ и Паскъе, должны были вести съ ними переговоры.

Между тѣмъ литература снова овладѣла этимъ предметомъ. Грегуаръ издалъ свои „Новыя замѣтки о евреяхъ,

въ особенности франкфуртскихъ и амстердамскихъ“, гдѣ онъ, указавъ на многія великія личности между евреями, приписалъ всѣ недостатки послѣднихъ гнету, которому они подвергаются со стороны ихъ противниковъ. Родригесъ и Мишель Веръ защищали своихъ единовѣрцевъ противъ нападокъ Бональда. Въ „Revue philosophique, littéraire et politique“ Жюстинъ Камурэ помѣстилъ статью о современномъ положеніи евреевъ, въ которой онъ высказался въ ихъ пользу, а въ Мониторѣ 25 іюля 1806 года напечатана была статья въ духѣ Грегуара, подъ заглавіемъ: „Размышленія о положеніи евреевъ отъ Моисея до нашихъ временъ“.

При такихъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ собрались еврейскіе депутаты въ Парижѣ и, прежде всего, дали слѣдующіе отвѣты на 12 предложенныхъ имъ отъ имени императора вопросовъ: Многоженство запрещено у евреевъ съ XI столѣтія; разводъ, по судебному приговору и на основаніи извѣстныхъ доводовъ, допускается; бракъ съ христіанами не воспрещенъ; евреи считаютъ французовъ братьями по родинѣ, равноправными себѣ, а Францію — своимъ отечествомъ; раввины не имѣютъ судебной власти, они занимаются только отправленіемъ религіозныхъ функцій и то только по обычаю; еврей можетъ заниматься всякимъ ремесломъ; изученіе какого бы то ни было мастерства даже предписывается ему самою религіею; ростъ, т. е. взиманіе противузаконныхъ процентовъ, воспрещенъ евреямъ даже и въ сношеніяхъ съ христіанами.

Вслѣдъ затѣмъ собраніе одобрило предложеніе императора о созваніи Великаго Синедріона изъ всѣхъ частей государства, для утвержденія приведенныхъ опредѣленій, что и было исполнено въ продолженіи февраля и марта 1807 г. Это явленіе показалось до того великимъ и необычайнымъ, что многія еврейскія общины въ Германіи и Италіи совершенно серьезно стали смотрѣть на Наполеона, какъ на своего Мессію. Эти неблагоприятные почитатели французскаго императора не сообразили, что Мессія прежде всего долженъ остаться вѣрнѣе данной конституціи присягѣ. Въ царствѣ Мессіи, согласно пророческому изрѣченію, „агнецъ будетъ пасти съ волкомъ, левъ съ воломъ и овцой, подъ присмотромъ ребенка“, — это ничто иное, какъ самодержавіе закона посреди полнѣйшаго мира и спокойствія народовъ. Нѣтъ, имперія не миръ, Наполеонъ — не Мессія.

Декретъ 30 мая имѣлъ два противоположныя послѣдствія. Онъ имѣлъ благотвѣтельное вліяніе на организацію и возвышеніе еврейской церкви, и уравниеніе ея съ другими церквами въ государствѣ. Еврейскіе нотабли, съ разрѣшенія императора, обратили свое особенное вниманіе на устройство еврейскихъ консисторій, которое, за немногими измѣненіями, осталось во Франціи въ томъ же видѣ до настоящаго времени. Въ каждомъ департаментѣ, гдѣ проживаютъ по крайней мѣрѣ 2000 евреевъ, находится консисторія, которая, съ утвержденія императора назначаетъ и смѣняетъ раввиновъ и образуетъ ближай-

шее контролирующее ихъ начальство; всѣ консисторіи состоятъ между собою въ связи и подчиняются парижской центральной консисторіи. Этимъ достигнуто было и признаніе со стороны государства, которое долгое время считалось основнымъ условіемъ уваженія обществомъ социальнаго сожитія и уравниенія и слиянія вѣроисповѣданій, пока еще не совершилось полное отдѣленіе церкви и государства. Ибо, тогда уже не требуется признанія государствомъ, а только освобожденія.

Но въ то же время ограниченія въ сферѣ частнаго права положили основаніе развившемуся впоследствии громадному злу. 17 марта 1808 г. возобновленъ былъ законъ о ростѣ, и хотя онъ въ 1814 году, во время реставраціи, былъ снова отмѣненъ, но все же онъ долгое время, не принося никакой пользы, питалъ только и увеличивалъ народную ненависть и открылъ собою тотъ періодъ утилитаризма, который въ Германіи принесъ больше вреда, чѣмъ само ростовщичество.

Во Франціи, однакоже, законное уравниеніе евреевъ стало догматомъ. Даже бурбонская конституція, 4 іюня 1814, уравниала всѣхъ французовъ передъ закономъ и признала ихъ способными занимать всякія военныя и гражданскія должности (ст. 1 и 3). И если въ отношеніи церкви и введено было различіе, такъ какъ конституція провозгласила католическую религію государственною и обезпечила содержаніе только христіанскому духовенству (ст. 6 и 7), что возобновлено было хартией 7 августа 1830 г. (ст. 6), однако, уже закономъ

8 февраля 1830 года снова введено было равенство культовъ и въ этомъ отношеніи, и духовныя лица еврейскаго вѣроисповѣданія стали получать содержаніе изъ государственной казны. Во время преній объ этомъ законѣ не было произнесено ни одного слова противъ послѣдователей еврейской религіи; напротивъ того, тогдашній министръ Мерилу, при предложеніи закона, громкогласно засвидѣтельствовалъ, что „они во всѣхъ сферахъ государственнаго управленія, въ арміи, въ наукѣ, въ искусствахъ, въ промышленности и торговлѣ блистательно доказали несправедливость клеветы ихъ враговъ и противниковъ“. Особенная редакція присяги въ гражданскомъ процессѣ (присяга *more judaico*), вслѣдствіе защиты г. Кремье 31 декабря 1839 г. сдѣлалась на практикѣ невозможной! 29 августа 1849 г. государственный совѣтъ рѣшилъ, что отказъ раввиновъ присутствовать при присягѣ *more judaico* не можетъ почитаться злоупотребленіемъ (*abus*). Такимъ образомъ, упраздненъ былъ этотъ средневѣковой обычай XIX столѣтія.

Совершенно естественно, что февральская революція 1848 года, это полнѣйшее осуществленіе социальнаго единства, могла только скрѣпить этотъ порядокъ вещей. Она возвысила нѣкоторыхъ евреевъ до первыхъ должностей въ государствѣ. Кремье былъ членомъ правительства, Гудшо—министромъ финансовъ.

Франціи, по этому, принадлежитъ честь практическаго осуществленія эманципаціи евреевъ, теорія ко-

торой зародилась первоначально въ Германіи. Исходя изъ точки зрѣнія гуманизма, она получила свое выраженіе въ словахъ Грегугара: „Весь вопросъ сводится только къ тому, евреи—люди-ли или нѣтъ“. Какъ тотъ спартаецъ, который, во время олимпійскихъ игръ въ Аѣнахъ, уступилъ свое мѣсто старику и на аплодисменты присутствующихъ отвѣчалъ, что аѣняне знаютъ приличіе, а спартацы поступаютъ прилично, такъ и французы могутъ сказать нѣмцамъ: вы знаете право, а мы осуществляемъ его. Какъ Наполеонъ I при входѣ въ Пильницскій замокъ, такъ еврейская равноправность, обративъ свой взоръ на Palais Bourbon, можетъ воскликнуть: „Здѣсь мѣсто моего рожденія!“

Между тѣмъ, многія изъ присоединенныхъ къ республикѣ или союзныхъ Франціи государствъ, въ особенности Бельгія и Нидерланды, приняли французскія учрежденія, которыя остались неизмѣнными и по пріобрѣтеніи ими политической самостоятельности. Бельгійская конституція 25 февраля 1831 года признаетъ равенство всѣхъ бельгійцевъ передъ закономъ и одинаковую ихъ способность занимать всякія гражданскія и военныя должности, а также и обязанность государства не вмѣшиваться въ назначеніе духовныхъ лицъ какой бы то ни было религіи (ст. 6 и 16). Это, однакожъ, не помѣшало государственной казнѣ выдавать ежегодно еврейской конексторіи по 10,000 фр. въ видѣ пособия для содержанія культа. (Reglement pour l'organisation de

la communauté des Israélites de Belgique, 1 января 1853 г.).

Основной законъ Нидерландовъ (24 августа 1815 года ст. 192—196) установилъ разъ навсегда равенство всѣхъ гражданъ государства, въ отношеніи къ занятію гражданскихъ и политическихъ должностей, одинаковое право на всѣ почести и мѣста, и гарантировалъ содержаніе духовныхъ лицъ всѣхъ культовъ и свободное исповѣданіе всѣхъ религій.

II.

Періодъ утилитаризма.

Обратимся теперь снова къ литературной колыбели еврейской эманципаціи—Германіи. Вліяніе Дома было, на практикѣ, крайне слабое. Даже подушная подать (Leibzoll)—низводившая евреевъ на степень животныхъ—не вездѣ была отмѣнена. Только Фридрихъ Вильгельмъ II согласился на эту отмѣну (1787 г.). Въ другихъ же мѣстностяхъ Германіи, даже въ земляхъ Рейнскаго союза, этотъ постыдный налогъ былъ отмѣненъ только вслѣдствіе угрозъ со стороны Вестфальскаго королевства—гдѣ гражданское равенство евреевъ было тотчасъ же признано (декретомъ 27 января 1808 г.)—принять репрессивныя мѣры противъ всѣхъ гражданъ этихъ госу-

дарствъ, какъ это было впоследствии въ Любекѣ и Гамбургѣ, и даже тогда подушный налогъ былъ отмѣненъ не вдругъ, какъ напр. въ Саксонскомъ королевствѣ.

Литература эманципации слабо двигалась впередъ. Писали большею частію евреи—тѣ же самые, которые произвели внутреннюю, синагогальную и школьную реформы; во главѣ ихъ стояли президентъ консисторіи въ Касселѣ, Якобсонъ, затѣмъ Петръ Беръ и Гейтелесъ въ Прагѣ, Саломонъ и Френкель въ Дессау. Борьбы съ противниками еще не было, но не было также рѣшительнаго улучшенія въ правовомъ отношеніи. Рейнскія союзныя государства только отчасти подражали своему протектору и предоставили евреямъ столько свободы, сколько, при тогдашней односторонней точкѣ зрѣнія, того требовала польза государства, или на сколько это сдѣлалось необходимымъ послѣдствіемъ новыхъ конституцій, во избѣжаніе противорѣчій или даже нелѣпостей, въ самыхъ основныхъ положеніяхъ. 6-й конституціонный эдиктъ Великаго Герцогства Баденскаго объявилъ еврейскихъ подданныхъ покровительствуемыми гражданами въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ они жили до тѣхъ поръ, и мѣстными гражданами, если они обратятся къ одинаковымъ съ христіанами промышленнымъ занятіямъ. Затѣмъ, эдиктомъ 13 мая 1809 и 4 мая 1812 г., они объявлены были членами признанной конституціей религіи. Итъ, однакожъ, закономъ запрещалось перемѣнять мѣсто жительства, заниматься разносной торговлей, за исключеніемъ тѣхъ евреевъ, для которыхъ эта тор-

говля до тѣхъ поръ служила средствомъ къ пропитанію, такъ какъ, говорилось въ законѣ, ихъ полное уравненіе зависитъ отъ ихъ собственнаго старанія сдѣлаться полезными для государства людьми — полу-метафизическій и совершенно не практичный утилитаристическій крючокъ, обличающій лишь незнаніе системы политической экономіи.

Этому примѣру послѣдовали Виртембергъ, Антгальтскія и Саксонскія герцогства, гдѣ евреямъ позволено было заниматься ремеслами и искусствами, съ чѣмъ связано было и право мѣстнаго гражданства. Непосредственнымъ послѣдствіемъ этого позволенія было учрежденіе евреями заведеній, съ богатыми фондами, для изученія такихъ ремеслъ. Такое же положеніе установилось въ Баваріи эдиктомъ 10 іюня 1813 года. Наконецъ и Князь-Примасъ, 28 декабря 1811 г., предоставилъ франкфуртскимъ евреямъ всѣ гражданскія права за выкупную сумму въ 440,000 рейнскихъ гульденовъ, вмѣсто прежнихъ особыхъ налоговъ.

Больше всѣхъ въ этомъ отношеніи сдѣлала Пруссія, которая, потерявъ послѣ битвы при Іенѣ половину своей территоріи, принуждена была приступить къ тѣмъ великимъ внутреннимъ реформамъ, которыя, вѣдствіи, дали ей возможность выступить противъ Наполеона I въ своей всемірной роли. Созданіе ландвера, новаго городского устройства и свободы ремеслъ необходимо обусловило и слитіе евреевъ съ государствомъ, иначе не было бы полнаго единства. Притомъ силы этой части

народонаселенія въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи ни въ какомъ случаѣ не могли быть пренебрегаемы, что хорошо было извѣстно министру Гарденбергу. Эдиктомъ 11 марта 1811 г. евреямъ дарованы были равныя гражданскія права съ христіанами: право свободно перемѣнять свое мѣсто жительства, заниматься всѣми промыслами безъ всякаго исключенія, прибрѣтать поземельную собственность со всѣми связанными съ такою собственностью реальными правами, а также и право занимать академическія (университетскія), школьныя и общественныя должности. Допущеніе къ занятію государственныхъ и другихъ должностей отложено было до послѣдующихъ законоположеній. Въ то же время на нихъ наложены были соотвѣтственныя государственныя обязанности, а именно—рекрутская повинность; исключительныя же налоги были отменены. вмѣстѣ съ ними уничтожены были особое частное право и автономія, исключая только дѣлъ религіозныхъ и дѣлъ, относящихся къ богослуженію и обученію дѣтей, которыя завѣдывались при содѣйствіи выборныхъ отъ евреевъ.

Этотъ эдиктъ произвелъ зажигающее дѣйствіе. Еврейское народонаселеніе, и безъ того достигшее уже тогда высокой степени развитія, выказало въ родинѣ Менделсона и его еврейско-литературной школы неслыханное рвеніе и любовь къ вновь прибрѣтенному отечеству. Въ войнѣ за освобожденіе, 1813—1815 гг., они жертвовали своею кровью и своимъ имуществомъ. Даже въ германскихъ земляхъ, присоединенныхъ къ Франціи, они

дрались на равнѣ съ своими нѣмецкими братьями противъ тѣхъ, которые первые предоставили имъ права въ государствѣ. Еврей повсюду сдѣлался нѣмцемъ, и свобода родины ставилась имъ выше свободы его промысла. Въ этомъ и теперь еще можно убѣдиться въ Любекской церкви Божіей Матери, гдѣ находится памятникъ въ честь павшихъ въ битвѣ съ французами евреевъ. Конечно, это былъ ихъ долгъ, но долгу соответствуетъ право. И это право было у нихъ постыдно отнято. Сперва законодательство стало находить дурнымъ даже то, что уже было сдѣлано въ ихъ пользу, а потомъ его прииѣру послѣдовали жиденькіе и толстобрюхіе литературные трактаты. О предоставленіи вновь таковыхъ же правъ не было и рѣчи; свобода серылась; эманципація евреевъ являлась рядомъ съ призракомъ демагогіи; дурно понятый принципъ цѣлесообразности въ связи съ т. н. христіанскимъ, въ сущности полицейскимъ государствомъ, одержалъ верхъ!

Сначала ожидали всего лучшаго отъ германской союзной грамоты, отъ конституціи германскаго союза.

И дѣйствительно, первыя дѣйствія германскихъ совѣтовъ, во время Вѣнскаго конгресса, въ состояніи были поддерживать эти надежды. Всѣ старанія уполномоченныхъ Пруссіи и Австріи были устремлены, какъ къ объединенію Германіи, такъ и къ уравниенію всѣхъ вѣроисповѣданій въ государствѣ, и они даже дѣлали энергическія представленія по этому предмету магистратамъ четырехъ вольныхъ городовъ, самымъ заклятымъ про-

тивникамъ еврейскаго гражданства. Гарденбергъ, 4-го января 1815 г., черезъ Прусскаго посланника, замѣтилъ Гамбургскому сенату, „что Пруссія, со времени эдикта 1812 года, не можетъ относиться равнодушно къ судьбѣ евреевъ въ другихъ сѣверныхъ провинціяхъ и городахъ, потому-что продолженіемъ гнета и враждебнаго исключенія ихъ изъ всѣхъ тѣхъ правъ, которыхъ они, какъ люди, могутъ требовать, поддерживается безнравственность, въ которой ихъ обвиняютъ, и парализируются намѣренія прусскаго правительства — дарованіемъ евреямъ всѣхъ гражданскихъ правъ и наложеніемъ на нихъ общихъ обязанностей — изгладить всѣ слѣды этихъ обвиненій, которыя явились только послѣдствіемъ ихъ угнетеннаго, презрѣннаго, рабскаго положенія. Исторія послѣдней войны также доказала, что они, непоколебимою своею преданностью отечеству, могутъ сдѣлаться достойными государства, принявшаго ихъ въ свое лоно. Молодые люди еврейскаго вѣроисповѣданія были товарищами по оружію ихъ христіанскихъ согражданъ и оказывали примѣры геройской храбрости и полнѣйшее презрѣніе ко всѣмъ опасностямъ войны, въ то время, какъ остальные еврейскіе жители, и въ особенности женщины, соперничали съ христіанами въ всякаго рода пожертвованіяхъ. Кромѣ того, торговый интересъ вольныхъ городовъ требуетъ лучшаго обхожденія съ ихъ еврейскими жителями, ибо невозможно же однимъ ударомъ лишить ихъ всего ихъ благосостоянія, такъ какъ значительные капиталы, вслѣдствіе перетерпѣваемаго угнетенія, найдутъ себя

вынужденными переимѣнить свои капиталы въ другія государства“. Еще 10 іюня прусскій министръ возобновилъ свои представленія городу Любеку и нашелъ даже нужнымъ указать на неосновательность опасеній, что цвѣтущее состояніе еврейскихъ торговыхъ домовъ можетъ оказать вредное вліяніе на состояніе торговыхъ домовъ христіанскихъ, такъ какъ примѣръ Пруссіи показалъ, что, несмотря на уравненіе въ правахъ, цвѣтущее состояніе, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, находилось въ постоянномъ равновѣсіи.

Даже самъ Меттернихъ обратилъ вниманіе трехъ вольныхъ городовъ Сѣверной Германіи на то, что евреи имѣютъ полное право ожидать отъ конгресса либеральныхъ законовъ и что гнетъ, которому евреи подвергаются въ другихъ государствахъ (т. е. германскихъ же), можетъ отозваться чрезвычайно вредно на Австріи.

Но все было напрасно; филистерское самодурство одержало верхъ, такъ что, когда одна часть еврейскаго народонаселенія выказала серьезное намѣреніе оставить Гамбургъ, то этотъ вольный городъ, въ насмѣшку, приказалъ имъ отворить ворота.

Составители союзнаго акта уступили даже самымъ мелкимъ государствамъ, къ которымъ принадлежали также наслѣдники бывшаго Вестфальскаго королевства. 16 статья этаго акта, которая въ проектѣ гласила: -

„Союзное собраніе обсудить средства для возможно единообразнаго улучшенія гражданскаго положенія исповѣдывателей еврейской религіи въ Германіи, въ особен-

ности средства для обезпеченія имъ во всѣхъ союзныхъ земляхъ пользованія гражданскими правами, взаи́мнъ принимаемыхъ ими на себя гражданскихъ обязанностей. Однакоже, тѣ права, которыя евреямъ уже предоставлены въ (in) отдѣльныхъ союзныхъ государствахъ, остаются неприкосновенными“ — была измѣнена въ томъ отношеніи, что вмѣсто слова in, въ заключительной редакціи сказано von, т. е. союзными государствами, и такимъ образомъ всѣ права, которыми евреи пользовались при владѣнствѣ чужестранцевъ, были уничтожены однимъ ударомъ.

Даже въ вольномъ городѣ Франкфуртѣ, гдѣ евреи просто на просто за деньги купили себѣ равноправность, вознаградивъ городъ за всѣ тяготѣвшіе на нихъ особые налоги, это равенство было отнято у нихъ, послѣ восьми-лѣтняго юридическаго спора, рѣшеніемъ комиссіи союзнаго собранія и, закономъ 1 сент. 1824 года, они лишены были всякаго права участія въ городскомъ управленіи; хотя право гражданства и свободнаго выбора промысловъ оставлено за ними, но и то за исключеніемъ многихъ занятій и подъ условіемъ обладанія только однимъ недвижимымъ предметомъ. Напрасно еврейское общество противъ этого возмутительнаго поступка вольнаго города, совершаемаго подъ покровительствомъ всепресвѣтлѣйшаго союзнаго акта, защищалось всѣми возможными юридическими орудіями и указаніями на мнѣнія самыхъ компетентныхъ факультетовъ. Сила одержала верхъ; такъ рѣшила союзная комиссія подъ предсѣдательствомъ саксонскаго посланника фонъ-Карловица.

Во время этого юридического спора, снова возникла въ неслыханномъ дотоѣ изобиліи, цѣлая литература за и противъ эманципаціи евреевъ, вызванная отчасти этимъ споромъ, отчасти же 16 статей союзной грамоты. Изъ этого потока различныхъ брошюръ, появившихся ежегодно въ громадномъ количествѣ во время Лейпцигской ярмарки и писавшихся лицами, большею частью совершенно неизвѣстными, стоитъ обратить вниманіе только на очень немногія, обращенныя противъ трехъ главныхъ противниковъ еврейской эманципаціи: Риса, Фриса и Паулуса. Эти писатели принадлежали къ числу тѣхъ, которые вообще уважаютъ евреевъ, но болѣе или менѣе боятся ихъ. Ихъ слабость заключается въ слишкомъ большомъ богатствѣ учености, слишкомъ ничтожномъ знакомствѣ съ тогдашними обстоятельствами и въ совершенномъ непониманіи цѣли государства. Рисъ первый высказалъ противъ евреевъ обвиненіе, что они составляютъ „государство въ государствѣ“, и въ доказательство привелъ примѣръ Испаніи среднихъ вѣковъ. Фрисъ, въ своей діатрибѣ: „Объ опасности, угрожающей благосостоянію и характеру нѣмцевъ, со стороны евреевъ“, доходитъ до того, что утверждаетъ, что все несчастіе Германской имперіи произошло отъ „одичалаго, вслѣдствіе своего гуманизма, законодательства“. Тогда то именно началась та эпоха, въ которую всякое чувство справедливости было притуплено, которая осмѣяла всѣ основы человѣчности и свободомыслія, и поэтому, и въ области уголовного права, съ полнѣйшимъ равнодушіемъ

стремилась уничтожить всё благія сѣмена, посѣянные Беккариа и Филанжери. Къ этому присоединилось еще дурно понятое германство. Буршество, которому не удалось возсозданіе единой германской имперіи, вознаграждало себя тѣмъ, что осыпало насмѣшками убѣжденія мирныхъ гражданъ.

Нечего удивляться, что первыми противъ этого выступили сами же евреи, какъ напр. Циммернъ, Вейль, Саломонъ. Но и христіанскимъ писателямъ опроверженіе подобныхъ абсурдовъ далось не трудно. Эвальдъ (членъ совѣта министерства въ Карлсруэ) впервые—для той эпохи гнилаго застоя—въ своемъ сочиненіи: „Мысли о необходимой въ христіанскихъ государствахъ организаціи еврейскихъ обществъ“ (1816), доказалъ, что въ этомъ вопросѣ могутъ быть соединены гуманность и цѣлесообразность и что даже оба эти начала взаимно поддерживаются. Чѣмъ больше государство удаляетъ отъ себя извѣстную часть своего народонаселенія, тѣмъ сильнѣе оно принуждаетъ ее отдѣлиться отъ другихъ частей, между тѣмъ, какъ въ противномъ случаѣ, евреи, въ самомъ Вѣтхомъ Завѣтѣ, могутъ найти себѣ источникъ чистѣйшей человѣчности, который они не имѣютъ причины забывать, если само государство своимъ собственнымъ примѣромъ не вынуждаетъ ихъ къ этому. „Воспитаніе, которое ведетъ свободнаго человѣка къ нравственности, учитъ его также ненавидѣть и мстить своимъ угнетателямъ. Образованіе прежде всего научаетъ человѣка цѣнить въ себѣ свое человѣческое достоинство

и указываетъ ему на его надлежащее мѣсто въ государствѣ. Если же его лишаютъ этого мѣста, то какія мысли и чувства должны возбуждаться въ немъ?“

„Еврей рожденъ и живетъ въ государствѣ, а потому“, заключало другое научное изслѣдованіе, (Кремеръ: „Евреи и ихъ справедливыя требованія въ государствѣ“ 1816), „онъ имѣетъ одинаковое съ другими гражданами государства право на всякое реальное приобрѣтеніе, на всякое свободное званіе, на уваженіе къ его вѣроисповѣданію, на защиту противъ ненависти и предразсудковъ, которые вредно отзываются на его личности или имуществѣ“.

Но напрасно къ этой трезвой защитѣ здравыхъ государственныхъ началъ присоединились такіе уважаемые публицисты, какъ Шмидъ, въ его Журналѣ „Der deutsche Bund“ (Кн. 2, 1816 г.). Напрасно даже юридическіе факультеты въ Берлинѣ и Гисенѣ, въ научныхъ изслѣдованіяхъ, на основаніи положительнаго права, рѣшали вопросъ въ пользу евреевъ! Гуманность была покинута, а подъ полезностью понимали не внушавшее опасенія равенство, какъ рычагъ богатой дѣятельности въ пользу государства, но устарѣвшую сословную раздробленность общества, центръ которой образовалъ цеховой уставъ. Цеховое устройство, которое въ продолженіе цѣлыхъ десятилѣтій парализировало развитіе нѣмецкой промышленности и торговли — вотъ знамя, выставленное противъ евреевъ. Въ эту эпоху нравственной распущенности и разрозненности, въ эпоху Священнаго союза и г-жи Брюднеръ, лучшаго и ожидать было невозможно.

Во всемъ обществѣ господствовала рознь; возможно-ли было едѣлать исключеніе для религіи? Хотѣли, повидимому, воспитывать евреевъ, въ сущности же развращали только христіанъ!

Иное практическое правительство понимало, что усами противниковъ евреевъ говорила зависть, и не обращало на нихъ вниманія. Максимилианъ Іосифъ, веселый король Баваріи, къ которому явилась депутація мюнхенскихъ купцовъ съ жалобой на цвѣтущее положеніе еврейской торговли, далъ имъ слѣдующій простой отвѣтъ: „Господа, я замѣчаю, что евреи — купцы, а купцы — евреи!“

Въ Саксонскомъ королевствѣ, гдѣ ненависть Лютера къ евреямъ была причиною ихъ изгнанія изъ предѣловъ государства и разрушенія благосостоянія цѣлыхъ общинъ, гдѣ съ 1733 г. проживали только покровительствуемые евреи (Schutzjuden), какъ это было еще въ XVIII столѣтіи — съ великими усиліями едва удалось выхлопотать у правительства (1818) позволеніе на поступленіе нѣкоторыхъ еврейскихъ мальчиковъ, желавшихъ только изучить какое нибудь ремесло, въ ученіе къ цеховымъ мастерамъ, безъ надежды на то, чтобы когда-либо получить право быть подмастерьями или мастерами. Но, когда приказъ сталъ извѣстенъ, къ королю Фридриху Августу явились всѣ цеховые старшины, изложили ему какія несчастія могутъ постигнуть страну, вслѣдствіе этого нововведенія, напомнили ему о правилахъ цеховаго устава, по которымъ только христіане (до 1807

года только лютеране) имѣли право быть мастерами, и данный рескриптъ былъ — отложенъ ad acta. Когда представитель дрезденскаго еврейскаго общества, Каимъ-Самуиль, выразилъ по этому поводу свое удивленіе министру фонъ-Эйнзиделю, то этотъ послѣдній отвѣтилъ, что король наотрѣзъ объявилъ въ кабинетѣ, что онъ не можетъ нарушить данную имъ присягу въ вѣрности своимъ гражданамъ. Цеховое устройство называлось тогда гражданствомъ — такова была тогдашняя государственная мудрость, источникъ такъ называемой системы цѣлесообразности. И протестантскій богословъ Паулусъ могъ еще послѣ всего этого серьезно жаловаться на еврейскую замкнутость!

Нечего удивляться поэтому, что даже въ Пруссіи, единственной германской державѣ, гдѣ существовала свобода промысловъ, наступила скоро сильная реакція. Вскорѣ послѣ втораго Парижскаго мира, король Фридрихъ Вильгельмъ III, во вновь прибрѣтенномъ Познанскомъ великомъ герцогствѣ, подтвердилъ всѣ ограниченія правъ евреевъ, которымъ они подвергались въ герцогствѣ Варшавскомъ — подобно наполеоновскому декрету 1808 г. — и впоследствии еще усилилъ ихъ немногими измѣненіями въ рескриптѣ 1 іюня 1833 года. Еще важнѣе былъ приказъ отъ 18 августа 1822 года, по которому, въ противность 16 статьѣ германскаго союзнаго акта, евреи были лишены дарованнаго имъ права занимать профессорскія, учительскія и другія учебныя должности. Но и на этомъ еще не остановились. Между

тѣмъ, какъ до того времени, правительство, выходя изъ той точки зрѣнія, что еврейское вѣроисповѣданіе только терпимое въ государствѣ, а не публичное, предоставляло его внутреннее управленіе самимъ евреямъ; теперь же, въ 1823 г., правительство приказало полиціи закрыть вновь построенные еврейскіе храмы за ихъ „нововведенія“ — органъ, хоральное пѣніе, проповѣди и молитвы на нѣмецкомъ языкѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что нѣсколько дней до этого рѣшенія король принималъ на себя званіе члена Библейскаго Общества. Съ этихъ поръ лозунгомъ правительства сдѣлалось крещеніе евреевъ. Цѣль отчасти была достигнута. Но изъ среды этихъ же новыхъ христіанъ, впоследствии, при Фридрихѣ Вильгельмѣ IV, выросла самая сильная оппозиція, надѣлавшая правительству много хлопотъ. Такъ-то отплатило за себя ложное религиозное рвеніе въ такъ называемомъ „христіанскомъ“ государствѣ.

Но истинный патріотъ никогда не теряетъ надежды на свободу, а свобода — одна для всѣхъ! Это повторялъ себѣ германскій народъ, народъ въ настоящемъ смыслѣ слова — это же повторялъ себѣ каждый угнетенный еврей. Сѣмя, изъ котораго должно было вырасти давно ожидаемое дерево свободы, лежало въ германскихъ конституціяхъ — въ палатахъ.

Впервые евреи обратились съ просьбою къ собранію сословныхъ членовъ Баваріи. Въ то же время, католическій священникъ, Ксаверій фонъ-Шмидъ, побуждаемый примѣромъ Грегуара, обнаружилъ свое сочине-

ніе: „Патріотическія желанія и предложенія относительно гражданскаго улучшенія положенія евреевъ“ (1819). Онъ требовалъ гласнаго обсужденія отношеній евреевъ къ христіанскимъ купцамъ; послѣдніе, замѣтилъ онъ, имѣють своихъ представителей въ палатѣ, между тѣмъ какъ еврейскіе купцы ихъ не имѣють. Только низкая зависть говоритъ устами противниковъ евреевъ, какъ это ясно видно изъ прошенія одного мелочнаго торговца-христіанина, въ которомъ указывается на опасность, угрожающую будто бы всѣмъ промысламъ, если евреямъ предоставятъ свободу въ этомъ отношеніи. И при всѣмъ томъ, продолжаетъ онъ, евреевъ и теперь уже можно встрѣчать и въ академическихъ аудиторіяхъ, и въ химическихъ лабораторіяхъ, также какъ и въ купеческихъ конторахъ. Въ Рейхсратѣ защитникомъ чело-вѣчности и права явился графъ Арко. Правительство обѣщало издать законъ объ улучшеніи положенія евреевъ. Общественное мнѣніе было вслѣдъ за тѣмъ подготовлено къ новому направленію книгой профессора Липса въ Эрлангенѣ: „О будущемъ положеніи евреевъ въ германскихъ союзныхъ государствахъ“ (1819). Въ этомъ сочиненіи Липсъ въ особенности возстаеъ противъ жестокостей, которымъ въ это время подвергались евреи въ южной Германіи, особенно во Франкфуртѣ и Мюнхенѣ, со стороны черни, возбужденной такъ называемыми образованными завистниками и противниками евреевъ. Авторъ нарочно, кажется, называетъ іудейство религіей застоя и представляетъ нравы евреевъ далеко

отставшими отъ новѣйшей культуры — что, впрочемъ, легко можетъ быть опровергнуто — съ единственной цѣлью приписать вину этой отсталости законодательству. „Въ отношеніи всѣхъ государственныхъ тягостей“, восклицаетъ онъ, „еврея считаютъ членомъ государства, между тѣмъ какъ, въ то же самое время, его лишаютъ самыхъ важныхъ, необходимѣйшихъ и священнѣйшихъ правъ государственнаго гражданина. Ему позволяютъ публично исповѣдывать свою религію, но это исповѣданіе закрываетъ ему двери государства и лишаетъ его достойнаго соціальнаго положенія. Его облагаютъ налогами даже въ пользу церкви и просвѣщенія, а между тѣмъ его самого лишаютъ возможности имѣть какую-либо пользу отъ этихъ налоговъ“. И при всемъ томъ, уже тогда въ Баваріи считалось, изъ 25,000 еврейскихъ жителей, 252 земледѣльческихъ семьи, 169 самостоятельныхъ ремесленниковъ и 839 учениковъ и подмастерьевъ (цифра, которая черезъ 20 лѣтъ учетверилась).

Можно было думать, что такіе сильные доводы найдутъ себѣ отголосокъ въ средѣ сословныхъ чиновъ. Но это были только сословія — не представители націи, а представители классовъ, изъ которыхъ каждый охранялъ только свои собственныя выгоды. У ихъ совокупности, также какъ у правительства, не доставало свободнаго взгляда на вещи. Все, что на первый разъ было достигнуто, состояло въ обѣщаніяхъ. Депутація второй палаты не постыдилась даже поставить условіемъ улучшенія еврейскаго гражданскаго быта — празднованіе воскресенья

вмѣсто субботы—вѣдь это все равно, что въ протестантскомъ государствѣ требовать отъ католиковъ, чтобы они, вмѣсто Успѣнія Богородицы, праздновали день введенія реформациі!

Нѣсколько лучше, покрайней мѣрѣ для того времени, шли дѣла въ Вюртембергѣ, гдѣ само правительство распускало, хотя довольно медленно, знамя прогресса. Министры Аутенритъ и Шмидлинъ достойнымъ образомъ осмѣяли всѣ несправедливыя обвиненія, которыя выставались въ палатѣ депутатовъ противъ евреевъ ослѣпленнымъ завистью и ненавистью купечествомъ. 25 апрѣля 1828 былъ обнародованъ законъ, которымъ объявлялась свобода промысловъ въ тѣсномъ смыслѣ, за исключеніемъ торговли недвижимымъ имуществомъ, и съ нѣкоторыми ограниченіями въ мелочной торговлѣ, которыя дѣлали затруднительнымъ даже вступленіе въ бракъ; къ этимъ исключеніямъ принадлежали также агентуры и ссуда денегъ подъ залогъ.

Іюльская революція расшевелила эту почти безпрерывную тишь предыдущей эпохи. Но еврейскій вопросъ получилъ новое направленіе, не вслѣдствіе матеріальной перемѣны, происшедшей отъ принятія на себя французской государственной казны всѣхъ издержекъ по содержанию еврейскаго духовенства, но вслѣдствіе общаго вліянія, которое произвела перемѣна династіи во Франціи на нѣмецкій народъ, на его депутатовъ и на нѣмецкую

печать. Выраженіе „правовое государство“ стало общимъ лозунгомъ. И если осуществленіе его заставило себя еще долго ждать, то, по крайней мѣрѣ, благое сѣмя было посеяно общимъ стремленіемъ къ нему конституціонныхъ государствъ и принятіемъ въ ихъ среду новыхъ элементовъ. Но прежде всего, 1830-ый годъ имѣлъ въ томъ отношеніи особенно важное значеніе, что печать, не смотря на цензурный гнетъ, получила болѣе свободное направленіе и относительно еврейскаго вопроса.

Вступленіемъ въ этотъ новый періодъ было мужественное, для того времени, почти чрезъ чуръ смѣлое появленіе профессора Круга въ Лейпцигѣ, философа настоящаго закала, одного изъ рѣдкихъ мыслителей, которые въ этомъ вопросѣ говорили, какъ думали, и дѣйствовали, какъ говорили. Въ своемъ сочиненіи: „Объ отношеніи различныхъ религіозныхъ партій къ государству и объ эманципаціи евреевъ“ (1828), онъ быстро перешелъ отъ вопроса объ уравниеніи католиковъ, тогдашняго вопроса дня въ Англіи, къ вопросу объ уравниеніи евреевъ и требовалъ допущенія ихъ къ государственнымъ должностямъ во всѣхъ протестантскихъ государствахъ. Что въ Германіи значило тогда такое требованіе—особенно въ Саксоніи—это явствуетъ изъ того, что самъ Кругъ счелъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя оговорки, чтобъ не показаться „смѣшнымъ.“ Чтобы доказать разумность уравниенія и устранить первое возраженіе о различіи религій, Кругъ бросаетъ политическій взглядъ на государство, гдѣ нетерпимость доведена до крайности, на

Италію, Испанію и Португалію, и затѣмъ онъ обращается въ государствамъ, въ которыхъ господствуетъ полная терпимость и для этого онъ приводитъ Сѣверную Америку и рядомъ съ нею—Россію, страны, гдѣ даже язычество не подвергается никакимъ стѣсненіямъ. „Только, когда правительство страны склонялось къ нашептываніямъ духовенства одной партіи“, продолжаетъ онъ, „только тогда возникала вражда между религіями.“ Но въ этомъ-то и заключается все зло для правительства. Правитель и правительство должны быть религіозны, но не пристрастны, ибо „Богъ не смотритъ на лицо, какъ говорится въ Писаніи, и Ему пріятенъ только тотъ, кто боится Его и поступаетъ честно“. Свобода всѣхъ религій, невмѣшательство въ литургію какаго бы то ни было исповѣданія—вотъ первая политическая основа государства; безъ этой основы нѣтъ разумной причины не допускать костровъ для еретиковъ и вѣдьмъ. Религія большинства не есть еще государственная религія, какъ это ошибочно утверждаетъ Ламене—этотъ образецъ фанатическаго священника—въ его сочиненіи: „Объ отношеніи религіи къ политической и гражданской организаціи“. Государственная религія предполагаетъ, будто государство само создало религію, какъ политическое изобрѣтеніе для того, чтобы она послужила уздой для черни! „О христіане, христіане!“ восклицаетъ Кругъ, „какъ мало помните вы, чье имя вы носите!“

Второе возраженіе, состоящее въ томъ, что евреи дурные люди, и потому недостойны быть приняты въ го-

сударство, Кругъ называетъ безчеловѣчнымъ приговоромъ, осуждающимъ цѣлую націю. Затѣмъ онъ приводитъ множество примѣровъ великодушія евреевъ, ихъ умѣренность въ жизни и нравахъ — эту „безъ сомнѣнія великую гражданскую добродѣтель“. Кругъ напоминаетъ также о томъ, что и христіане позволяютъ себѣ часто обманывать евреевъ и еще считаютъ это добрымъ дѣломъ. Что въ еврейхъ есть дурнаго, то можетъ легко исчезнуть при совершенной перемѣнѣ существующаго исключительнаго ихъ положенія, между тѣмъ какъ полумѣры только способствуютъ къ продолженію борьбы.

На третье возраженіе, что евреи не исполняютъ всѣхъ гражданскихъ обязанностей, Кругъ даетъ слѣдующій простой отвѣтъ: Государство, которое одной рукой налагаетъ на нихъ всѣ эти обязанности, пусть другою рукою — предоставляетъ имъ всѣ права, какъ это было сдѣлано во Франціи съ полнѣйшимъ успѣхомъ.

Опасаться обогащенія евреевъ, говоритъ Кругъ, значитъ смѣшивать понятіе о чловѣкѣ съ понятіемъ о денежной биржѣ.

Обвиненіе евреевъ въ томъ, что они не вступаютъ въ бракъ съ христіанами, онъ слагаетъ на государственное законодательство, которое прежде должно дозволить христіанамъ вступать въ бракъ съ евреями; а между тѣмъ такой бракъ между христіанами еще понынѣ считается „постыднымъ“.

Наконецъ, самое худшее возраженіе противъ эманципаціи евреевъ, говоритъ Кругъ, состоитъ въ томъ, что

эманципированные евреи не станут креститься. „Такъ отъ нихъ, слѣдовательно, требуютъ“, восклицаетъ Кругъ, „чтобы они, ради земныхъ благъ, измѣнили своей религіи, которая, во всякомъ случаѣ, столько же священна и стара, какъ и всякая другая? Въ такомъ случаѣ, пусть ужь они лучше останутся вѣчно евреями. Предразсудки имѣютъ одинъ только источникъ, поэтому католикъ отказываетъ въ эманципаціи протестанту, протестантъ — католику, и оба они — еврею.“

Это значило говорить коротко и ясно. Политическое движеніе, которое, вслѣдъ затѣвъ, перешло изъ Франціи въ Германію, придадо особенную силу этимъ словамъ.

Евреи почувствовали это прежде всѣхъ; съ неслыханной энергіей, которая наконецъ должна была привести къ цѣли, они выступили на арену борьбы, чтобы уже не покидать ея. Берне, этотъ настоящій еврей, „жаловавшійся на то, что даромъ потратилъ нѣсколько талеровъ, которые ему пришлось заплатить священнику за крещеніе,“ — Берне, этотъ упрямѣйшій боецъ за свободу, неслыханнымъ еще дотолѣ въ Германіи смѣлымъ и безпощаднымъ языкомъ своихъ „Парижскихъ Писемъ“ возбуждалъ евреевъ — въ особенности Риссера — возбуждалъ и христіанъ, у которыхъ хватило еще смѣлости не быть приверженцами, ни цеховаго устройства, ни покровительственныхъ пошлинь. Независимой нѣмецкой періодической печати, за немногими исключеніями, и въ этомъ отношеніи принадлежитъ съ тѣхъ поръ честь отстаиванія праваго дѣла. Свободномыслящіе нѣмецкіе депу-

таты чувствовали, что безъ свободы совѣсти невозможна и общая гражданская свобода, хотя и между ними, время отъ времени, появлялись люди, которые, какъ Ротткѣ, по незнанію обстоятельствъ, или вслѣдствіе традиціонныхъ предразсудковъ, не были еще въ состояніи стать здѣсь на свободную точку зрѣнія. Во всякомъ случаѣ, великая важность еврейскаго вопроса доказывается тѣмъ разительнымъ фактомъ, что чѣмъ шире развивалась въ какомъ либо нѣмецкомъ государствѣ конституціонная жизнь, тѣмъ либеральнѣе относились и къ этому вопросу.

Великое герцогство Баденское открыло парламентскую борьбу. На первомъ планѣ стояла небольшая, но написанная съ большимъ талантомъ, брошюра Цепфля: „Слово объ эманципациі евреевъ въ Баденѣ“. Цепфль сильно нападаетъ на несправедливость законодательства и нѣмецкій либерализмъ, который еще не вышелъ изъ своего ребяческаго возраста, когда онъ пѣлъ:

«Deutsch christlich ist mein Streben,
 «Und wer nicht deutsche Röcke trägt
 «Ist auch nicht vaterländisch!»

(Мое стремленіе—германо-христіанское, и кто не носитъ нѣмецкаго сюртука, тотъ не добрый сынъ отечества).

„Неужь-то, восклицаетъ Цепфль, неужь-то 15,000 душъ въ Баденѣ до сихъ поръ еще не имѣютъ права называться гражданами государства только потому, что

они молятся Богу не по образцу трехъ христіанскихъ вѣроисповѣданій?“

Словомъ, начинала заниматься заря. Въ этомъ отношеніи прежде всего слѣдуетъ упомянуть о рѣчахъ ба-варскихъ депутатовъ Эберта и д-ра Ланга, произнесенныхъ ими во второй палатѣ. Первый изъ нихъ внесъ предложеніе о пересмотрѣ всѣхъ исключительныхъ законовъ о евреяхъ, относятся-ли они къ частному или государственному праву, въ особенности же законовъ, лишающихъ евреевъ права занимать государственныя должности и права выбора. Д-ръ Лангъ, докладчикъ по этому дѣлу въ палатѣ, въ своемъ, въ высшей степени замѣчательномъ отчетѣ, обратился противъ такъ называемой государственной религіи, которая служитъ причиной исключительныхъ законовъ. Вслѣдствіе признанія одной религіи государственною, сказалъ онъ, она становится только средствомъ для достиженія земныхъ выгодъ, что противно тому, что сказалъ основатель этой религіи:

«Царство мое не отъ міра сего!»

Задача государства не совпадаетъ съ задачей церкви. Существованіе церкви обусловливается свободой и основывается на внутреннемъ убѣжденіи, между тѣмъ какъ государство есть ничто иное, какъ заведеніе принудительное. Каждый гражданинъ есть членъ государства и церкви, но вниманіе государства онъ обращаетъ на себя только потому, что онъ членъ государства. Пользованіе

гражданской свободой ни въ какомъ случаѣ не можетъ находиться въ зависимости отъ формы богопочитанія. Поэтому и евреи ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть лишены своихъ человѣческихъ и гражданскихъ правъ. Ихъ уравненія требуютъ религіозная польза самого христіанства, человѣчность, но болѣе всего — справедливость.

Каждый гражданинъ, продолжаетъ Лангъ, имѣетъ извѣстныя обязанности и извѣстныя права въ отношеніи къ государству. Первые состоятъ въ споспѣшествованіи его существованію внутри и внѣ его; послѣднія—въ участіи въ управленіи, слѣдовательно, въ народномъ представительствѣ, въ государственной службѣ; далѣе, въ гражданской свободѣ, т. е. въ неограниченномъ правѣ заниматься всѣми отраслями торговли и промышленности, затѣмъ — въ свободномъ выраженіи своихъ мыслей, въ особенности же, въ отношеніи исповѣданія своей религіи и, наконецъ, въ участіи въ воспитательныхъ и образовательныхъ средствахъ государства. Во всѣхъ этихъ правахъ евреи ограничены, въ обязанностяхъ же—нигдѣ.

Основаніемъ всѣхъ возраженій противниковъ еврейской эманципации служить: во-первыхъ, безнравственность будто бы еврейской религіи, которая позволяетъ обманывать христіанъ и не представляетъ никакой гарантіи въ вѣрности присягѣ, даваемой евреямъ; во-вторыхъ, испорченность этого класса народонаселенія; въ-третьихъ, занятіе евреевъ торгашествомъ и ростовщи-

чествомъ; въ-четвертыхъ, опасность, угрожающая со стороны евреевъ благосостоянію христіанъ.

Но эти обвиненія оказываются призракомъ безъ всякаго внутренняго содержанія.

Моисеева религія заключаетъ въ себѣ самыя гуманныя предписанія. Отдѣльныя воззрѣнія, встрѣчающіяся въ Талмудѣ, не пользуются ни фактическимъ вліяніемъ, ни авторитетомъ и, во всякомъ случаѣ, не имѣютъ большаго значенія, чѣмъ противоположныя ученія этого энциклопедическаго творенія. Исключительный характеръ, который въ настоящее время приняла религія, впервые выставившая правило: „Люби своего ближняго, какъ самого себя“, былъ ей навязанъ длиннымъ рядомъ преслѣдованій.

Святость и ненарушимость присяги заповѣданы евреямъ библіей; Талмудъ подтвердилъ эту святость и въ отношеніи къ иновѣрцамъ. „Впрочемъ, если вѣрять присягѣ евреевъ, приносимой ими въ вѣрности конституціи, то на какомъ основаніи могутъ считать присягу евреевъ въ другихъ дѣлахъ менѣе священною?“

Обрядовые законы евреевъ до того мало могутъ удерживать ихъ отъ исполненія ихъ гражданскихъ обязанностей, что еврейскіе солдаты уже теперь въ субботу исполняютъ свою службу наравнѣ съ ихъ христіанскими товарищами. Такъ называемая испорченность евреевъ — пустѣйшая выдумка, если рѣчь идетъ обо всемъ народѣ—во всякомъ случаѣ не можетъ возбудить удивленіе, такъ какъ она вызвана была гнетомъ рабства, точно так-

же и ихъ торгашество и денежные аферы, которыя долгое время были единственнымъ запятіемъ, дозволеннымъ имъ законодательствомъ. За всякій промыслъ, въ которому они допускались, они принимались съ свойственнымъ имъ рвеніемъ; такъ они трудолюбиво занимались въ Польшѣ земледѣліемъ, а во всѣхъ странахъ, гдѣ они жили — медициной и науками вообще.

Если уже отчетъ Ланга могъ назваться поистинѣ образцовымъ, то устное объясненіе его въ палатѣ депутатовъ было еще удачнѣе. Конституцію, не имѣющую своимъ основаніемъ одной справедливости для всѣхъ и свободы вѣронсповѣданій, онъ назвалъ просто чудовищною. Баварская конституція, сказалъ онъ, предоставила позднѣйшему законодательству уравненіе евреевъ съ другими гражданами, и теперь именно настало время для отмены всѣхъ исключительныхъ законовъ. Еслибы вездѣ поставили условіемъ для принятія кого-либо въ конституціонное государство высокую степень образованія, то конституція вообще вовсе не могла бы существовать, потому что во время ея обнародованія, и даже въ настоящее время, большая часть баварскаго народонаселенія была чужда конституціонной жизни, развитіе которую предоставлено самой конституціи.

Лангъ съ особенной энергіей возставалъ противъ предложенія одного члена коммисіи, состоявшаго въ томъ, чтобы уравненіе евреевъ въ гражданскихъ правахъ послѣдовало только подъ условіемъ отреченія ихъ отъ талмуда и празднованія воскреснаго дня, вмѣсто субботы. Де-

нутаъ Дешъ прямо назвалъ это насильственнымъ крещеніемъ. Д-ръ Швиндель обратилъ вниманіе палаты на политико-экономическую сторону этого вопроса. Пусть позволятъ евреямъ, сказалъ онъ, употребить свои капиталы, которые теперь курсируютъ въ денежныхъ предпріятіяхъ, на различные промыслы и на пріобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ, и тогда государство тотчасъ же получитъ отъ этого громадную пользу. Пусть позволятъ имъ жить повсемѣстно и вступать въ бракъ, не опасаясь ихъ распространенія и увеличенія, и раздѣленіе большихъ капиталовъ совершится быстро и съ пользою для всей страны.—Особенно остроумно и удачно Швиндель опровергалъ обвиненіе евреевъ въ плутовствѣ и обманѣ. „Если выраженіе: еврей обманщикъ—должно отнести ко всѣмъ евреямъ, то я прямо отрицаю его, потому что я самъ знаю слишкомъ много почтенныхъ и честныхъ людей между ними. Если же этимъ хотятъ сказать, что между евреями есть обманщики, то я позволю себѣ спросить, откуда же взялись они? Въдѣ Вѣтхій Заветъ такъ строго воспрещаетъ воровство и обманъ? Если мнѣ скажутъ, что такъ какъ еврей обманщикъ, то слѣдуетъ думать, что таковыми ихъ сдѣлала ихъ религія, то я позволю себѣ спросить, какая же религія создаетъ христіанскихъ мошенниковъ? Каковъ бы ни былъ отвѣтъ, побѣда всегда останется на сторонѣ защитника евреевъ. Если христіанина сдѣлало обманщикомъ не христіанство, а его корыстолюбіе, то тоже самое слѣдуетъ сказать въ примѣ-

нені къ еврейству—въ противномъ случаѣ, мы должны будемъ допустить, что и христіанство воспитываетъ мошенниковъ!”

На вопросъ депутата Гейнцельмана: почему до сихъ поръ еще не приведено въ исполненіе королевское обѣщаніе объ отиѣнѣ исключительныхъ законовъ о евреяхъ?—совѣтникъ министерства Абель (извѣстный впоследствии реакціонный министръ) отвѣчалъ, что это слѣдуетъ приписать „силѣ предрасудковъ“.

„Давно-ли“, сказалъ на это депутатъ Кульманъ, „давно-ли христіане перестали преслѣдовать другъ друга? А теперь причину преслѣдованія евреевъ ищутъ въ евреяхъ, а не въ христіанахъ!“ Германская союзная конституція не исполнила своего обѣщанія въ отношеніи къ евреямъ, какъ и въ отношеніи свободы печати и другихъ конституціонныхъ правъ. И здѣсь, слѣдовательно, приходится помочь самому себѣ; прежде всего необходимо освободиться отъ религіознаго гнета, который, право, не могъ вызвать особенно благородныя влеченія въ евреяхъ — развѣ только въ благодарность за то, что въ прошлыя времена каждый новый крестовый походъ начинался пролитіемъ еврейской крови!—Депутатъ Клозенъ выразилъ сомнѣніе въ справедливости основаній, приведенныхъ правительственнымъ комиссаромъ. „Слово „эманципація“ звучитъ непріятно въ ушахъ правительства. А между тѣмъ, „эманципировать“ остается еще многое. Необходима эманципація нашихъ дѣтей отъ невѣжества и суевѣрія; эманципація поземельной соб-

ственности отъ тягостныхъ налоговъ; эманципація общинъ отъ правительственнаго произвола; эманципація ума и печати отъ цензурныхъ путъ — поэтому, оставьте вы, ради Бога, „низшую степень, на которой находятся евреи“, и ищите ее гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ!“ Депутатъ Шикеданцъ представилъ историческое и статистическое обзорѣніе противоположностей того, что обозначалось словами: „низкая степень образованности евреевъ“.

Хотя результатъ этихъ усилій былъ незначительный — предложеніе о пересмотрѣ законовъ, — однако-же еврейскій вопросъ подвинулся далеко впередъ уже потому, что это трезвое пониманіе его было для того времени еще ново и поэтому имѣло гораздо большее вліяніе на ходъ дѣла, чѣмъ послѣдующія пренія объ этомъ же предметѣ въ Баденѣ, не смотря на участіе въ нихъ людей съ громкими именами.

Между тѣмъ, Паулусъ въ Гейдельбергѣ снова выступилъ противъ евреевъ съ устарѣвшимъ обвиненіемъ ихъ въ замкнутости, которое, не смотря на неоднократное опроверженіе его со стороны евреевъ, все-таки осталось не безъ вліянія на вторую палату въ Баденѣ. Эта палата имѣла намѣреніе, въ подражаніе Наполеону I, созвать новый синадріонъ изъ еврейскихъ депутатовъ для обсужденія средствъ къ устраненію препятствій, предстоящихъ эманципаціи. Но нѣмецкіе евреи 1831 г., за послѣднія 25 лѣтъ, успѣли пріобрѣсть въ большей мѣрѣ чувство собственнаго достоинства. Они отказались отъ всѣхъ

предписываемых имъ религиозныхъ реформъ, и такимъ образомъ, и отъ самаго собранія; они настаивали на своихъ гражданскихъ правахъ и въ 1833 году обратились къ палатамъ съ просьбою о полномъ и безусловномъ ихъ уравненіи съ прочими гражданами. Во время преній по поводу этой просьбы, профессоръ Целль указалъ на блистательный нравственный и промышленный успѣхъ, совершившійся въ еврейской средѣ за послѣднее время (изъ числа 12,000 евреевъ было 550 мастеровъ, 340 подмастерьевъ, 155 учениковъ, 206 самостоятельныхъ земледѣльцевъ); баронъ Рюдтъ обратилъ вниманіе палаты на то обстоятельство, что предразсудки противъ евреевъ существуютъ по большей части тамъ, гдѣ евреи вовсе не живутъ, а князь Фюрстенбергъ также особенно горячо принялъ сторону угнетенныхъ. Вслѣдствіе этого, первая палата рѣшила представить правительству просьбу евреевъ. Напротивъ того, вторая палата, по предложенію ея докладчика Роттека, рѣшила перейти къ очереднымъ занятіямъ. Этотъ свободномыслящій, самъ часто преслѣдуемый, историкъ раздѣлялъ въ отношеніи къ евреямъ всѣ предразсудки, совершенно серьезно защищалъ господство государства надъ вѣроисповѣданіями и приписывалъ большую важность созванію еврейскихъ депутатовъ. Его мнѣніе раздѣлялъ и другой либераль, Риндшвендеръ. Велькеръ, Трефуртъ и Бадеръ остались вѣрны своему знамени и старались доказать палатѣ несостоятельность такъ называемаго христіанскаго государства, между тѣмъ какъ

Дистлингеръ требоваль нѣкоторыхъ ограниченій въ видѣ временныхъ, переходныхъ мѣръ. Но слово Роттека властвовало въ палатѣ, которая согласилась назначить еврейскому духовенству 15,000 гульденовъ ежегоднаго содержанія, но отвергла всякое расширеніе гражданскихъ правъ.

Позднѣйшія собранія сословныхъ чиновъ мало измѣняли положеніе дѣлъ, хотя правительство—въ особенности знаменитый министръ Винтеръ—вездѣ вступалось за правое дѣло. Оно даже три раза воспользовалось своимъ правомъ для назначенія при Гейдельбергскомъ университетѣ евреевъ на академическія должности. Вторая палата всегда искала недостатки въ еврейской религіи. Во время же полицейско-государственнаго министерства Блиттерсдорфа свобода едва-ли могла ожидать что нибудь.

Либеральнѣе оказались палаты въ Вюртембергѣ, гдѣ епископъ Роттенбургъ явился защитникомъ религіознаго равенства, и тотъ же самый Вольфгангъ Менцель, который въ своихъ сочиненіяхъ являлся всегда противникомъ евреевъ, въ 1836 году старался выставить въ хорошемъ свѣтѣ ихъ успѣхи во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, а Шоттъ, лучший представитель нѣмецкой прогрессивной партіи, говорилъ, что настала пора окончательно отречься отъ всѣхъ низкихъ предразсудковъ и отъ мнимаго ихъ оправданія. Палата требовала отъ правительства полнѣйшей эманципаціи евреевъ, но правительство, не смотря на

гражданскій прогрессъ евреевъ (изъ 11,000 душъ было 900 ремесленниковъ, фабрикантовъ и ученыхъ), не рѣшалось еще предоставить имъ всѣ права. Но въ 1845 году, при возобновленіи этого предложенія обѣими палатами, правительство, своими обѣщаніями, возбудило большія надежды, которыя, впрочемъ, только недавно вполне осуществились; еврейскій же культъ давно уже признанъ былъ публичнымъ и, согласно съ этимъ, получилъ новую организацію.

Едва-ли на германской территоріи возможно было встрѣтить такое различіе, какое въ отношеніи разрѣшенія еврейскаго вопроса существовало въ 1833 году въ законодательствахъ Кургессена и Саксоніи. Оба эти государства, послѣ сильныхъ потрясеній въ 1831 году, почти одновременно вступили въ число конституціонныхъ державъ. Но въ то время, какъ Кургессенское правительство тотчасъ же поняло свою новую задачу и уже въ 1833 г. сравнило своихъ еврейскихъ гражданъ съ христіанскими—примѣръ, которому спустя нѣсколько лѣтъ послѣдовалъ и Брауншвейгъ, гдѣ правительство и сословные чины, дѣйствовавшіе подъ руководствомъ своего превосходнаго предсѣдателя адвоката Штейнакера, были вполне согласны между собою въ этомъ дѣлѣ: въ Саксонскомъ королевствѣ эманципація евреевъ не пошла дальше предложенія палатъ о пересмотрѣ исключительныхъ законовъ о евреяхъ, не смотря на мастерскую защиту человѣческихъ правъ Круга, этого непоколебимаго апостола свободы

совѣсти, который одинъ между всѣми депутатами требовалъ безусловнаго равенства евреевъ въ Государствѣ; не смотря на ученую, остроумную апологію перваго протестантскаго духовнаго лица тогдашняго времени Аммона и, наконецъ, не смотря на рѣчи въ пользу евреевъ, произнесенныя депутатомъ фонъ - Майеромъ. Этотъ послѣдній, въ качествѣ докладчика второй палаты, ссылался на гуманныя и справедливыя принципы Талмуда, возставалъ противъ узкаго стремленія христіанскихъ правительствъ возвысить нравственность людей, не позаботившись предварительно о томъ, чтобы доставить имъ маломальски сносна средства къ жизни, и кончилъ свою рѣчь словами Грегуара: „Весь этотъ вопросъ, въ концѣ концовъ, сводится только къ тому, евреи — люди-ли или нѣтъ?“

Незрѣлость этихъ разсужденій и неразвитость большинства особенно ярко выдаются въ словахъ одного члена депутаціи, Рихтера изъ Цвикау: онъ признаетъ справедливость принципа гражданской и религіозной свободы для всѣхъ жителей государства; но свой голосъ дастъ — противъ эманципаціи евреевъ. Тоже самое повторилъ фрейбергскій бургомистеръ Заксе, который, въ своей рѣчи, выставилъ самыя либеральныя теоріи и, наконецъ, далъ свой голосъ въ пользу такъ называемаго медленнаго прогресса, въ пользу крохъ съ богатаго стола! Знаменательны были лишь слова вице-президента Гаазе изъ Лейпцига: Ни христіанство вообще, сказалъ онъ, ни протестантство въ особенности, не проти-

ворѣчать равенству евреевъ. Государство должно стать виѣ религіи: Ни празднованіе субботы, ни воспрещеніе употребленія извѣстныхъ блюдъ и ни обрѣзаніе не противорѣчатъ цѣли государства. „Пускай еврей строго празднуетъ субботу, лишь бы вмѣстѣ съ этимъ соблюдалъ святость воскреснаго дня тамъ, гдѣ этого требуетъ отъ него государственный законъ. Если торгашество и ростовщичество приводятся какъ доказательства испорченности евреевъ, то пусть откроютъ имъ свободный доступъ ко всѣмъ другимъ промысламъ. Разбейте оковы и свобода сама сдѣлаетъ ихъ достойными свободы“. Шутовской интермедіей, увѣковѣчившей въ тоже время глупость и корыстолюбіе цеховъ, представляется поданная ими во время преній о еврейскомъ вопросѣ просьба, которая могла служить сильнѣйшимъ аргументомъ въ пользу эманципаціи евреевъ, чѣмъ всѣ усилія ихъ защитниковъ. „Доказательствомъ того, какъ всѣ усилія и стремленія этихъ людей (евреевъ), сказано въ просьбѣ, направлены только къ тому, чтобы обогащаться къ нашему вреду, мы приводимъ то обстоятельство, что Мендельсоновское Общество въ Дрезденѣ (для вспоможенія еврейскимъ ремесленникамъ и художникамъ) отдало двухъ еврейскихъ мальчиковъ въ ученіе къ здѣшнимъ мастерамъ. Что Общество этимъ имѣло въ виду овладѣть сапожной и кожевенной торговлей—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Сейпъ гарантировалъ нашу конституціонную свободу, но эманципація евреевъ нарушаетъ наше спокойствіе, нашу свободу, нашъ миръ. Съ

этимъ совершенно согласны все другіе цехи въ Дрезденѣ; слѣдовательно, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ Саксоніи общественное мнѣніе — ни въ какомъ случаѣ не въ пользу эманципаціи евреевъ!“ — Столько шуму изъ за двухъ неиспеченныхъ еще сапожниковъ!

Единственная перемѣна, послѣдовавшая въ это время, которая по тогдашнимъ понятіямъ тоже могла считаться успѣхомъ, состояла въ передачѣ завѣдыванія дѣлами еврейскаго вѣроисповѣданія и просвѣщенія въ руки министерства духовныхъ дѣлъ и — въ отмѣнѣ закона, по которому евреи могли посѣщать городъ Фрейбергъ не иначе, какъ въ сопровожденіи полицейскихъ служителей. Ибо въ то время еще всецѣло существовали этотъ законъ, равно какъ и запрещеніе евреямъ заниматься ремеслами, цеховою промышленностью, существовала еще такъ называемая концессіонная система по которой каждый еврей долженъ былъ всегда имѣть у себя такъ называемый „покровительственный листъ“ о родѣ дозволенныхъ ему занятій и способѣ пропитанія. — Эти постановленія были отмѣнены правительственнымъ проектомъ, предложеннымъ сословнымъ чинамъ въ 1836—37 гг., вслѣдствіе котораго евреямъ предоставлена была свобода ремеслъ и другихъ промысловъ, за исключеніемъ, однако-же, книжной торговли, содержанія аптекъ и гостинницъ и съ ограниченіемъ ихъ мѣстожительства городами Дрезденомъ и Лейпцигомъ; изъ этого правила правительству предоставлено было дѣлать исключенія по своему благоусмотрѣнію. Какъ не значительны были эти

уступки, такъ, напротивъ того, обширны были пренія и такъ смѣшны были траги-комическія жалобы цеховъ, этихъ живыхъ представителей узкой зависти, на эти ничтожныя уступки. Они угрожали правительству, что страна обѣднѣетъ, если евреямъ — числомъ всего 800 человекъ — предоставлена будетъ возможность честнымъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе.

Истина, однако, требуетъ замѣтить, что въ палатѣ многіе депутаты смѣло выставляли все это въ надлежащемъ свѣтѣ. И дѣйствительно требовалась довольно сильная доза смѣлости, чтобы возставать противъ цеховаго духа, въ свѣти котораго даже либеральный депутатъ Эйзенштукъ запутался до того, что въ одной своей рѣчи нашелся вынужденнымъ взять назадъ то, что днемъ раньше говорилъ въ пользу евреевъ.

Кто сравнить то, что было сказано въ защиту прогресса въ обѣихъ палатахъ, съ тѣмъ, что было сдѣлано въ дѣйствительности для евреевъ, тотъ, конечно, не будетъ въ состояніи удержаться отъ улыбки. Въ первой палатѣ докладчикъ Риттерштедтъ, указывая на необходимость даровать евреямъ права для того, чтобы мало по малу улучшить положеніе, требовалъ, однако же, чтобы это было сдѣлано съ крайней осторожностью, чтобы не возбудить опасеній, что евреи оставятъ далеко за собою христіанъ. Но, не надобно забывать, что въ то время на каждыя 2000 христіанъ приходился одинъ еврей, и для того, чтобы евреи не обогнали христіанъ, ихъ скучили въ двухъ городахъ, въ Дрезденѣ и Лейп-

цигѣ! Эта боязнь, что евреи, вслѣдствіе своего врожденнаго остроумія, „превзойдутъ“ христіанъ, невольно напоминаетъ слова, сказанныя Моисеемъ Мендельсономъ священнику Теллеру: „И такъ — отъ воды человѣкъ глушѣтъ!“

Тѣмъ не менѣе Риттерштедта поддерживалъ бургомистръ Бидерманъ, который сначала хотѣлъ было подняться выше кругозора своихъ сотоварищей, но побоялся предрассудковъ представителей сословій. Даже Аммонъ говорилъ много о гуманности, но постоянно совѣтовалъ держаться постепеннаго прогресса и требовалъ только позволенія для евреевъ заниматься книжной торговлей, въ виду той пользы, которую можетъ принести раввинская литература. Во второй палатѣ депутаты Тилау и Майеръ удержали репутацію людей самостоятельныхъ и независимыхъ. Первый ясно доказалъ, что только полное уравненіе евреевъ съ другими гражданами можетъ устранить то зло, которое ставятъ евреямъ въ упрекъ, и которое есть ничто иное, какъ слѣдствіе ихъ угнетенія. При этомъ Тилау воззвалъ къ человѣчности, великодушію и чувству справедливости палаты. Съ этой же точки зрѣнія говорилъ и Майеръ, упомянувъ о будущемъ воспитаніи дѣтей, которое теперь, какъ онъ выразился, стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ духомъ и направленіемъ времени. Средства, которыми эти ораторы хотѣли дѣйствовать на палату, были, безъ сомнѣнія, самыя лучшія. Но, не смотря на все это, правительственный проектъ былъ весьма ограниченный. Такъ, пред-

положено было не давать евреямъ почетныхъ гражданскихъ правъ, какъ то: права активнаго и пассивнаго выбора на общественныя должности, права заниматься многими промыслами, права свободнаго передвиженія и владѣнія болѣе чѣмъ однимъ предметомъ недвижимаго имущества. Разрѣшеніе евреямъ заниматься адвокатурой предоставлено было усмотрѣнію правительства, которому вообще навязанъ былъ систематическій надзоръ за евреями. Пребываніе въ странѣ иностранныхъ еврейскихъ купцовъ было сопряжено съ такими затрудненіями, что отсюда возникло столкновеніе съ договорами таможеннаго союза; одинъ французскій еврей, въ министерство Тьера, даже принужденъ былъ обратиться къ дипломатической помощи.

Въ такомъ положеніи оставались дѣла до 1848 г., не смотря на всѣ усилія еврейскихъ обществъ въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ. Любопытно, однако же, толкованіе законовъ 1838 г., данное лейпцигскимъ городскимъ судомъ—однимъ изъ важнѣйшихъ судебныхъ мѣстъ Саксонскаго королевства, во главѣ котораго стоялъ городской судья Винтеръ, одинъ изъ лучшихъ тогдашнихъ практическихъ юристовъ въ Саксоніи. Этотъ судъ еще въ 1842 году далъ еврею—автору этой книги—право заниматься юридической практикой и привелъ его къ присягѣ. Тогда это былъ первый примѣръ во всей Германіи. Спустя нѣсколько недѣль, министерство юстиціи потребовало по этому поводу объясненія отъ суда. Отвѣтъ суда послѣдовалъ въ простыхъ и краткихъ словахъ,

что конституція предоставляетъ каждому гражданину полную свободу выбирать промыселъ по желанію, если законъ прямо этого не запрещаетъ. Такъ какъ государственная служба, по законамъ 1838 года, не поименована въ числѣ запрещенныхъ евреямъ промысловъ, то судъ, поэтому, счелъ возможнымъ допустить еврея къ занятію служебной должности. Министерство, повидимому, удовлетворилось этимъ отвѣтомъ, и этому примѣру послѣдовали судебныя мѣста въ другихъ германскихъ государствахъ. — Это было затишье передъ бурей. Вопросъ дня было тогда ложное понятіе о „христіанскомъ государствѣ“, въ особенности въ Пруссіи.

Въ 1840 году на прусскій престолъ вступилъ Фридрихъ Вильгельмъ IV. Два мнѣнія, высказанныя объ этомъ государѣ двумя знаменитыми личностями въ присутствіи автора этой книги, совершенно достаточно характеризуютъ его. Александръ Гумбольдтъ назвалъ его человѣкомъ съ наилучшимъ сердцемъ, но доступнымъ наущничанью. Бунзенъ сказалъ о немъ, что онъ слишкомъ долго былъ наслѣдникомъ престола, и поэтому имѣлъ слишкомъ много времени созидать для будущаго планы, которые иногда были между собою діаметрально противоположны. Въ самомъ дѣлѣ, Фридрихъ Вильгельмъ, надѣленный и безъ того сильною дозою романтизма, въ дѣлахъ общаго государственнаго управленія, то созидалъ планы, то самъ же разрушалъ ихъ. Тоже самое имѣло мѣсто и относительно еврейскаго вопроса. Будучи еще наслѣдникомъ престола, онъ, въ качествѣ предсѣдателя

Пруссаго государственнаго совѣта, отвергъ проектъ закона о евреяхъ, представленнаго Штрекфусомъ — который впослѣдствіи, впрочемъ неизвѣстно по какиимъ причинамъ, совершенно измѣнилъ свое убѣжденіе, — написавъ на заглавномъ листѣ его: 1533 г., вмѣсто 1833 г.; однако, въ первое время своего правленія онъ самъ не прочь былъ осуществить подобныя проекты. Былъ уже готовъ приказъ, воспрещавшій евреямъ употребленіе христіанскихъ именъ *), который только потому не былъ обнародованъ, что, какъ рассказывали тогда, короля удержало отъ приведенія его въ исполненіе анонимное письмо, въ которомъ были выставлены основательныя доказательства, что всѣ государства, гдѣ евреи подвергались преслѣдованіямъ, пришли въ упадокъ.

Во всякомъ случаѣ, правительственныя дѣятели обнаруживали склонность принять руководствомъ въ дѣлахъ государственнаго управленія мистическое понятіе о „христіанскомъ государствѣ“ и строго преслѣдовали всякое свободное стремленіе, въ особенности же въ печати. Когда въ 1842 г. берлинская академія наукъ назначила своимъ членомъ одного ученаго еврея и получила на это королевское утвержденіе, министръ духовныхъ

*) Срав. объ этомъ мою брошюру: «Слово о юридическомъ положеніи евреевъ въ прусскомъ государствѣ». Подвергнутое въ этой брошюрѣ порицанію запрещеніе принимать евреевъ въ гвардію было тотчасъ же отмѣнено королемъ, который за это сочиненіе собственноручно написалъ автору благодарственное письмо.

дѣль Эйхгорнъ обратился къ ней съ письменнымъ запросомъ: знала ли академія, что вновь избранный членъ — еврей? Академія, однакожь, была на столько благоразумна, что оставила этотъ запросъ министра безъ всякаго отвѣта. Тогда-то Гумбольдтъ сильно возсталъ противъ новаго проекта: „Законъ этотъ, сказалъ онъ, противорѣчитъ всѣмъ началамъ государственной мудрости; опасно и дерзко со стороны слабаго человечества толковать вкривь и вкосъ міровые законы божества; исторія темныхъ вѣковъ показываетъ намъ, къ какимъ опаснымъ заблужденіямъ приводили подобныя толкованія!“

Но и заблужденія находятъ себѣ защитниковъ. Не только между мистическими приверженцами правительства, но и между противниками ихъ, нашлись враги евреевъ. Бруно Бауэръ, одинъ изъ представителей ново-гегелианской школы, въ то время одинъ изъ самыхъ ярыхъ защитниковъ правоваго государства, который за свое свободомысліе даже лишенъ былъ кафедры — въ своей брошюрѣ: „Къ еврейскому вопросу“ возставалъ противъ принятія евреевъ въ государство. Почти вся независимая печать выступила тогда противъ него. При всемъ томъ — и въ этомъ надобно отдать ему справедливость; — заключеніе его не смотря на его ложную точку зрѣнія, — вѣрно: эманципация, какъ и всякій другой великій прогрессивный принципъ, возможна только въ свободномъ государствѣ и падаетъ — вмѣстѣ съ нимъ.

Къ такому свободному государству въ то время стремился народъ. Первые приготовленія въ этомъ отноше-

ніи безсознательно были сдѣланы самимъ королемъ. Желая привести въ исполненіе обѣщаніе отца своего, онъ, по единогласному требованію народа, созвалъ общій сеймъ изъ среды провинціальныхъ сеймовъ, хотя, предоставилъ имъ, впрочемъ, весьма ограниченный кругъ дѣятельности. Многія изъ этихъ сеймовъ, особенно рейнскій, высказались еще въ 1843 году въ пользу евреевъ. Соединенный сеймъ имѣлъ нѣкоторое сходство съ собраніемъ *etats generaux* во Франціи въ 1789 году. Въ этомъ собраніи шумно высказывались самыя разнородныя мнѣнія объ эманципаціи евреевъ; эти пренія замѣчательны тѣмъ, что происходили наканунѣ революціи.

И въ нихъ все еще проглядываетъ принципъ цѣлесообразности; но, согрѣтые идеєю права, они достойнымъ образомъ заключаютъ собою второй періодъ. При этомъ въ особенности стало ясно, что народъ во всѣхъ его слояхъ, высшихъ и низшихъ, питаетъ гораздо болѣе возвышенныя чувства чѣмъ правительства. Какъ соединенный сеймъ былъ не національнымъ собраніемъ, а только сословнымъ представительствомъ, такъ и предложенный имъ проектъ „о положеніи евреевъ“, былъ ничто иное, какъ новое изданіе проекта 1842 г. Цѣлью тогдашняго правительства было раздѣленіе народа по сословіямъ и вѣроисповѣданіямъ, и слѣдствіемъ его, въ этомъ отношеніи, была такъ велика, что оно не видѣло ложности этого направленія и не замѣчало раскрывавшейся предъ нимъ пропасти.

Сущность проекта заключала три шага назадъ, въ

сравненіи съ требованіями народа и общественнаго мнѣнія, именно: образованіе еврейскихъ корпорацій — а не просто религиозныхъ общинъ — корпораціи эти, какъ въ худшія времена имперіи, были окрещены именемъ „еврейства“ (Judenschaften); устраненіе евреевъ отъ важнѣйшихъ правъ, въ томъ числѣ отъ преподаванія въ христіанскихъ школахъ и отъ всѣхъ государственныхъ должностей, „съ которыми связана какая нибудь власть“, и наконецъ, сохраненіе особенныхъ ограниченій въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ. Въ этихъ мѣрахъ заключалось, впрочемъ, явное нарушеніе союзнаго акта. Ихъ порицали, не только большая часть ораторовъ, но и оба отдѣленія собранія, отдѣленіе господъ, докладчикомъ котораго былъ графъ Иценлицъ, и отдѣленіе трехъ сословій.

Въ первомъ, хотя и не выразившемъ собою настроенія народа, князь Линаръ указалъ на то, что проектъ, хотя и налагаетъ на евреевъ и христіанъ одинаковыя обязанности, но не признаетъ за ними одинаковыхъ правъ. Еще менѣе одобрительно отозвался онъ о „системѣ корпорацій“, которая въ состояніи лишь провести новую раздѣльную черту между гражданами, вмѣсто того чтобы положить начало государственному единству, обусловливающему его политическую силу и могущество. Христіанское же государство требуетъ полного признанія правъ всякаго человѣческаго существа, и требуетъ, по-этому, полной эманципаціи.

Графъ Йоркъ указалъ на то, что во время фран-

пузскаго господства, во многихъ частяхъ Пруссіи было установлено полное равенство, и привелъ въ примѣръ самые удачные опыты тѣхъ государствъ, въ которыхъ оно гарантировано. Онъ доказалъ невѣрность вычислений, сдѣланныхъ правительствомъ на основаніи статистики преступленій.

Графъ Дирнъ присовокупилъ, что будь онъ даже врагомъ евреевъ, то и тогда настаивалъ бы на полномъ ихъ уравниніи, такъ какъ пороки ихъ, если бы они таковыя имѣли, развились бы лишь вслѣдствіе ихъ угнетенія. Предлежащій проектъ, сказалъ онъ, отзывается запахомъ гетто. Только такія корпораціи можно поддерживать, въ которыхъ лежатъ задатки органической жизни, развивающіе здоровыя силы, а не такія, которыя, подобно проектируемымъ, откопаны какъ муміи, и навязываются евреямъ вопреки ихъ волѣ и ведутъ только къ возстановленію еврейскихъ кварталовъ. Не слѣдуетъ забыть, прибавилъ онъ, что дѣло идетъ объ исправленіи въѣковой несправедливости, о признаніи гражданскихъ и человѣческихъ правъ за племенемъ, которое послужило основаніемъ христіанства и было долгое время единственнымъ хранителемъ божественной идеи.

Графъ Зиршторпфъ утверждалъ, что права евреевъ не подлежатъ сомнѣнію, съ той поры какъ они приняты въ ряды защитниковъ отечества. Неполная эманципация—это валъ, который не трудно проломить.

Если пренія эти и изобиловали незрѣлыми мыслями,

въ родѣ предложенія, чтобы евреи праздновали воскресенье, вмѣсто субботы, если тутъ обнаружилось высокоимѣріе князя Лихновскаго (принадлежавшаго къ аристократической клнѣ, вызвавшей Кельнскіе смуты, и кончившаго впоследствии такъ печально); если въ другихъ предложеніяхъ высказалось даже не мало благонамѣренныхъ несообразностей, какъ напр. въ предложеніи основать особенный свободный университетъ съ правомъ преподавать въ немъ ученія всѣхъ религій, — то это объясняется составомъ этого отдѣленія, члены котораго, большею частью были слишкомъ далеки отъ жизни гражданъ. Тѣмъ не менѣе, даже здѣсь проектъ закона былъ такъ измѣненъ, что въ немъ нельзя было узнать первоначальной формы, данной ему Эйхгорномъ.

Еще большимъ измѣненіемъ подвергся онъ въ отдѣленіи трехъ сословій. Уже въ своемъ докладѣ, депутатъ Шперлингъ порицалъ смѣшеніе въ проектѣ понятій о церковномъ законодательствѣ и гражданскомъ — смѣшеніе, которое должно имѣть необходимымъ послѣдствіемъ поглощеніе личности еврейской корпораціей и лишеніе еврея принадлежавшихъ ему доголѣ личныхъ правъ. Но и самый гражданскій порядокъ, предлагаемый въ проектѣ, продолжалъ онъ, есть шагъ назадъ. Въ Пруссіи, признается принципъ права и прогресса, согласно съ которымъ должна подвигаться впередъ и законодательство, если оно не желаетъ низвергнуть государство съ той высоты, которую оно теперь занимаетъ среди другихъ европейскихъ государствъ. Всѣ приводимыя

противъ этого возраженія устарѣли и не имѣютъ смысла. Упрекъ въ отчужденіи падаетъ на христіанъ, которые вызвали это отчужденіе. Въ еврейской религіи не заключается ничего противнаго государству, иначе другія государства отиѣнили или ограничили бы эманципацію евреевъ. Сама Пруссія признала это, открывъ евреямъ доступъ къ военной службѣ и къ занятію общественныхъ должностей. Ихъ нравственность требуетъ достойнаго положенія въ государствѣ. Того-же требуетъ и общественное мнѣніе, какъ видно изъ заявленій пяти провинціальныхъ сеймовъ въ 1845 г. и изъ представленныхъ со всѣхъ сторонъ петицій.

Послѣдовавшія затѣмъ пренія уже потому имѣютъ бѣльшую важность, чѣмъ всѣ прежніе парламентскіе дебаты по этому вопросу, что, въ противуположность преніямъ въ Баваріи, Баденѣ и Саксоніи, на этотъ разъ обнаруживаются бѣльшее пониманіе значенія государства и бѣльшее знаніе жизни и дѣятельности евреевъ.

Депутатъ Шуманъ (одинъ изъ обвиненныхъ въ послѣднемъ польскомъ процессѣ) высказался за полную и повсемѣстную эманципацію, безъ исключенія Познани, прибавивъ, что онъ самъ былъ прежде отъявленнымъ врагомъ евреевъ, но потомъ переиѣнилъ свой взглядъ, потому что убѣдился, что они и въ Познани нисколько не уступаютъ христіанамъ въ нравственности и образованіи. Ростовщиковъ, плутовъ, барышниковъ столько

же и между христіанами. Если въ первые вѣка іудейство и христіанство мирно жили рядомъ, то оно такъ должно быть и въ наше время. Только господствующая церковь могла создать церкви подчиненныя и угнетаемыя. Выводъ изъ этого весьма простой. „Я христіанинъ, продолжалъ ораторъ, — я католикъ, и полагаю, что не выполнилъ бы долга христіанина, если бы колебался подать здѣсь голосъ за тѣхъ, чьи праотцы научили насъ вѣровать въ единого Бога!“

Депутатъ Готбергъ указалъ на трезвость и воздержность евреевъ и на ихъ семейныя добродѣтели. Ихъ недостатки, обнаруживающіеся въ сношеніяхъ съ христіанами, объясняются отчужденіемъ, которое снова стремится вызвать и подлежащій законъ. Благородныя побужденія невозможны, когда закрыть доступъ къ облагораживающимъ занятіямъ. Пусть только откроютъ евреямъ доступъ къ государственнымъ должностямъ, и они тотчасъ же выкажутъ высокія умственныя способности. Поощренія выдающихся способностей требуются даже въ интересѣ христіанскихъ гражданъ, въ интересѣ всего государства, которое, ради собственной пользы, не должно давать дремать этимъ способностямъ. Христіанское государство ложно понимается. Государство требуетъ лишь религіи и морали. Религія приводитъ къ вѣрованію въ единого Бога, мораль — къ моногаміи. А евреи достигли же этой высоты! Опасаться ихъ способностей — это, съ одной стороны,

все равно, что засвидѣтельствовать скудоуміе христіанъ, а, съ другой стороны, это смѣшно, если принять въ расчетъ отношеніе 200,000 къ 16 милліонамъ. Противъ права свободнаго передвиженія польскихъ евреевъ приводятъ то, что они могутъ наводнить край. Но, если они дѣйствительно обременяютъ его, то это бремя должно нести все государство, а не одна провинція. (Смѣхъ и живое одобреніе.) Заклинаю собраніе, сказалъ онъ въ заключеніи, быть безпристрастнымъ и отречься отъ предразсудка, потому только трудно искоренимаго, что онъ привить съ дѣтства.

Графъ Ренардъ порицалъ послѣдовательность и содержаніе проекта, прямо противорѣчація всякому слиянію гражданъ и ихъ равноправію. „Еврей долженъ оставаться евреемъ во всемъ ненавистномъ смыслѣ этого слова“ — а такъ какъ онъ остается евреемъ, то и долженъ отказаться отъ притязаній на равноправіе съ христіанами. „Но не такъ понимаю я мое христіанство. Этимъ путемъ ни въ какомъ случаѣ не выполнить своей задачи государство, которое провозглашаетъ себя христіанскимъ.“ Говорятъ объ отчужденіи, но причина его лежитъ никакъ не въ евреяхъ. „Евреи не могутъ быть нашими врагами. Этому противорѣчатъ ихъ нравственныя, религіозныя и политическія воззрѣнія. Нравственность ихъ отражается въ чистотѣ ихъ семейной жизни, которая ни въ какомъ случаѣ не противорѣчитъ закону любви и которой подчасъ и христіане могли бы, пожалуй, позавидовать. По-

литическое направленіе ихъ миролюбивое — но, когда дѣло шло о томъ, чтобы заявить храбрость, вошедшую въ поговорку со временъ древняго Рима, то они сьумѣли сдѣлать это: вмѣстѣ съ нами они сражались, и за насъ же проливали кровь свою“.

Князь Рейсъ заявилъ, что если мысль о свободѣ ужъ разъ пустила корни, то ее уже ничѣмъ не искоренишь. Вопросъ объ эманципаціи евреевъ возбужденъ былъ въ силезскомъ сеймѣ шесть лѣтъ назадъ. Въ ту пору за равноправіе было подано всего 20 голосовъ, а теперь число ихъ возрасло уже до 158.

Въ этомъ же смыслѣ высказались всѣ лучшіе люди собранія. Правительственный проектъ потерпѣлъ такое фіаско, что когда министръ фонъ-Тиле попытался защищать свое „христіанское государство“ — преслѣдующее свободномыслящихъ христіанъ столько же, сколько и евреевъ — то Кампгаузенъ замѣтилъ, что онъ хотя очень радъ слышать хоть одинъ голосъ, варьирующій тему, но крайне сожалѣетъ, что подобные аргументы уже совершенно потеряли свою силу. Неужели, серьезно спросилъ онъ министра, неужели Франція и Голландія перестали быть христіанскими государствами съ тѣхъ поръ, какъ онѣ эманципировали евреевъ? Въ Россіи и Турціи духовная и свѣтская власть соединены, говорятъ, въ однихъ рукахъ, но въ германскомъ государствѣ онъ этого не видитъ. Существованіе прусскаго государства неразрывно связано съ принципомъ политической равноправности всѣхъ вѣроиспо-

вѣданій и уклоненіе отъ этого принципа угрожаетъ опасностью монархіи. (Зала оглашена была громомъ рукоплесканій.)

Финке, бывший еще въ ту пору сторонникомъ безоблачнаго либерализма, привелъ въ подтвержденіе этой теоріи противорѣчія, представляющіяся въ настоящей правительственной системѣ съ заповѣдями Св. Писанія, „Не убей! сказано тамъ, Не помяни Господа Бога твоего всуе! Люби своихъ враговъ!“ Соблюдаютъ-ли министры, исполняютъ-ли правительство эти заповѣди, въ особенности въ военное время?

Но болѣе всего новой постановкѣ еврейскаго вопроса способствовало высказанное вполне основательное мнѣніе, что тѣ промыслы, занятіе которыми исключительно приписывалось евреямъ, принесутъ государству гораздо больше пользы, именно вслѣдствіе улучшенія гражданскаго быта самихъ евреевъ. Пріятно было слышать, какъ политикоэкономическій принципъ впервые выдвинутъ былъ на первый планъ, преимущественно финансовыми знаменитостями, какъ Беккератъ, Кампгаузенъ, Ганземаанъ, Менисенъ, — которые впоследствии почти всѣ были министрами финансовъ или министрами торговли. Тѣ же самыя финансовыя способности, говорили они, которыя въ высшихъ сферахъ являются иногда въ такомъ непривлекательномъ свѣтѣ, достигали въ высшихъ сферахъ блистательныхъ успѣховъ, и, облагороженные возвышенною цѣлью, могли бы дать государству блестящіе результаты. Точно также и замѣчатель-

ныя способности евреевъ въ правовѣденіи, философіи, математикѣ могли бы приносить большую пользу, тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ не ощущается особеннаго избытка въ практическихъ способностяхъ.

Передъ такими доводами должны были умолкнуть несостоятельныя, узкія средневѣковыя воззрѣнія, или такъ называемые аргументы противнаго, выставленные нѣкоторыми членами, которые, впоследствии, оказались и противниками системы представительства вообще и выдвинулись впередъ, какъ первые вожди прусской реакціи.—Во время этихъ преній, приведены были судебныя отчеты въ доказательство того, что въ христіанскомъ населеніи преступленія, относительно, гораздо больше числомъ и болѣе тяжкія по дѣланіямъ. Въ похвалу евреевъ выставялось также тщательное воспитаніе, которое они даютъ своимъ дѣтямъ. За тѣмъ, когда въ борьбѣ за правое дѣло приняли участіе еще два сильныхъ борца, фонъ-Заукенъ и графъ Шверинъ, когда первый напомнилъ, что „христіанское государство“ полицейскимъ порядкомъ воспретило нѣкоторымъ евреямъ праздновать воскресенье, вмѣсто субботы, а послѣдній придавъ рѣшаемому вопросу характеръ борьбы между опекою церкви надъ государствомъ съ свободнымъ духомъ девятнадцатаго вѣка, —никто не могъ думать, чтобы полная эманципація евреевъ снова была отодвинута на задній планъ. А между тѣмъ, это именно такъ и случилось. Одинъ голосъ рѣшилъ противъ участія въ сословныхъ правахъ, а противъ допу-

щенія къ государственнѣмъ должностямъ оказалось значительное большинство, не смотря на то, что ненависть, выраженная въ проектѣ, всѣми была отвергаема. Казалося, будто предчувствовали, что время разовьетъ плоды этихъ преній гораздо быстрѣе, чѣмъ это могло быть желательно для тогдашней правительственной системы.

Согласно съ предложеніемъ палаты, обнародованъ декретъ отъ 23 іюля 1847 г., предоставлявшій евреямъ менѣе правъ, чѣмъ законъ 1812 г. Декретъ этотъ оставилъ особую присягу, съ назиданіемъ со стороны еврейскаго раввина; отмѣнено было только различіе, существовавшее прежде относительно силы свидѣтельскихъ показаній христіанъ и евреевъ. Тощая жатва послѣ столькихъ трудовъ!

Знаменіемъ времени слѣдуетъ считать то обстоятельство, что вскорѣ послѣ описанныхъ событій въ другомъ государствѣ, учрежденія котораго вслѣдствіе церковныхъ прерогативъ короны, гораздо, болѣе слиты съ церковью, чѣмъ въ Пруссіи, правое дѣло и здравый смыслъ одержали важную побѣду. Англія при Кромвеллѣ, отчасти подъ вліяніемъ сочиненія Манассе Бенъ-Израиля „Спасеніе евреевъ“, вернула изгнанныхъ евреевъ и дала имъ, въ 1753 г., по крайней мѣрѣ столько гражданскихъ правъ, что они могли безпрепятственно заниматься всѣми промыслами. Но государственныя должности остались для нихъ закрытыми до тѣхъ поръ, пока съ эманципаціею католиковъ не

былъ отмѣненъ, въ 1829 г., такъ называемый Test-Act и актъ о корпораціяхъ, по которымъ къ государственнѣмъ должностямъ допускались только исповѣдующіе господствующую религію. Но при этомъ, по предложенію верхней палаты, всякій, кто добивался государственной или общественной должности, обязанъ былъ присягать, что онъ не будетъ злоупотреблять своею властью во вредъ англиканской церкви, и присягать именовъ „истинной вѣры христіанина“.

Похвальнымъ усиліямъ Роберта Гранта удалось провести въ 1833 г., въ нижней палатѣ, билль объ эманципаціи евреевъ; но верхняя палата оставалась непреклонна. Наконецъ, избраніе барона Ліонеля Ротшильда въ члены нижней палаты дало поводъ лорду Джону Росселю снова внести билль „объ отмѣнѣ стѣсненій, обременяющихъ еврейскихъ подданныхъ“; онъ мотивировалъ свое предложеніе слѣдующимъ образомъ:

Для Англіи это вопросъ не политической, какъ въ другихъ странахъ, а вопросъ о принципѣ. Неудовлетвореніе требованій согражданъ еврейскаго вѣроисповѣданія подвергаетъ опасности характеръ и достоинство законодательства. Въ сущности способствовать религіозной свободѣ — не въ характерѣ англійскаго законодательства, оно также не имѣетъ въ своемъ основаніи принципа общаго равенства всѣхъ подданныхъ. Но при всемъ томъ, парламентъ, при всякомъ подобномъ случаѣ, удовлетворялъ требованія гражданъ, какъ скоро это могло быть сдѣлано безъ всякой опасности для го-

сударства. Сэръ Робертъ Инглисъ, противникъ эманципаціи евреевъ, пророчески сказалъ ему въ 1830 г., что если евреи будутъ допущены въ парламентъ, то лѣтъ черезъ 10 должна будетъ совершиться полная парламентская реформа. Спустя два года, реформа дѣйствительно послѣдовала, но безъ допущенія евреевъ. Каждый англійскій подданный долженъ пользоваться правами и преимуществами, предоставляемыми конституціею; религіозныя убѣжденія не могутъ служить къ тому препятствіемъ. Парламентскими биллями и актами верхней палаты признано, что „одно рожденіе уже гарантируетъ за каждымъ англичаниномъ всѣ общія вольности и права, лишиться же ихъ онъ можетъ только вслѣдствіе тяжкихъ преступленій“. Слѣдовательно, само право требуетъ, чтобы евреи, родившіеся въ Англіи и служащіе государству, каждый, смотря по своему призванію, были равноправны съ христіанами. Излишне, поэтому, говорить о выдающихся талантахъ отдѣльныхъ личностей или о пользѣ, принесенной ими странѣ.

Противъ этого возражали, во первыхъ, что эта мѣра лишила бы государство христіанскаго характера. Но, если религія и вліяетъ на нашу частную жизнь, то все-же формула присяги еще не порука въ нашихъ религіозныхъ чувствахъ. „Фалькландъ, Голлісъ и Вэнъ рѣзко расходились между собою въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, но это, однако, нисколько не препятствовало имъ всѣмъ троицъ засѣдать въ парламентѣ и принести одну и ту-же присягу, во имя христіанской вѣры. Самъ Гиббонъ при-

несъ эту присягу, — Гиббонъ, который осмѣивалъ христіанство такъ, какъ это не сдумѣлъ сдѣлать ни одинъ еврей, и при всемъ томъ онъ сидѣлъ на министерской скамьѣ, и еще при Георгѣ III, т. е. при такомъ правительствѣ, которое болѣе всякаго другаго смѣшивало „короля съ церковью“.

Впрочемъ формула „во имя истинной вѣры христіанина“ въ сущности означала только присягу въ вѣрности коронѣ, а не религіозное исключеніе. Развѣ англійскіе евреи служатъ иностранному государю? Да, отвѣчали нѣкоторые; предсказаніе пришествія Мессіа у пророковъ даетъ поводъ заключать это. Но приличествуетъ-ли парламенту толковать пророковъ по своему и выводить изъ этого толкованія границу между альдерменомъ и королевскимъ чиновникомъ, между мировымъ судьей и членомъ парламента?

Увѣряютъ, наконецъ, что въ народѣ господствуетъ предубѣжденіе противъ евреевъ. Но послѣдніе выборы въ парламентъ доказываютъ совершенно противное. Народъ столь же свободно мыслить, какъ и члены парламента; онъ не желаетъ ограниченія политическихъ правъ за религіозныя убѣжденія, заключилъ Россель.

Эти здравые, трезвые доводы, подкрѣпленные еще Гладстономъ, одержали верхъ надъ нападками Инглиса и лорда Эшлея (величайшаго англійскаго филантропа того времени), а Дизраэли увѣнчалъ эти пренія замѣчаніемъ, что предложеніе лорда Ростеля должно быть принято и заслуживаетъ поддержки, не только съ точки зрѣнія рели-

гіозной свободы, но также и съ точки зрѣнія религіозной истины. Если въ этомъ вопросѣ должна рѣшати вѣра, то на какомъ основаніи извѣстное число христіанъ можетъ ставить евреямъ въ упрекъ религіозныя ученія, которыя христіане сами отъ нихъ приняли, такъ какъ всѣ они вѣруютъ въ Моисея и пророковъ! Въ колоніяхъ, впрочемъ, евреи уже давно засѣдаютъ въ законодательныхъ собраніяхъ, и не только евреи, но и буддисты, какъ напр. въ Цейлонѣ.

Тѣмъ не менѣе, билль прошелъ въ нижней палатѣ только въ послѣдствіи; что-же касается вѣрхней палаты, то она сопротивлялась до 1859 г., когда прошелъ билль лорда Люкау, дозволившій евреямъ выпускать при присягѣ извѣстную формулу. При такихъ обстоятельствахъ вступилъ въ нижнюю палату сэръ Френсисъ Гольдсмитъ, въ 1860 г., когда Ліонель фонъ-Ротшильдъ уже шесть мѣсяцевъ засѣдалъ въ ней безъ присяги. Съ той поры, исключительнымъ достояніемъ господствующей церкви остались только высшія спеціально британскія государственныя должности.—Однако, по справедливому замѣчанію самаго Росселя, это рѣшеніе нельзя считать событіемъ въ дѣлѣ эманципаціи по отношенію къ другимъ государствамъ. Большинство обѣихъ палатъ—какъ въ томъ всѣ убѣждены въ самой Англій—видитъ въ допущеніи евреевъ въ парламентъ не столько рѣшеніе вопроса о правѣ, сколько уступку обстоятельствамъ, которыя практичная государственная мудрость Англій всегда принимаетъ въ разсчетъ.

Борьбу, противорѣчіе просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія со взглядами правительства, мы видимъ только въ Германіи. Будучи безъ того, такъ сказать, сердцемъ еврейства, въ силу внутренняго развитія этой религіи, и не говоря уже о высокой интеллигенціи многочисленныхъ сыновъ ея, разсадникомъ и центромъ еврейской литературы, — Германія видѣла, что еврейскій вопросъ идетъ всегда рука объ руку съ требованіями свободы печати и мысли, публичныхъ собраній, самоуправленія, свободы промысловъ и торговли. День, въ который суждено было получить эти горячо желаемыя блага, долженъ былъ принести и евреямъ „свѣтъ, радость и счастье“. Эманципація нѣмецкаго народа, начало государства, основаннаго на правѣ, должны были повести и къ эманципаціи вѣроисповѣданій.

III.

Періодъ правовой.

„И былъ свѣтъ!“ За февральской революціей по той сторонѣ Рейна послѣдовала мартовская буря въ Германіи. Единство и парламентъ были здѣсь лозунгомъ! Народъ смѣялся надъ различіемъ вѣроисповѣданій и вездѣ эманципировалъ евреевъ, какъ будто такое различіе никогда и не существовало. Забыты были услѣвшія надобъсть всѣмъ произнесенныя въ палатахъ

рѣчи, забыты были петиціи цеховъ, „исключительность“, „перенесеніе субботы на воскресенье“ и прусскія корпораціи гетто.

Еретическое общественное мнѣніе производило чудеса! Въ тѣхъ самыхъ государствахъ, гдѣ, въ продолженіе 30 лѣтъ, на многочисленныхъ сеймахъ, поглощавшихъ громадныя суммы, которыя могли бы служить гораздо лучшимъ цѣлямъ, спорили о великомъ вопросѣ, можно ли признать за некрещенымъ право продать здѣсь аршинъ сукна, тамъ бочку пива, или издать книгу, въ тѣхъ самыхъ государствахъ, гдѣ еще за три мѣсяца, активное избирательное право еврея въ члены палаты считалось какимъ-то бредомъ, правительственные декреты созывали избирательныя собранія въ германскій парламентъ, безъ различія вѣроисповѣданій, и горе тому комиссару или собранію, которые заикнулись бы противъ появленія или избранія еврея!

Закона никто не требовалъ и не давалъ. Сошелся парламентъ и въ немъ засѣдали еврей; мало того, еврей, Риссеръ, въ послѣдствіи былъ даже выбранъ въ вице-президенты—и все это черезъ три года послѣ того, какъ Дюттлингеръ возбудилъ во второй баденской палатѣ вопросъ, что стали бы дѣлать еврей, если бы Германія получила національный парламентъ! Въ 1849 г., тотъ-же Риссеръ сдѣлался даже министромъ юстиціи. Таковъ былъ отвѣтъ германскаго народа на метафизико-религіозныя, слишкомъ часто весьма непрактичныя пренія сословныхъ чиновъ.

Вскорѣ этотъ фактъ былъ утвержденъ законодательствомъ. Для этого не требовалось, ни новой литературы, ни упражненій парламентскихъ ораторовъ. Дѣло шло о возстановленіи одного отечества, одного гражданства, одного соціального союза всѣхъ нѣмцевъ;—могла ли при этомъ одна часть націи оставаться илотами? Основныя права германскаго народа, его букварь и библія, выразились въ законѣ отъ 21 декабря 1848 г. Въ вопросѣ о свободѣ совѣсти и равноправіи религіозныхъ убѣжденій, этотъ законъ пошелъ даже далѣе французской „декларациіи правъ“ 1789 г., такъ какъ въ немъ не признавалось не только господствующей, но и никакой сколько нибудь привилегированной церкви. Статья V этихъ основныхъ правъ постановляетъ: Каждый нѣмецъ пользуется полною свободою вѣроисповѣданія и совѣсти: 1) никто не обязанъ объявлять свои религіозныя убѣжденія; 2) никакія стѣсненія не должны ограничивать нѣмцевъ въ совѣстномъ домашнемъ или публичномъ совершеніи обрядовъ своей вѣры; 3) преступленія, могущія произойти при исполненіи этихъ обрядовъ, подлежатъ наказанію по закону; 4) пользованіе гражданскими и политическими правами не можетъ быть обусловлено или ограничено религіознымъ исповѣданіемъ; 5) религія не можетъ препятствовать исполненію гражданскихъ обязанностей; 6) всякое религіозное общество организуется и управляется совершенно самостоятельно, но подчиняется общимъ государственнымъ законамъ; 7) ни одна ре-

лигія не пользуется въ государствѣ преимуществами передъ другими религіями; государственной церкви болѣе не существуетъ.

Такъ какъ основныя права, одни или въ соединеніи съ конституціею 1849 г., въ которой они составили седьмую главу, были признаны 29 германскими правительствами, за исключеніемъ, впрочемъ, Пруссіи, Австріи и Баваріи, то, вслѣдствіе этого, во всѣхъ этихъ государствахъ гражданское и религіозное равноправіе евреевъ было навсегда возведено въ неизмѣнный принципъ и признано, что всякое послѣдующее ограниченіе его должно считаться нарушеніемъ конституціи государства и вмѣстѣ съ тѣмъ посягательствомъ противъ союза акта. Всякое германское правительство формально связано этимъ актомъ, что и было особо оговорено въ каждой конституціи. Этотъ союзный актъ, нигдѣ не отмѣненный вполне съ 1848 г., не отмѣченный и новоорганизовавшимся правительствомъ, на сколько онъ не противорѣчитъ существующимъ законамъ, обезпечиваетъ за евреями отдѣльных германскихъ государствъ дарованныя имъ права до той поры, пока самъ Союзъ не издастъ объ этомъ своихъ законовъ. Всѣ противорѣчащія тому законы суть поэтому ничтожны и безсильны.

Излишне поэтому доказывать, что государственное обязательство, вмѣненное союзнымъ актомъ, не могло быть уничтожено и новымъ положеніемъ, установившимся съ 1866 г., хотя право евреевъ было уже укоренено, до

паденія союзнаго акта, во всѣхъ 29 государствахъ, признавшихъ основныя права.

Въ этомъ отношеніи, послѣдовавшая отрицательная основнаго правъ реакціоннымъ союзнымъ собраніемъ, 23 августа 1851 г., ничего не измѣнила, такъ какъ (не говоря уже о юридически неправильномъ существованіи этого собранія) никакое, даже правильное союзное собраніе, не могло измѣнить эту статью основнаго закона иначе, какъ единствомъ голосовъ въ полномъ составѣ собранія (стат. 7 союзнаго акта и ст. 13, отдѣлъ 1 вѣнскаго заключительнаго акта). Оба эти условія не существовали при отрицаніи означенной статьи. Мало того, само союзное собраніе утвердило отрицательную основнаго правъ лишь на столько, „на сколько эти права противорѣчили союзнымъ законамъ“, что также не могло быть примѣнимо къ эманципаціи евреевъ, (см. Цепфля „Основанія всеобщаго и германскаго государственнаго права“, т. 2, стр. 266).

Поэтому въ государствахъ, гдѣ провозглашены были основныя права, не было надобности ни въ новыхъ законахъ, относительно эманципаціи евреевъ, въ родѣ изданныхъ въ послѣдніе годы въ Баденѣ, Вюртембергѣ и Франкфуртѣ на Майнѣ, ни въ особомъ постановленіи, что, вопреки отрицанію основнаго правъ, права, утвержденныя ими за евреями, остаются пока въ полной силѣ и на будущее время, какъ это было сдѣлано въ Саксоніи, закономъ отъ 12 мая 1851 г. или, въ послѣдствіи, въ Вюртембергѣ, декретомъ отъ 5 октября 1851 г.

Саксонскому правительству, правда, пришлось бороться въ реакціонномъ собраніи сословныхъ чиновъ, не только съ вновь возгорѣвшеюся ненавистью цеховъ, но и съ фанатизмомъ протестантскаго духовенства, въ особенности съ лейпцигскимъ суперъ-интендентомъ Гросманомъ. Послѣдній, основатель „Союза Густава-Адольфа“, не сходящій съ кафедры безъ воззванія къ свободѣ убѣжденій, громко вопіявшій противъ малѣйшаго притѣсненія католиковъ въ Австрію и противъ того, что протестантскіе солдаты должны отдавать честь католическимъ священникамъ въ Мюнхенѣ—спустя четыре года послѣ того, какъ онъ на лейпцигскомъ соборѣ требовалъ отъ правительства признанія независимости евангелической церкви—поднялъ затѣмъ противъ евреевъ заржавѣлое и смѣшное для всѣхъ оружіе, именно—еврейскіе законы о цицѣ, празднованіе субботы, откопанное имъ въ старомъ хламѣ слѣпыхъ противниковъ евреевъ. Онъ совершенно серьезно потребовалъ перенесенія празднованія субботы на воскресенье, какъ условія гражданскаго равноправія, забывая притомъ, что само же христіанство предприняло когда то перенесеніе праздниковъ единственно съ цѣлью отдѣленія отъ іудейства. Не варварство-ли было требовать, чтобы старый союзъ, въ подражаніе новому, отрекся отъ своего древнѣйшаго, поэтическаго праздника, символа царящаго духа, управляющаго природою по вѣчнымъ законамъ? Такъ-то этотъ протестантскій прелатъ понималъ свою свободу совѣсти.

Къ счастью, евреи вездѣ остались тверды и со смѣ-

хоть отвергли эти требованія. Даже горсть такъ называемыхъ реформистовъ, состоявшая всего изъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, въ Берлинѣ и другихъ прусскихъ общинахъ, торжественно отвергали ивѣнне, будто они, перенесеніемъ субботы, имѣютъ въ виду покупать себѣ гражданское равноправіе. И саксонское правительство съ своей стороны тоже рѣшительно отвергло подобныя ивѣры, на что, безъ сомнѣнія, не мало повліяли слухи о тайно проектировавшейся тогда въ Потсдамѣ берлинской ярмаркѣ.

Съ той поры въ Саксоніи основное начало эманципации евреевъ нарушено было всего однажды, въ 1866 г. статьей 1617 гражданского кодекса, воспреещающей браки между христіанами и евреями. Такъ какъ бракъ по свободному выбору составляетъ гражданское право, гарантированное основными правами, и къ тому же подобныя смѣшанные браки никогда не воспрещались протестантскою церковью, а въ Саксоніи были терпимы и на практикѣ, то ясно, что вышеприведенная статья не имѣетъ ровно никакого значенія.

То-же самое относится и къ тѣмъ изъ бывшихъ или настоящихъ германскихъ государствъ, въ которыхъ хотя основныя права и не были провозглашены особымъ закономъ, но гдѣ все-таки равноправіе всѣхъ подданныхъ, безъ различія вѣроисповѣданій было включено, съ 1849 г., въ основныя начала конституціи, именно въ Пруссіи (конституціонная грамота 1850 г. § 12), въ Австріи, въ провинціяхъ, принадлежавшихъ германскому

союзу (конституціонная грамота 4 марта 1849 г.), въ Баваріи (статья 5 конституціонной грамоты, законъ 1855 г., указъ о закрытіи Сейма 1851 г., изданный послѣ происходившей въ Сеймѣ жаркой борьбы противъ исключительныхъ законовъ, въ которой особенное участіе приняли покойный Лерхенфельдъ и нынѣшній министр-президентъ князь Гогенлоэ). Тоже самое относится и къ Люксембургу (Нидерланды), со времени конституціи 9 іюля 1848 г.

Такимъ образомъ, въ Германіи уже въ ту пору были устранены всѣ законныя препятствія къ эманципаціи евреевъ, если не понимать подъ словомъ „законныя“ всего того, что напечатано въ кодексѣ, а только то, что имѣеть дѣйствительное значеніе права. Но, къ сожалѣнію, въ большей части государствъ, конституціи и право нарушались, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ.

Что касается собственно Австріи, то и юридическое положеніе евреевъ, вслѣдствіе государственной необходимости, подверглось такимъ же переворотамъ, какъ и все вообще ея конституціонное устройство. Основные права, дарованныя конституціею 4 марта 1849 г. были общимъ образомъ отмѣнены патентомъ 31 декабря 1851 г. Эта отмѣна, какъ мы уже упомянули, не только нарушила 16-ю статью союзнаго акта, въ германскихъ владѣніяхъ Австріи, но и во всей имперіи посягала на здравыя начала государственнаго права, уравнивающія пожалованныя конституціи съ конституціями, основанными на договорѣ. Поэтому, когда въ тяжелыя времена ре-

*

акціи, указомъ отъ 2 октября 1853 г., права евреевъ на поземельное владѣніе во всѣхъ коронныхъ земляхъ были снова временно ограничены на основаніи постановленій, существовавшихъ до 1848 г.; когда за тѣмъ указъ отъ 18 февраля 1860 г., поставилъ приобрѣтеніе евреями недвижимою собственности въ Галиціи, Буковинѣ и Краковѣ въ зависимость отъ диплома высшихъ учебныхъ заведеній или отъ офицерскаго званія, (геніальное хитросплетеніе Голуховскаго), то тѣмъ не менѣе, всѣ эти нарушенія гражданскихъ и политическихъ правъ, точно также какъ и воспрещеніе евреямъ быть опекунами, были и остаются ничтожными и неимѣющими никакой силы, что безъ всякихъ объясненій можетъ быть примѣнено и къ Венгріи. Патентъ 26 февраля 1861 г. былъ лучемъ свѣта въ темномъ царствѣ, хотя и онъ также систематически или практически не разсвѣлялъ прежней тьмы. Едва ли стоитъ упоминуть здѣсь о конкордатѣ 11 августа 1855 г., объ этомъ договорѣ, нарушившемъ, по отношенію къ протестантамъ и евреямъ, самымъ вопіющимъ образомъ 16 статью союзнаго акта и многіе основные австрійскіе законы. Конкордатъ уже потому съ самаго начала былъ недѣйствителенъ, что—по крайней мѣрѣ, со стороны императорскаго правительства, которое сверхъ того еще предсѣдательствовало на союзномъ сеймѣ—преобладало очевидное юридическое заблужденіе (*error juris edejure*), такъ что въ особой отиѣнѣ договора въ этомъ отношеніи вовсе не имѣется надобности. Наконецъ, правительству пришлось одуматься.

Послѣ тяжкихъ пораженій, постигшихъ имперію, послѣ того какъ среди многихъ тысячъ жертвъ и 500 евреевъ пролили свою кровь на полѣ битвы, правительство сознало необходимость возстановить не только прагматическую санкцію Венгріи, но также и нарушенныя права всѣхъ остальныхъ гражданъ. Это было гарантировано, сверхъ новой конституціи отъ 24 декабря 1867 г., еще особенными законами о вѣроисповѣданіяхъ отъ 25 мая 1868 г. (всеобщія права государственныхъ гражданъ, статьи 1, 2, 3 и 14, полное равенство и свобода всѣхъ вѣроисповѣданій въ гражданскихъ и религіозныхъ правахъ, ст. 15). Теперь право уже перешло въ практику. Въ австрійскихъ коронныхъ земляхъ уже находится не мало гражданскихъ чиновниковъ и высшихъ офицеровъ (въ томъ числѣ и нѣсколько полковниковъ) изъ евреевъ. Это уравненіе привело къ важнымъ результатамъ и въ другомъ отношеніи, составляющемъ призадуматься христіанское миссіонерство, обращенное на евреевъ. Очень много крещенныхъ евреевъ обратилось снова въ іудейство, въ томъ числѣ люди съ высокимъ образованіемъ.

Гораздо менѣе равномѣрно шла эманципація евреевъ съ всеобщимъ политическимъ движеніемъ въ Венгріи. Послѣ долгаго застоя, Александръ Феніесъ сдѣлалъ наконецъ первый шагъ къ улучшенію въ своемъ сочиненіи „Описаніе Венгріи“, появившемся въ 1847 году, въ которомъ онъ, въ противоположность прежнимъ своимъ воззрѣніямъ, призываетъ націю уважать и при-

знать равноправіе евреевъ въ госуларственной сферѣ. Но въ особенности Кошутъ, перомъ и словомъ, выступилъ въ защиту евреевъ, сначала, правда, довольно нерѣшительно, безъ сомнѣнія, въ виду непросвѣщеннаго еще общественнаго мнѣнія, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, онъ еще въ декабрѣ 1847 г., на пресбургскомъ сеймѣ, основываясь преимущественно на запоздаломъ принципѣ цѣлесообразности, признавалъ полныя гражданскія права лишь за евреями образованными или отличившимися своимъ патриотизмомъ. Въ томъ же самомъ смыслѣ говорили Сценткиралій и Ацталось изъ Мармароша, причемъ значительное большинство высказалось такъ враждебно къ евреямъ — одинъ изъ депутатовъ не постыдился даже иронически вынуть кошелекъ, какъ символъ еврейской силы — что имъ было отказано даже въ активномъ избирательномъ правѣ при выборахъ депутатовъ законодательнаго собранія и членовъ общиннаго управленія. Но чтобы хотя что нибудь сдѣлать для нихъ, воздали, по тогдашнему обычаю, честь еврейской религіи: по рѣшенію обѣихъ палатъ, 29 мая 1848 г., всѣ церковно-служители безъ различія вѣроисповѣданій, должны были получать содержаніе отъ государства. Однако, евреи не оплатили тою же монетою. Борцы за свободу во что бы то ни стало, они приняли участіе въ начавшейся тогда, впоследствии столь кровопролитной великой драмѣ и стали поступать въ ряды національной гвардіи и войска. Но все было тщетно! Масса наро-

да, въ томъ числѣ и значительная часть образованныхъ людей, не понимали свободы, какъ понималъ ее французскій народъ въ 1798 и германскій въ 1848 г. Гоненіе, чтобы не сказать травля евреевъ, усилилось въ странѣ до такой степени, сначала въ Пресбургѣ, а впослѣдствіи даже и въ Пештѣ, что евреямъ пришлось подумать о своей жизни и собственности, исправно разграбляемой, а не о гражданскихъ и политическихъ правахъ. Однако, большинство депутатовъ наконецъ спохватилось, тѣмъ болѣе, что иностранная печать, а впослѣдствіи и отечественная, по достоинству оцѣнили эти позорныя дѣла. Но было ужъ поздно! Въ венгерской землѣ воцарилась ночь — и когда, по предложенію Тота, на дебрецинскомъ сеймѣ эманципація была признана въ принципѣ, хотя еще и не была утверждена формальнымъ закономъ, богиня свободы уже погасила свой факель. Наступила австрійская оккупация; тюрьма и контрибуціи — вотъ что было наградою евреевъ за ихъ участіе въ борьбѣ за неблагодарное отечество.

Настали тяжелыя времена; но когда, спустя десять лѣтъ, февральскій патентъ императора Франца-Иосифа снова принесъ лучъ свѣта, снова озарилъ страну, тогда-то плоды прежней небрежности обнаружались вполне. Такъ какъ конституція относительно эманципаціи не была измѣнена, то и полагали, что евреевъ нельзя допустить къ участію въ выборахъ въ сеймъ, созванный въ мартъ 1861 г. Евреи подняли шумъ, и за нихъ всту-

нилась не только часть венгерской и австрийской журналистики, но и въ особенности парижская печать, указывавшая на странное зрѣлище, представляемое народомъ, стремящимся завоевать себѣ свободу только по клочкамъ. Клапка и Пульскій старались изгладить это дурное впечатлѣніе, первый—въ письмѣ, напечатанномъ въ парижскихъ газетахъ, въ которомъ онъ ручался за своихъ согражданъ, что они на слѣдующемъ сеймѣ примутъ эту давно ожидаемую мѣру; второй — въ открытомъ посланіи изъ Турина къ своимъ избирателямъ, въ которомъ онъ приглашаетъ ихъ выполнить наконецъ великій долгъ, лежащій на отечествѣ по отношенію къ его еврейскимъ сынамъ.

И дѣйствительно, началась жаркая борьба. Въ засѣданіи сейма 31 мая 1861 г., когда во время преній объ адресѣ, дѣло коснулось вопроса о вѣроисповѣданіяхъ, пальму первенства въ этомъ отношеніи заслужилъ графъ Бела Сцехени. Онъ первый потребовалъ равноправія евреевъ, указалъ на ихъ первостепенныя способности и таланты, въ особенности же финансовыя, и лишеніе ихъ государственно-гражданскихъ правъ прямо называлъ политическимъ убійствомъ. Его поддерживали вожди всѣхъ партій и вліятельнѣйшіе изъ ихъ членовъ, а именно: Деакъ, Тисца, Сцалей, Трефортъ, Йокаи и Подманицкій. Что ихъ слабымъ противникамъ, бредившимъ главнымъ образомъ недостаточнымъ образованіемъ венгерскихъ евреевъ, пришлось умолкнуть—это весьма естественно въ виду того факта, что уже въ 1858 г.,

на 270 евреевъ приходилось по одному, получившему воспитаніе въ гимназіи, тогда какъ у христіанъ одинъ гимназистъ приходился на 500 человекъ. Самое народное хозяйство уже успѣло выиграть отъ небольшой уступки, сдѣланной евреямъ, разрѣшеніемъ пріобрѣтать поземельную собственность въ деревняхъ: цѣна на землю возвысилась на 20%. Тѣмъ не менѣе отъ исключительныхъ законовъ все еще не отказывались. Даже Деакъ не рѣшался защищать полную эманципацію, но, къ счастью для праваго дѣла, наступила новая катастрофа: правительство закрыло сеймъ. Наконецъ, въ 1867 г., пришлось серьезно взяться за дѣло, послѣ того, какъ для евреевъ сдѣлано было такъ мало, или вѣрнѣе ничего, а они уже чрезъ чуръ быстро омадьязирировались. Но едва снова подняли этотъ вопросъ, какъ независимость комитатовъ въ отношеніи всеобщаго законодательства, чуть не произвела раскола въ новой системѣ, вслѣдствіе страннаго понятія о самоуправленіи отдѣльныхъ частей страны—понятія, несуществовавшего никогда даже въ Англии.

На этотъ разъ на помощь Венгріи явилось возвышеніе австрійской монархіи. Мюльфельдскіе законы о вѣроисповѣданіяхъ уже давно разрабатывались, и вѣнская журналистика ждала конституціи, въ видѣ подарка къ Рождеству. Такого прогресса по сю сторону Лейты въ Пештѣ не могли перенести, и то, чего не могъ сдѣлать либерализмъ, было сдѣлано—честолюбіемъ. Клубы роптали и требовали движенія впередъ. Лѣвая сторона въ своихъ органахъ требовала такихъ же постановленій

о вѣроисповѣданіяхъ. Наконецъ, новое венгерское правительство представило законъ объ уравненіи евреевъ съ христіанами во всѣхъ гражданскихъ и политическихъ правахъ и объ отмѣнѣ всѣхъ противныхъ этому постановленій. Палата депутатовъ утвердила этотъ законъ единогласно 20 декабря 1867 г., а въ палатѣ магнатовъ, гдѣ его защищали графъ Цираки, Гавріиль Проней и Сцехени, противъ него подано было всего 4 голоса. Отъ администраціи и самихъ евреевъ зависить введеніе этого закона въ практику, которая сначала дѣйствительно представляла нѣкоторыя затрудненія. Такъ нѣкоторые изъ пештскихъ цеховъ отказались принимать евреевъ въ свои члены, а унгарскій комитатъ постановилъ даже изгнать переселившихся русскихъ евреевъ; министръ внутреннихъ дѣлъ, Венгеимъ, тотчасъ же отмѣнилъ это рѣшеніе.

Если такимъ образомъ въ Австріи и Венгріи, гдѣ нужда заставила людей взяться наконецъ за умъ, вслѣдствіе страннаго стеченія обстоятельствъ, евреямъ помогло добиться своего права политическое отдѣленіе австрійской имперіи отъ Германіи, то въ земляхъ, входящихъ въ составъ нынѣшняго германскаго союза, тоже самое совершилось естественнымъ путемъ—образованіемъ этого союза. Съ 1850 по 1851 г. въ этихъ странахъ реакція была такъ дѣятельна, что она, въ этомъ отношеніи, то удерживала движеніе впередъ, то поощряла движеніе назадъ; особенно это замѣтно было въ Пруссіи.

Какой-то ничѣмъ неоправдываемый страхъ удержи-

валъ здѣсь правительство отъ допущенія евреевъ къ государственнымъ должностямъ, совершенно въ духѣ закона 1847 года. Противъ допущенія евреевъ къ судебнымъ должностямъ приводили совершенно несостоятельное возраженіе, что формула христіанской присяги заключаетъ въ себѣ клятву „во имя Іисуса Христа“, въ котораго евреи не вѣруютъ. Было бы вообще благодѣяніемъ, если бы, въ интересѣ единства права, въ гражданское и уголовное законодательство введена была одинаковая, годная для всѣхъ гражданъ государства, присяга, и это тѣмъ легче сдѣлать, что вѣдь и присяга въ вѣрности конституціи, самая важная въ государствѣ, подкрѣпляется лишь формулой „клянусь Богомъ“. Но даже существующее различіе въ формулѣ присяги, не можетъ мѣшать судѣ, къ какой бы религіи онъ ни принадлежалъ, принять присягу. Вѣдь протестантъ, въ качествѣ судьи, принимаетъ же у католиковъ присягу: „клянусь всѣми святыми“, въ которыхъ онъ самъ не вѣруетъ! Но до сихъ поръ всѣ старанія измѣнить этотъ порядокъ вещей, точно также какъ и стремленіе открыть евреямъ доступъ къ занятію учительскихъ мѣстъ въ общихъ школахъ, оставались тщетными, не смотря на то, что мѣста эти были доступны евреямъ по эдикту 1812 г. и кромѣ того, не говоря уже о конституціи 1850 года, въ Пруссіи это право было гарантировано евреямъ германскимъ союзнымъ актомъ.

Не менѣе грустною и нарушающею эдиктъ 1812 года и конституцію была прусская правительственная

практика, по которой евреи допускались только къ должности экстраординарныхъ профессоровъ, а не обыкновенныхъ. Можно подумать, что имѣешь тутъ дѣло съ загадкой. Особенно возмутительна неумолимая послѣдовательность, съ которою прусское правительство, но крайней мѣрѣ до 1866 года, закрывало евреямъ путь къ достиженію офицерскаго чина. Неслыханно, но тѣмъ не менѣе правда, что въ день битвы при Садовѣ ни одинъ еврей не имѣлъ права защищать свое отечество въ качествѣ старшаго лейтенанта, хотя военныхъ медиковъ-евреевъ во множествѣ можно было видѣть на полѣ битвы. Прусская палата депутатовъ хотя уже съ 1860 г. неоднократно постановляла отмѣнить исключительные законы, но всякій разъ встрѣчала непоколебимое сопротивленіе со стороны палаты господъ.

Значеніе этого ретрограднаго направленія не могло не обнаружиться съ наступленіемъ новаго порядка вещей въ Германіи, и поэтому нельзя было не ожидать скораго улучшенія. Къ этому прежде всего побуждалъ состоящій составъ увеличенной Пруссіи, такъ какъ нѣкоторыя вновь присоединенныя области, какъ Франкфуртъ — который еще въ 1864 году искупилъ старый грѣхъ и призналъ принципъ равенства всѣхъ исповѣданій — Нассау и въ особенности Кургессенъ давно уже опередили прусскую правительственную систему.

И дѣйствительно, здѣсь мы встрѣчаемся съ самымъ страннымъ явленіемъ: въ государствѣ, гдѣ житель какаго нибудь ничтожнаго городишка имѣетъ возможность

сдѣлаться государственнымъ министромъ, человѣку, родившемуся въ столицѣ, нельзя сдѣлаться ординарнымъ профессоромъ! Тѣмъ не менѣе инициатива реформы вышла не изъ правительства.

Еще въ февралѣ 1866 года прусскій верховный трибуналъ, согласно 4 и 12 статьи конституціонной хартіи, отмѣнилъ всѣ прежнія, противорѣчащія ей постановленія вообще и законъ 1847 г. въ особенности, ровно какъ и всѣ послѣдующія оскорбительныя министерскія распоряженія. Первымъ слѣдствіемъ этого — и то только послѣ битвы при Садовѣ — было утвержденіе въ январѣ 1867 г. прослужившихъ годъ волонтеровъ въ чинѣ офицеровъ ландвера. Упорное сопротивленіе министра народнаго просвѣщенія, не допускавшаго академическаго повышенія евреевъ въ университетахъ внѣ Берлина, впервые разрушено предложеніемъ Кенигсбергскаго университета, который, въ силу постановленія сейма, лишился своего церковнаго характера и призвалъ евреевъ къ занятію профессорскихъ кафедръ.

Палата депутатовъ этимъ однако не удовлетворилась. Въ засѣданіи 12 января 1867 г., послѣ прочтенія прекраснаго отчета депутата Лента и дѣльной и энергической поддержки депутатовъ Коша, Техова и Михаелиса, палата, большинствомъ 171 голоса противъ 81, объявила себя за предложеніе комиссіи передать правительству составленное заслуженнымъ д-ромъ Филиппсономъ (издателемъ „Всеобщей Газеты Іудейства“) и подписанное 303 еврейскими общинами прошеніе объ

отмѣнѣ всѣхъ нарушающихъ конституцію постановленій. Правительство также не было противъ улучшеній. Министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Эйленбургъ, объявилъ, что всѣ должности его вѣдомства открыты для евреевъ. Министръ народнаго просвѣщенія, фонъ-Мюллеръ, согласился на занятіе евреями учительскихъ мѣстъ во всѣхъ школахъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которыя, на основаніи уставовъ или другихъ обстоятельствъ, имѣютъ спеціально-христіанскій характеръ, что въ его практикѣ означало: все остается по прежнему!

Наконецъ и министръ юстиціи предоставилъ евреямъ прокурорскія должности, роковыя же судейскія мѣста должны были оставаться неприкосновенной святыней. Это правило, высказанное графомъ Липпе, и до сихъ поръ остается еще въ своей силѣ, такъ какъ и послѣ удаленія этого министра преемникъ его, Леонгардтъ, не измѣнилъ этой политики.

Такимъ образомъ права евреевъ, или, вѣрнѣе, прусская конституція, остались бы мертвой буквой, если не явится на помощь сѣверо-германскій союзъ. Но это онъ обязанъ сдѣлать и сдѣлаетъ. Онъ долженъ сдѣлать это потому, что иначе въ германскомъ единствѣ образуется замѣтный пробѣлъ, не говоря уже о томъ, что это было бы ничтожное приобрѣтеніе въ сравненіи съ результатомъ 1848 г. Онъ сдѣлаетъ это не изъ одного только чувства собственнаго достоинства, въ виду того, что Австрія уже опередила его въ этомъ отношеніи, но и въ силу событій, происходящихъ внутри самаго сѣверо-

германскаго рейхстага. Правда, новая конституція, для непонятнаго удобства, не упоминаетъ о принципѣ релігіознаго и гражданскаго равенства. Но развѣ свобода передвиженія всѣхъ сѣверогерманцевъ не возведена въ законъ? И неужели этотъ законъ не распространится вскорѣ и на южную Германію? Но мыслима ли свобода передвиженія безъ равенства гражданскихъ и политическихъ правъ? Она можетъ существовать только на бумагѣ, но никакъ не въ практикѣ, въ особенности тамъ, гдѣ, какъ въ данномъ случаѣ, дѣло идетъ о полумилліонѣ подданныхъ, которые въ значительной мѣрѣ обладаютъ капиталомъ, торговлею, промышленностью и интеллегенціей. Развѣ можно назвать свободой передвиженія такое положеніе, при которомъ судья или учитель изъ Бадена, Вюртемберга или даже изъ прусской провинціи Кургессена, можетъ переселиться въ Берлинъ, не иначе, какъ отказавшись отъ своего призванія?

Рейхстагъ уже сдѣлалъ нѣсколько попытокъ въ этомъ смыслѣ. По предложенію депутата Виггера изъ Мекленбурга, гдѣ приобрѣтеніе дворянскихъ имѣній сопряжено для евреевъ съ очень тягостнымъ условіемъ—имѣть вмѣсто себя повѣреннаго изъ христіанъ, для исполненія всѣхъ сопряженныхъ съ владѣніемъ помѣстія реальныхъ правъ и обязанностей при земствѣ, полиціи и судопроизводствѣ, рейхстагъ уже 23 октября 1867 г., вслѣдствіе петицій мекленбургскихъ еврейскихъ общинъ, постановилъ „передать петицію союзному канцлеру съ предло-

женіемъ представить въ слѣдующую сессію проектъ закона, въ силу котораго всѣ ограниченія гражданскихъ и политическихъ правъ, вытекающія изъ различія вѣроисповѣданій должны быть отмѣнены“.

Между тѣмъ 1 января 1868 г. вступилъ въ силу новый законъ о свободѣ передвиженія, въ силу котораго всѣмъ гражданамъ сѣверогерманскаго союза дано право пріобрѣтать поземельную собственность во всемъ союзѣ, безъ всякихъ тягостныхъ ограниченій. Но, не смотря на это, союзный совѣтъ отвергъ жалобу, поданную жителями Роштока и Шверина прямо на имя союзнаго канцлера, на томъ основаніи, что „пользованіе общественными правами принадлежитъ къ автономіи cadaго отдѣльнаго государства“, какъ будто обязанность имѣть вмѣсто себя на жалованьи представителя не есть тягостное ограниченіе. Но неутомимый Морицъ Виггерсъ нисколько не смутился этимъ и въ апрѣлѣ 1868 г. онъ сдѣлалъ новое усиліе, имѣвшее болѣе счастливый исходъ. 16 іюня 1868 г. рейхстагъ постановилъ: предложить союзному канцлеру, чтобы для осуществленія рѣшенія рейхстага отъ 23 октября прошлаго года, въ возможно скоромъ времени представленъ былъ проектъ закона, который, во первыхъ, уничтожилъ бы всякое ограниченіе гражданскихъ и политическихъ правъ, вытекающее изъ религіозныхъ различій, во вторыхъ, установилъ бы для евреевъ формулу присяги, соотвѣтствующую ихъ равноправности, въ третьихъ призналъ бы полнѣйшую равноправность евреевъ въ дѣлѣ участія въ общинномъ и

народномъ представительствѣ, въ занятіи общественныхъ, общинныхъ и государственныхъ должностей на всемъ пространствѣ сѣверо-германскаго союза. Но предложеніе — постановить законъ, уничтожающій запрещеніе и ограниченіе брачныхъ союзовъ между христіанами и евреями, равно какъ и ограниченіе супружескихъ правъ, основанное на принадлежности одного изъ брачующихся къ еврейскому вѣроисповѣданію, было отвергнуто.

Отказъ этотъ доказываетъ, какъ сильна еще исключительность въ одной части германскаго народа, или по крайней мѣрѣ въ его теперешнихъ представителяхъ, хотя она и прячется, то за автономію, то за провинціальныя обычаи, то за боязнь централизаціи. Отвергая это предложеніе, большинство не хорошо поняло, или не хотѣло понять, что значить свобода передвиженія, иначе оно сознало бы, что нѣмецкій супругъ, задумавши переѣхать изъ одного нѣмецкаго государства въ другое, долженъ, если жена исповѣдуетъ другую религію, разстаться съ нею на границѣ избраннаго имъ новаго мѣстожительства, если не желаетъ, чтобы здѣсь власти разлучили его съ женою. Развѣ мы не видѣли примѣра, что въ 1868 г., уже послѣ обнародованія закона о свободѣ передвиженія, саксонскій министръ духовныхъ дѣлъ приказалъ удалитъ христіанку-жену отъ ея мужа-еврея, съ которымъ она была формально обвѣнчана въ великомъ герцогствѣ Веймарѣ, и что это распоряженіе не было исполнено только потому, что министръ внутрен-

нихъ дѣлъ, запретилъ полиціи оказать въ этомъ дѣлѣ свое содѣйствіе.

По мнѣнію многихъ извѣстныхъ юристовъ, бракъ уже не подлежитъ болѣе церковному праву, а составляетъ часть права гражданскаго. Но къ какому бы праву онъ ни принадлежалъ, къ церковному ли, гражданскому или семейному — неужели Германія еще долго не пойметъ, что въ государствѣ должно существовать одно право для всего союза, одно единство, или никакого.

Между тѣмъ мотивы предложеній Виггера и прекраснѣйшій отчетъ д-ра Эндемана такъ ярко выставили дурныя стороны политическаго и гражданскаго неравенства, что предметъ этотъ, какъ они оба не безъ основанія надѣялись, окончательно долженъ былъ исчезнуть изъ числа очередныхъ вопросовъ германскихъ законодательныхъ собраній. Громадное большинство германскаго народа уже давно сознало, что игра въ автономію не въ состояніи вызвать къ жизни то единство, которое одно только способно дать ему лучшую жизнь и истинную свободу.

„Помогите только Германіи взобраться на сѣдло“, воскликнулъ одинъ остроумный депутатъ во время преній о сѣверогерманской конституціи, „а побѣхать она уже съумѣетъ и сама“. Да, но если въ сѣдлѣ будетъ столько трещинъ, горбовъ и кольевъ, сколько теперь, то сѣдоку ничего болѣе не останется, какъ сбросить это сѣдло, если онъ не захочетъ подвергнуться опасности самому выскочить изъ него.

Германія 1866 года не должна отставать отъ 16 статьи прежняго союзнаго акта. Если хотять, чтобы новое зданіе устояло, то не слѣдуетъ забывать, что для него ни въ какомъ случаѣ нельзя пользоваться хламомъ изъ стараго зданія. Но для современниковъ и потомства все таки останется непонятнымъ, что такой замѣчательный государственный человѣкъ, какъ графъ Бисмаркъ, который такъ искусно и такъ счастливо началъ и неуклонно доведеть до конца дѣло объединенія Германіи, могъ позволить вынуть у себя изъ рукъ инициативу закладки перваго камня и допускать, что старый мусоръ можетъ быть перенесенъ въ его новый храмъ. Правда, что каждый земной блескъ имѣетъ свои темныя пятна. Но, неужели и политическій гений не можетъ быть свободенъ отъ политическихъ ошибокъ? — Этимъ заключался бы счастливый періодъ, который съ 1848 г. наступилъ для германскаго народа, свободы совѣсти, отдѣленія церкви отъ государства, а слѣдовательно и принятія евреевъ въ число равноправныхъ гражданъ. Этотъ принципъ признанъ неоспоримымъ и его осуществленія требуетъ само право. Это составляетъ торжество нашего времени, результатъ соціальной революціи, которая неизгладимыми чертами занесена въ великую книгу исторіи. Дать больше или меньше не имѣетъ никакого значенія. Весь свѣтъ знаетъ, что долгъ основателенъ и потому долженъ быть уплоченъ. Въ цивилизованномъ государствѣ для всякаго благоразумнаго члена парламента будетъ ниже его достоинства наскучать,

какъ это бывало прежде, своимъ слушателямъ разсужденіями о главномъ вопросѣ. Мало того, близко то время, когда существованіе государственной церкви будетъ считаться критеріемъ низкой степени цивилизаціи.

Послѣ Германіи *)), великое движеніе, какъ вообще, такъ и въ этой сферѣ, нашло себѣ выраженіе въ Даніи; изданный 6 іюня 1849 г. демократическій законъ объявлялъ право пользоваться политическими и гражданскими правами одинаковымъ для всѣхъ гражданъ, безъ различія религиозныхъ убѣжденій, и сдѣлалъ исключеніе только для чисто евангелическихъ, духовныхъ должностей. Къ чести Даніи нужно сказать, что при обсужденіи этого вопроса не было никакихъ противоположныхъ партій.

Итальянское королевство тоже возвело въ основной законъ конституціи равенство всѣхъ исповѣданій въ пользованіи всѣми политическими и гражданскими правами. Этотъ законъ тотчасъ же осуществлялся во всякой вновь прибрѣтенной области. Герой Марсала провозгласилъ его въ Неаполѣ, тотчасъ послѣ завоеванія его въ 1860 г., герцогъ Кариньянъ провозгласилъ его въ Венеціи 4 августа 1866 г. Въ юномъ, разцвѣтающемъ государствѣ этотъ законъ быстро перешелъ въ дѣло. Уже въ 1860 г. министромъ финансовъ въ Тосканѣ назначенъ былъ депутатъ Самсонъ д'Анкона,

*) Какъ извѣстно, въ сѣверо-германскомъ союзѣ теперь окончательно уничтожено всякое различіе въ исповѣданіи. Из д.

а въ 1867 г. Артомъ былъ отправленъ итальянскимъ посланникомъ въ Данію; что же касается до членовъ палаты и муниципальных совѣтниковъ еврейскаго вѣроисповѣданія, то они въ послѣдніе восемь лѣтъ вовсе не рѣдкость въ Италіи. Правительство и народъ и въ этомъ отношеніи идутъ рука объ руку. Здѣсь также не было и не бываетъ никакихъ преній по этому поводу: *façà dea se*—говорится объ эманципаціи, какъ и объ единствѣ Италіи.

Не то мы видимъ въ свободной Швейцаріи; здѣсь гражданская и религіозная свобода евреевъ должна была бороться противъ вѣковыхъ предразсудковъ отдѣльныхъ кантоновъ, и ей недавно только удалось отчасти одержать побѣду, и то вслѣдствіе внѣшняго давленія.

Хотя союзное постановленіе 24 сентября 1856 г. и дало союзной конституціи самое широкое значеніе относительно равноправности, однако отдѣльные кантоны удержали свои прежнія ограниченія, вслѣдствіе чего Нидерланды въ 1867 г., какъ извѣстно, вынуждены были отказаться отъ заключенія торговаго договора съ Швейцаріей. Этотъ случай служитъ примѣромъ самой строгой и логической послѣдовательности со стороны правоваго государства.

Недавно заключенный торговый договоръ съ Франціею—впрочемъ только относительно промышленности и торговли—положилъ конецъ такому порядку вещей; въ счастіе самой Швейцаріи, такъ какъ безъ этого договора, по всей вѣроятности, не былъ бы возможенъ про-

смотреть 41 и 48 статей конституціи. По предложенію Нидерландовъ, союзное правительство переспросило кантоны, при чемъ оказалось, что кантоны Ури, Унтервальденъ, Гларусъ, Цугъ, Фрейбургъ. Базель, Аппенцель, Граубюнденъ, Тургау и Тессинъ вовсе еще не узаконили у себя свободы еврейскаго культа. Въ это же время всплылъ и курьезный „вопросъ объ убоѣ скота“, т. е. о еврейскомъ способѣ убоя скота, (какъ известно менѣе другихъ мучительномъ) который нашелъ себѣ противниковъ во многихъ христіанскихъ общинахъ, преимущественно въ Аппенцелѣ и Гларусѣ, и только послѣ долгихъ преній было даровано евреямъ право рѣзать скотъ.

Наконецъ, Швеція принадлежитъ къ числу тѣхъ государствъ, которыя съ 1848 года начали преобразовывать свою конституцію и въ которыхъ общественное мнѣніе стремится къ уничтоженію всякаго различія въ роисповѣданій. Относительно евреевъ это, однако, пока не совсѣмъ еще удалось. Это потому, что епископы въ первой палатѣ прямо отвергли предложенія о допущеніи евреевъ къ общественнымъ и государственнымъ должностямъ, „чтобъ производить хоть нѣкоторое давленіе на исповѣдующихъ эту религію“. Наконецъ, въ виду всеобщаго настоятельнаго требованія печати, рѣшились прибѣгнуть къ нѣкотораго рода соглашенію, состоящему въ томъ, что къ 28 § конституціи прибавлена была статья, по которой къ занятію всѣхъ не духовныхъ и не богословскихъ должностей и каедръ допускаются и при-

верженцы другихъ религій, т. е. не евангелической, какъ на примѣръ еврейской; только лица эти въ качествѣ членовъ суда и засѣдателей другихъ мѣстъ не могутъ участвовать въ рѣшеніи такихъ дѣлъ, въ которыхъ рѣчь идетъ о религіозныхъ вопросахъ, о религіозномъ обученіи и другихъ, относящихся къ шведской церкви, предметахъ.

Соединенная съ Швеціей Норвегія, напротивъ того, осталась въ своемъ церковномъ застоѣ, не тронутая движеніями новѣйшаго времени. Она и теперь еще, какъ и прежде, стремится ненарушимо сохранить свой архіевангелическій характеръ, запрещая поселиться въ своей странѣ евреямъ. Она даже и теперь еще, повидимому, держится замѣчательнаго закона, запрещающаго еврею приставать къ берегамъ Норвегіи; она, до сихъ поръ, формально не отмѣнила еще этого закона, не смотря на то, что она этимъ въ театрахъ отдаетъ себя на посмѣяніе всему образованному міру. Эта высшая степень нетерпимости ставитъ страну „норвежскихъ мужей“ еще ниже той, въ которой воцарился архіеатолицизмъ.

Испанія, которая нѣкогда, вслѣдствіе своего могущества и благосостоянія, стояла во главѣ Европы, быстро стала упадать съ тѣхъ поръ, какъ она отчасти сожгла, отчасти изгнала евреевъ и мавровъ. Вѣрная прежнимъ преданіямъ, она и до сихъ поръ не терпитъ у себя никакого еврейскаго культа. Она хотя съ нѣкотораго времени и разрѣшаетъ пребываніе въ Испаніи евреямъ — банкирамъ, умѣющимъ устроить займы для ис-

панскаго правительства, но похоронить ихъ въ Испаніи — этого она ни въ какомъ случаѣ допустить не можетъ. Безъ сомнѣнія, нынѣшняя испанская революція, которая побѣдоносно воцарится въ Испаніи, въ будущей конституціи научитъ испанцевъ, что единственнымъ спасительнымъ государственнымъ принципомъ для Испаніи — это свобода всѣхъ вѣроисповѣданій и независимость званія отъ религіи. Только этотъ принципъ возвратитъ прекрасной странѣ ея прежнюю силу; онъ одинъ дастъ ей возможность сломать нищенскій посохъ, который былъ ей навязанъ фанатическимъ деспотизмомъ *).

Въ Португаліи, хотя и не знаютъ еще этого принципа, однако положеніе евреевъ, со времени правленія донны Маріи или вѣрнѣе просвѣщенныхъ Кобурговъ, значительно улучшилось. Въ Лисабонѣ въ настоящее время находится уже цвѣтущая еврейская община.

Напротивъ того, положеніе евреевъ въ Россіи и Царствѣ Польскомъ можно назвать только незавиднымъ. Надежда, высказанная газетой „Nord“, отъ

*) Какъ извѣстно, предсказанія автора осуществились. Новая конституція Испаніи отказалась отъ всякой религіозной нетерпимости. Всѣмъ культамъ предоставлено свободное отправленіе богослуженія, и въ Мадридѣ уже устраиваются, или даже уже устроилась еврейская синагога. Нельзя при этомъ случаѣ не вспомнить рѣчей, высказанныхъ по этому поводу въ Кортесахъ, въ особенности же рѣчи республиканца Кастаньяра, которая пѣликомъ была переведена на всѣ иностранныя языки и продается во всей Европѣ отдѣльными брошюрами. Вотъ, что значитъ народная воля и народная инициатива!

3 января 1859 г., что уничтоженіе крѣпостнаго права въ Россіи положить конецъ и „еврейскому рабству“, не только не оправдалась, но эти слова тогда же были вычеркнуты цензурой:—предзнаменованіе будущаго. Утилитарная система въ самомъ узкомъ смыслѣ—чтобы не сказать болѣе—здѣсь пока еще въ полномъ ходу. Евреи—это весьма доходная статья государственной казны; однако русское правительство, не смотря на своихъ 1,200,000*) еврейскихъ подданныхъ, до сихъ поръ еще не усматриваетъ тѣхъ выгодъ, которыя принесло бы народному хозяйству, въ истинномъ смыслѣ слова, уравненіе евреевъ въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ. Да и въ настоящее время, Богъ знаетъ, что стало бы съ русской торговлей безъ евреевъ; но, вмѣсто равноправности, и здѣсь стараются „воспитывать“ ихъ и дѣлаютъ образованіе мѣриломъ для достиженія гражданскихъ правъ въ странѣ, гдѣ христіанская масса ни въ какомъ случаѣ не стоитъ такъ высоко, какъ еврейская. О бывшихъ крѣпостныхъ и говорить нечего; но даже иное чиновное лицо стоитъ на гораздо нисшей ступени развитія, чѣмъ простой еврейскій купецъ.

Въ особенности же въ Польшѣ, гдѣ (по свидѣтельству Суровіецкаго „Объ упадкѣ городовъ и промышленность въ Польшѣ“) послѣ ударовъ, которымъ подвергалась эта страна во время различныхъ войнъ, одни

*) Авторъ ошибается: евреевъ въ Россіи и Царствѣ Польскомъ гораздо больше—около двухъ милліоновъ. Изд.

только евреи поддержали нѣсколько ремесла, торговлю и земледѣліе, они живутъ еще подъ гнетомъ цѣлаго кодекса средневѣковыхъ постановленій и подъ тяжелымъ бременемъ особыхъ налоговъ, общая сумма которыхъ еще въ 1863 г. простиралась болѣе чѣмъ на 600,000, т. е. слишкомъ рублемъ болѣе на cadaго челоуѣка.

О самоуправленіи еврейскихъ общинъ не можетъ быть и рѣчи. Надзоръ за ними порученъ, напротивъ того, христіанскимъ административнымъ властямъ.

Извѣстно постановленіе прежняго царствованія, запрещающее евреямъ носить польско-еврейскій костюмъ — суровая мѣра, которая ждетъ еще своей отпѣны. Всякая публичная должность до того недоступна евреямъ, что назначеніе ихъ врачами при госпиталяхъ можетъ совершиться лишь путемъ милости. Даже представительство въ цехахъ недоступно евреямъ, равно какъ и участіе при раздачѣ дипломовъ своимъ собственнымъ многочисленнымъ подмастерьямъ; они даже не имѣютъ права быть свидѣтелями при нотаріальныхъ актахъ, „на основаніи выраженнаго противъ нихъ въ законѣ недоуѣрія!“

Въ 121 изъ 453 городовъ бывшаго польскаго королевства пріобрѣтеніе недвижимой собственности связано съ извѣстными условіями; рядомъ съ этимъ, существуетъ множество предписаній, которыя все основаны на давно уже осужденномъ методѣ „образовать“ евреевъ.

Нѣкоторыя смягченія, относительно особенныхъ съ евреевъ сборовъ, послѣдовали шесть лѣтъ тому назадъ;

но, объ основныхъ законахъ для большаго или меньшаго уравненія, пока еще нѣтъ и рѣчи.

Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что именно еврейское населеніе съ своими раввинами во главѣ энергически поддерживало послѣднее польское возстаніе *).

Нѣсколько лучше дѣло обстоитъ въ собственной Россіи, какъ относительно автономіи общиннаго управленія евреевъ, такъ и относительно гражданскихъ правъ.

Въ 1861 году, Высочайшимъ повѣленіемъ дозволено евреямъ, получившимъ ученую университетскую степень вступить въ государственную службу. Указомъ отъ 1¹/₁₃ февраля 1866 года правило это распространено и на Царство Польское. Но на практикѣ, даже окончившихъ курсъ и способныхъ евреевъ обыкновенно не принимаютъ въ государственную службу, а требуютъ отъ нихъ, чтобы они приняли христіанство **).

Въ 1865 году разрѣшено жительство во внутрен-

*) Оставляемъ это замѣчаніе на отвѣтственности автора. Изд.

***) Это замѣчаніе автора справедливо только отчасти, именно, относительно нѣкоторыхъ вѣдомствъ и относительно повышенія, въ другихъ же они на высшія должности принимаются безъ особенныхъ затрудненій. Только повышение ихъ идетъ довольно туго и до сихъ поръ одинъ только еврей достигъ званія товарища прокурора, всѣ другіе же служатъ въ секретарскихъ должностяхъ. Къ занятію кафедръ они, по юридическимъ и филологическимъ наукамъ, вовсе не допускаются, хотя многіе евреи были на казенный счетъ посланы за границу для приготовленія себя къ профессорской дѣятельности.

нихъ губерніяхъ купцамъ первой и второй гильдій *) и ремесленникамъ еврейскаго вѣроисповѣданія. Въ декабрь 1867 г. циркуляромъ генераль-губернатора запрещено евреямъ пріобрѣтеніе въ Литвѣ всякаго рода поземельной собственности, хотя объ этомъ не послѣдовало никакого Императорскаго декрета **). Въ южной Россіи, въ особенности въ Крыму, евреи въ широкихъ размѣрахъ занимаютъ земледѣліемъ и они поощряются къ тому разными льготами при пріобрѣтеніи поземельной собственности и освобожденіемъ отъ рекрутской повинности. Вообще же съ евреевъ рекрутская повинность взыскивается весьма строго, причѣмъ имъ не предоставляется никакого вида на повышеніе, такъ какъ чина выше унтеръ-офицерскаго они достигнуть не могутъ. Этимъ объясняются многочисленные побѣги ***). Вообще положеніе весьма шаткое. Одинъ превосходный указъ и затѣмъ три противорѣчащихъ распоряженія губернаторовъ. Нѣтъ порядка въ правѣ, и на каждомъ шагу множество недоразумѣній!

Порта, гатти-шерифомъ отъ 3 ноября 1839 г. и гатти-гуаимомъ отъ 18 февраля 1856 г., установила отчасти болѣе свободное и согласное съ правомъ поло-

*) Авторъ ошибается: купцы-евреи второй гильдіи до сихъ поръ не имѣютъ еще права жить внутри Россіи. Изъ.

***) Мы, признаться, въ первый разъ слышимъ объ особенномъ еврейскомъ дезертирствѣ. Изъ.

****) Авторъ, видно, не совсѣмъ хорошо знакомъ съ законоположеніями евреевъ въ Россіи. Изъ.

женіе не-магометанъ вообще и евреевъ въ особенности, отчасти она расширила ихъ права тѣмъ, что нынѣшній султанъ Абдуль-Азизъ 4 мая 1868 г. учредилъ государственный совѣтъ, въ которомъ засѣдаютъ и три еврея на одинаковыхъ правахъ съ другими членами. Это представительство евреевъ, не только по числу вполне соотвѣтствуетъ представительству турецкой имперіи (45 турокъ, 9 армянъ и 7 грековъ), но оно обезпечиваетъ въ будущемъ гражданскіе интересы евреевъ и полное ихъ уравненіе въ правахъ, на сколько это вообще возможно при учрежденіяхъ и шаткомъ положеніи этого государства.

Весьма различно положеніе евреевъ въ Дунайскихъ Княжествахъ. Въ Сербіи вполне свободная конституція князя Милоша 1835 г. предоставляла всѣмъ вѣроисповѣданіямъ одинаковыя права, которыя подъ вліяніемъ Турціи были утверждены органическимъ статутомъ 1838 г. Но, впоследствии, дѣйствовавшее подъ вліяніемъ Россіи, правительство Александра Карагеоргиевича ограничило свободу промысловъ, что законнымъ образомъ подтверждено было и княземъ Михаиломъ въ 1861 г. Слѣдствіемъ этого было то странное и во всякомъ случаѣ мало споспѣшествующее культурѣ страны положеніе, что евреи, съ одной стороны, обладаютъ правомъ быть избирателями и избираемыми въ скупшину и общественныя должности, а съ другой — не имѣютъ права ни производить мелочную торговлю, ни пріобрѣтать поземельную собственность. Въ Румыніи, напро-

тивъ, послѣ послѣднихъ событій: разрушенія еврейскихъ храмовъ, разграбленія еврейскихъ домовъ, утопленія самихъ евреевъ — не можетъ быть и рѣчи о какихъ бы то ни было правахъ. Свободная конституція 1848 г. ждетъ еще народа, который былъ бы достоинъ ея. Въ настоящее же время существуетъ пока только мелкое дворянство и чернь, которыя отчасти (чѣмъ, впрочемъ, не пренебрегъ и министръ, именно Братіано, въ 1867 году) соединяются вмѣстѣ для того, чтобъ дать чувствовать евреямъ, что они образуютъ собою третье сословіе и что мелкое дворянство очень бѣдно, а чернь груба и невѣжественна. Въ ближайшемъ будущемъ снова ожидаютъ уравниенія въ правахъ евреевъ, или чего нибудь подобнаго. Пока же Румынія, вслѣдствіе преслѣдованій своихъ еврейскихъ гражданъ, стоитъ еще внѣ культурныхъ европейскихъ государствъ. Наконецъ, пріятно дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи взглядъ, брошенный на Сѣверо-Американскій союзъ (всѣ другія внѣ-европейскія государства не входятъ въ составъ настоящаго обозрѣнія) — эта родина истой демократіи, единственное государство, которое при своемъ основаніи установило принциповъ совершеннаго отдѣленія государства и церкви — установленіе, которое старая Европа, за исключеніемъ Франціи, не смотря на свою уже почти дряхлую цивилизацію, познала лишь въ самое послѣднее время. Америка не только высказала, но и осуществила этотъ принципъ. Уже въ концѣ прошлаго столѣтія, евреи засѣдали тамъ въ законодательныхъ палатахъ. Недавно, въ 1868

году, еврей Оттенбургъ назначенъ былъ сѣверо-американскимъ посланникомъ при мексиканскомъ дворѣ.

Скоро ли оставшія въ дѣлѣ цивилизаціи государства обратятся къ праву—это рѣшить трудно. Но, по крайней мѣрѣ, выгоды, проистекающія изъ уравненія всѣхъ гражданъ должны были бы достигнуть того, чего не могло добиться право. Что эти выгоды въ то же время касаются и матеріальныхъ и нравственныхъ благъ евреевъ—этого никто и не станетъ отрицать, Но, кто можетъ отрицать и то, что блага евреевъ тождественны съ возрастающимъ процвѣтаніемъ государства вообще? и это особенно выдается тамъ, гдѣ евреи, относительно говоря, составляютъ болѣе значительную часть населенія. Тѣ наивныя времена, въ которыя фараоновскіе законы о евреяхъ считались государственною мудростью, уже прошли. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ исчезли и нелѣпныя опасенія поглощенія христіанской торговли съ ихъ еще болѣе нелѣпными законодательными послѣдствіями; они исчезли уже давно въ Германіи, Франціи, Англии, Нидерландахъ и Вельгіи — словомъ, въ государствахъ, усвоившихъ себѣ раціональную государственную и экономическую системы. Эти опасенія осуждены точно также, какъ и система покровительственныхъ пошлинъ. Поэтому, въ большей части случаевъ, будетъ весьма трудно, и даже неприлично, статистически распредѣлять благо всего государства, въ обширномъ смыслѣ, по религіямъ и вѣроисповѣданіямъ. Что высшіе и низшіе финансы, что торговля и промышленность въ значи-

тельныхъ размѣрахъ находятся въ рукахъ евреевъ — это, для блага ихъ и для блага государства, сдѣлалось аксіомой. Государство теперь уже не спрашиваетъ — крещенные или некрещенные платятъ справедливо распределенные налоги, возвышаютъ его торговлю и придаютъ блескъ его знаменамъ. Но оно и не спрашиваетъ — въ такихъ-ли также размѣрахъ, какъ торговля и фабричное производство, находятся въ рукахъ евреевъ и ремесла? Статистика въ большей части случаевъ отвѣтитъ отрицательно на этотъ вопросъ, и причины этого явленія весьма не трудно понять. Не только болѣе значительный капиталъ заставлялъ евреевъ помѣщать его въ такихъ предприятияхъ, гдѣ онъ играетъ большую роль, но еще и то обстоятельство, что, съ одной стороны, евреи жили въ болѣе значительныхъ городахъ, а съ другой, что въ то время, когда возсіяла заря гражданской свободы, ремесла потеряли уже свою золотую почву и сдѣлались подчиненною принадлежностью фабричной промышленности.

Какія услуги евреи въ состояніи оказать во время войны — это показываетъ примѣръ Пруссіи во время войны за освобожденіе Германіи 1813—1815 г. На 18 мушинъ былъ одинъ еврейскій волонтеръ и 18⁴/₅ процента всего войска состояло изъ исповѣдующихъ Мойсееву религію.

Въ видѣ опыта статистическаго распределенія между евреями различныхъ родовъ занятій, предлагаемъ здѣсь слѣдующія данныя изъ прусскаго королевства,

одного изъ самыхъ цивилизованныхъ государствъ земнаго шара.

Въ 1862 году на 18,491,220 душъ общаго населенія приходилось 253,457 евреевъ. Изъ нихъ было:

а) На военной службѣ	1328
б) Собственниковъ и арендаторовъ имѣній	591
Управляющихъ и экономовъ при нихъ	52
Арендаторовъ отдѣльныхъ угодій	26
Пивоваровъ, винокуровъ и дистилаторовъ	302
в) Ремесленниковъ	11,364
г) Поденщиковъ	2106
д) Банкировъ	550
е) Самостоятельныхъ купцовъ	12,521
ж) Подрядчиковъ, комисіонеровъ и закладчиковъ	2035
з) Торгующихъ съѣстными припасами	3003
и) Разносчиковъ и лавочниковъ	6023
і) Прикащиковъ у лицъ подъ рубриками д—ж.	7665
к) > > > з—и.	1249
л) Торгующихъ лошадьми	938
м) Легковыхъ и ломовыхъ извозчиковъ	280
н) Содержателей гостинницъ	320
о) > ворчемъ и постоялыхъ дворовъ	780
п) Кухмистровъ	205
р) Шинкарей	1712
с) Художниковъ, имѣющихъ научныя занятія, воспитателей и занимающихъ общественныя должности	2535
т) Рантьеровъ и пенсіонированныхъ	2992
у) Живущихъ чужими средствами	2187
ф) Неимѣющихъ занятій и нищихъ	2435

Замѣчательно, наконецъ, что у евреевъ число браковъ гораздо значительнѣе. Въ то время, какъ общее число живущихъ въ бракѣ было, круглымъ числомъ, 3.124,000 т. е. $\frac{1}{6}$, число живущихъ въ бракѣ евреевъ было 78,500, т. е. около $\frac{1}{8}$.

Во Франціи, въ 1860 г., на 100,000 евреевъ, была

19 штабъ-и 175 оберъ-офицеровъ. — Въ Нидерландахъ, въ томъ же году, еврей Годофроа, членъ провинціального суда, былъ назначенъ министромъ юстиціи.

О заслугахъ евреевъ въ дѣлѣ наукъ и искусствъ мы считаемъ излишнимъ говорить здѣсь, такъ какъ это слишкомъ извѣстно.

Часто утверждали, что установленная закономъ равноправность евреевъ въ сущности не принесетъ никакой пользы, если этому не предшествовала или, по крайней мѣрѣ, тотчасъ не послѣдовала и социальная эманципация. Подъ послѣднею разумѣютъ амальгамированіе гражданскаго общества вообще. Однако, значеніе, которое придаютъ этому обстоятельству, значительно преувеличено при настоящемъ положеніи дѣлъ. Безъ сомнѣнія, въ городѣ и въ деревнѣ, существуетъ еще много предрасудковъ, въ особенности со стороны христіанъ. Сильнѣе всего они обнаруживаются въ женской части образованнаго общества. То какая нибудь госпожа совѣтница, то госпожа профессорша свысока смотрять на некрещенныхъ товарокъ по званію. Вѣдь видѣли же мы часто, что даже тѣ мужи, которые постоянно толкуютъ о прогрессѣ и равноправности предъ закономъ, весьма скоро забываютъ свои принципы, когда приходится осуществлять ихъ въ частной жизни въ пользу еврея. Но эти предрасудки отчасти начинаютъ исчезать, отчасти же желѣзная необходимость сношеній и тутъ удерживаетъ социальныя

элементы въ должныхъ границахъ. Устройте только хорошія школы, создайте свободные законы, уничтожьте въ тѣхъ и другихъ вѣроисповѣднѣй характеръ—и всѣ части народонаселенія уже научатся любить и уважать другъ друга. Съ этимъ связывается вопросъ — нужны ли особенныя усилія, именно союзы евреевъ, чтобъ добиться равенства предъ закономъ тамъ, гдѣ оно пока еще не существуетъ? У евреевъ не было недостатка въ такихъ союзахъ, какъ гласныхъ, такъ и тайныхъ, когда такая гласность могла считаться чуть ли не государственной измѣной. Къ послѣднимъ, большею частью весьма мало извѣстнымъ, принадлежали союзъ „Благая цѣль“ въ Геттингенѣ, въ 1815 году, съ которымъ и Риссеръ находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ, и существовавшее отъ 1836 до 1846 года анонимное общество, которое имѣло нѣчто въ родѣ карабонарнаго устройства и сосредоточено было преимущественно въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Союзъ перваго рода представляетъ „Alliance Israélite universelle“, имѣющій свой центръ въ Парижѣ и отдѣленія почти во всѣхъ главныхъ и многихъ другихъ значительныхъ городахъ всѣхъ частей свѣта.

Благотворная дѣятельность этого замѣчательнаго союза уже не разъ обнаружилась, въ особенности на Востокѣ, включая сюда и европейскую Турцію. Если союзъ этотъ до сихъ поръ имѣетъ еще мало приверженцевъ въ Германіи, то причину такого явленія слѣдуетъ искать въ томъ, впрочемъ несоответствующемъ уже настоящему времени, опасеніи, что предразсудокъ увидитъ здѣсь

стремленіе евреевъ образовать „государство въ государствахъ“. Это, повидимому, подозрѣвало также и новое венгерское правительство, когда оно долгое время не соглашалось (въ противность закону о собраніяхъ) на открытіе въ Пештѣ отдѣленія Всеобщаго Союза. Почему же въ Германіи забываютъ, что тамъ существуютъ многочисленныя союзы христіанскихъ исповѣданій, какъ, на примѣръ, союзы Густава Адольфа, Боромея, Пія и многіе другіе, которые далеко не дѣйствуютъ такъ открыто, какъ парижскій еврейскій союзъ?

Однако, духъ времени вѣроятно опередитъ всѣ похвальныя стремленія подобныхъ союзовъ, особенно пока имъ не достаетъ главной опоры—политическаго центра евреевъ *). Этимъ мы вовсе не думаемъ утверждать, что такой государственный союзъ необходимъ; но полезенъ онъ былъ бы во всякомъ случаѣ, и намъ кажется, что не такъ далеко то время, когда эта идея можетъ осуществиться на дѣлѣ. По крайней мѣрѣ, этому благоприятствуетъ политика, современное положеніе дѣлъ и, не смотря на всѣ искусственныя средства, все болѣе и болѣе приближающееся разрѣшеніе восточнаго вопроса. Уже въ 1840 году, со времени кровавыхъ сценъ, происходившихъ въ Дамаскѣ, при возникновеніи четвертаго союза (Quadrupel-Alliance), лордъ Пальмерстонъ былъ занятъ планомъ объ основаніи въ Сиріи еврей-

*) Мечту автора о политическомъ центрѣ можно, пожалуй, считать парадоксомъ, но мы не считаемъ себя вправе пропустить это мѣсто.

свой колоніи. Само собою разумѣется, что осуществленіе этого плана въ его первоначальномъ видѣ, подъ протекторатомъ Англии, до сихъ поръ не могло состояться; даже нельзя было объ этомъ и заявить, такъ какъ невозможно въ этомъ дѣлѣ отдать предпочтеніе одной великой державѣ предъ другою. Но такъ какъ Моисей Монтефиоре, своею богатою и блистательною дѣятельностью, поставилъ своихъ единовѣрцевъ въ Палестинѣ на болѣе или менѣе твердую почву, такъ какъ положеніе страны для торговли и промышленности весьма счастливое, и настоящее или близкое политическое положеніе таково, что всякая развязка восточнаго узла будетъ считаться желательнымъ, — то намъ вовсе не представляется внѣ всякой возможности мысль, чтобъ на великомъ порогѣ трехъ частей свѣта образовалось еврейское государство, главные элементы котораго, привлеченные изъ Европы, будутъ вполне способны установить новую связь между міромъ восточнымъ и міромъ западнымъ.

Политическимъ трудностямъ, которыя могутъ мѣшать осуществленію этого плана, въ настоящее время едва ли можно приписать особенную важность. Порты, которая и безъ того не знала до сихъ поръ, что ей дѣлать съ Сиріей, будетъ довольна, если подъ ея главенствомъ будетъ процвѣтать новая могучая жизнь тамъ, гдѣ до сихъ поръ господствовало лишь глухое затишье, прерываемое иногда только дразгами и мелочными расприями друзовъ и маронитовъ. Шестъ великихъ евро-

пейскихъ державъ и Сѣверо-Американскіе Штаты, если возникнетъ этотъ вопросъ, едва-ли представятъ какія нибудь серьезныя возраженія противъ учрежденія этого новаго вассальнаго государства. Слѣдуетъ думать, что они, напротивъ, будутъ содѣйствовать этому и помогутъ новому государству утвердиться на нейтральныхъ началахъ.

Россія и безъ того не спекулируетъ на Сирію, и споръ о ключахъ къ святому гробу, при серьезномъ обсужденіи, можетъ быть разрѣшенъ самымъ лучшимъ образомъ передачей ихъ будущему еврейскому правительству. Современный еврей, право, нисколько не ниже израильскаго народа, существовавшаго три тысячелѣтія тому назадъ, когда его мудрый царь освятилъ іерусалимскій храмъ, возвышенною молитвою, чтобы и не-еврей былъ слышанъ Провидѣніемъ въ этомъ Божьемъ храмѣ. Предоставьте евреямъ ключи—и христіанская святыня будетъ лучше охраняема, чѣмъ французско-русскимъ соперничествомъ.

Что элементы этого новаго государства уже во множествѣ имѣются въ Европѣ и Америкѣ, это едва-ли нужно доказывать: еврейское племя въ совокупности изобилуетъ матеріальными и умственными силами и силами. Свободное еврейское государство въ Сиріи, отвлеченное отъ древняго царизма и священства, могуче развивающее интеллигенцію, торговлю и промышленность, въ которыхъ евреи до сихъ поръ принимали такое дѣятельное участіе, это уже вовсе не химера, о чемъ

когда-то мечтали, а дѣйствительный оплотъ для олицетворенной въ эманципациі свободы совѣсти.

Обладая своей собственной территоріей, еврейство имѣло бы въ своей власти уравнивать христіанъ и мусульманъ, и дѣлая это, оно, на основаніи принципа взаимности, вправѣ было бы требовать того же самаго отъ всѣхъ другихъ государствъ. Испанія — если она останется таковою, какова она теперь — Норвегія и Румынія вскорѣ запѣли бы совѣзмъ другое.

Притомъ, нѣтъ ничего болѣе приличнаго для нынѣшняго политическаго положенія оттоманской имперіи, нѣтъ ничего болѣе достойнаго для современныхъ стремленій къ возрожденію, какъ это обновленіе древней почтенной колыбели деизма европейско-просвѣщенными потомками древнихъ ея обитателей.

Но такой планъ не только долженъ быть хорошо выработанъ, но иначе должно взяться и за его осуществленіе. Онъ долженъ перейти изъ рукъ отдѣльной личности и сдѣлаться общимъ достояніемъ. Временной комитетъ долженъ созвать въ Берлинъ, въ столицу государства, занимающаго въ восточной политикѣ самое нейтральное положеніе, въ центрѣ Германіи, депутатовъ отъ всѣхъ религіозныхъ еврейскихъ общинъ въ Европѣ и Америкѣ, и они должны составить подробный планъ, тщательно обсудить и затѣмъ предложить его съ одной стороны Турціи, а съ другой — семи великимъ державамъ Европы и Америки.

И здѣсь опасеніе національныхъ предразсудковъ должно быть предварительно похоронено.

Въ заключеніе не лишне будетъ указать на двѣ стороны той задачи, разрѣшеніе которой лежитъ на современныхъ евреяхъ.

Призваніе еврейства состоитъ въ распространеніи свободы совѣсти и ея охраненіи. На это прежде всего указываетъ принципъ бездогматнаго девиза, въ которомъ кроется начало неимовѣрнаго почти развитія этой религіи. Къ этому присоединяется еще великая борьба за отдѣленіе церкви отъ государства, которую евреи должны были вести во всѣхъ государствахъ и во всѣ времена. Ибо корень всѣхъ трудностей лежалъ, и отчасти и теперь еще лежитъ, въ различіи вѣры, какія бы тамъ политическія причины противники эманципаціи евреевъ не придумывали въ свое оправданіе. Евреи, поэтому, должны написать на своемъ знамени свободу и равенство всѣхъ исповѣданій, послѣ того, какъ ихъ собственное исповѣданіе причалить къ безопасному берегу. Притомъ, евреямъ очень легко ужиться съ христіанствомъ. Пусть христіанство будетъ факеломъ, перенесшимъ цивилизацію во всѣ концы свѣта, то спойно горя, то пламенѣя и обжигая. Но огонь свой факель этотъ зажегъ у діаманта, призваніе котораго состоитъ въ томъ, чтобы свѣтить вѣчно мирнымъ бле-

скомъ чистой вѣры въ единое, вѣчное существо. Пусть же діамантъ и факель съ этихъ поръ единодушно свѣтятъ міру!

Весьма понятно, что образованные евреи тѣснѣе сближаются съ приверженцами болѣе чистыхъ христіанскихъ исповѣданій, но они не должны забывать, что всякое религиозное убѣжденіе, всякое исповѣданіе имѣетъ право на свободу совѣсти, въ виду которой набожное дитя, молящееся Св. Дѣвѣ, стоитъ на одной ступени съ мыслителемъ, который находитъ свое удовлетвореніе въ великой книгѣ природы.

Если въ нашемъ обзорѣни вовсе не упомянуто о Церковной Области, то это потому, что правительство, которое воспрещаетъ своимъ еврейскимъ гражданамъ громко пѣть и играть, налагаетъ за это особые налоги и запираетъ ихъ въ гетто, гдѣ монахи проповѣдуютъ имъ обращеніе, такое правительство не можетъ имѣть мѣсто въ ряду цивилизованныхъ государствъ. Но, какъ несомнѣнно то, что политическое хозяйство, которое, рискуя быть осужденнымъ всеми образованными государствами, не гнушается, однако, безнаказанно похищать малолѣтнихъ дѣтей у ихъ родителей, чтобы заманить ихъ къ крещенію сахарными пряниками и шелковыми платьями, быстро приближается къ окончательному своему паденію; такъ несомнѣнно и то, что евреи должны, однако же, уважать церковнаго главу католическаго христіанства вмѣстѣ съ самымъ христіанствомъ, если не желаютъ впасть въ ошибку

своихъ противниковъ и смѣшивать церковь съ государствомъ.

Второй девизъ, который долженъ быть начертанъ на еврейскомъ знамени, это—прогрессъ. Идея необозрима, но принципъ весьма простой: онъ состоитъ въ тѣсной связи со всѣми свободными мѣропріятіями на поприщѣ государственнаго управленія и народнаго хозяйства. Первый взглядъ, брошенный на эманципацию евреевъ, внушаетъ убѣжденіе, что только полное господство общественнаго мнѣнія и здраваго смысла доставило ей побѣду. Самые превосходные правители могли сдѣлать лишь очень немногое, или, если и сдѣлали что нибудь, то безъ всякой системы. Цѣлыя тюки бумаги потрачены на прошенія, которыя правительства и сословныя представительства вынуждены были читать въ теченіе полу столѣтія. Но результатомъ всего этого было не болѣе, какъ пустая выноска на поляхъ этихъ прошеній.

Напротивъ того, всѣ три великихъ политическихъ акта народнаго движенія, совершенныхъ въ новѣйшую историческую эпоху и исходившихъ всѣ изъ Франціи, дали самый ясный отвѣтъ на нашъ вопросъ. Въ виду этого, еврей долженъ оставаться тѣмъ, чѣмъ онъ нѣкогда долженъ былъ сдѣлаться въ моисеевомъ государствѣ и чѣмъ онъ сдѣлался чрезъ продолжительную борьбу до и послѣ своего разсвѣнія: онъ долженъ быть пионеромъ свободы, бойцемъ за гражданское равенство и народное возвышеніе своего дорогаго отечества, т. е. той страны, въ которой онъ теиерь живетъ. Это зна-

менательный признакъ времени, что покойный властелинъ въ области финансовъ (Джемсъ Ротшильдъ) былъ не только душеприказникомъ королей, но и популярнымъ отеческимъ другомъ парижскихъ рабочихъ. И такъ, въ мирѣ, какъ и въ борьбѣ:

Все для народа,
Все съ народомъ,
Все чрезъ народъ!

КОНЕЦЪ.

WIDENER

HN S8K5

THE BORROWER WILL BE CHARGED
AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT
RETURNED TO THE LIBRARY ON OR
BEFORE THE LAST DATE STAMPED
BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE
NOTICES DOES NOT EXEMPT THE
BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
JUL 1 1 1969
2727

WIDENER

HN S8K5

THE BORROWER WILL BE CHARGED
AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT
RETURNED TO THE LIBRARY ON OR
BEFORE THE LAST DATE STAMPED
BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE
NOTICES DOES NOT EXEMPT THE
BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
JUL 1 1 2002
75442724

